

ПУТЕШЕСТВИЕ ВЪ ЗАПАДНУЮ СИБИРЬ

Д-ра О. Финша и А. Брэма.

Съ рисунками въ текстѣ.

МОСКВА.

Типографія М. И. Лаврова и К°, Леонтьевскій пер., соб. домъ.
1882.

далъ я—развѣ кромѣ индѣйцевъ въ Калифорніи и лапландцевъ въ Норвегіи—такого жалкаго парода, какъ эти такъ называемыѣ Остяки. По брестамъ, надѣтымъ у нихъ на шеѣ, они заявляютъ себѣ христіанами, по явные сїды пьянства и сифилиса свидѣтельствуютъ, что христіанская религія не особенно способствовала ихъ правственному развитію.

Малый ростъ, выдающіяся скелы, маленькие черные глаза, приплюснутый носъ, большія толстые губы и длинные, черные, гладкіе волосы придавали имъ монгольскій отпечатокъ. Черты лица, вирочемъ, представляли большое разнообразіе, равно какъ и цветъ кожи, которая вообще имѣеть смуглый оттенокъ, но у нѣкоторыхъ такъ-же блѣдъ, какъ и у русскихъ. Мужчины одѣваются какъ русскіе, съ тою только разницей, что костюмъ ихъ повиненъ и изорванъ до послѣдней степени. Женщины были одѣты въ пестрыя платья, похожія на рубашку; ихъ вскользь очесанные волосы были повязаны платкомъ. Особенное вниманіе обращала на себя одна, отвратительно безобразная старуха, у которой щеки до самаго угла рта были патутированы синимъ рисункомъ, похожимъ на вѣтку дерева. Женщины занимались шитьемъ своихъ оригинальныхъ костюмовъ или сшивали полоски блѣдичихъ мѣховъ; другія были заняты печеньемъ хлѣба, который приготавляется ими самыми первобытнымъ способомъ. Ржаная мука съ примѣсью соли обваривается кипяткомъ, мнется въ тѣсто, памазывается на палку и печется или жарится въ горячей водѣ. Оригинальные, конусообразные шалаші изъ бересты (чумы) тутъ еще не встрѣчаются. Остяки живутъ вѣдь въ жалкихъ землянкахъ или въ палаткахъ самой первобытной конструкціи, имѣющіхъ изъ укрепленного на кольяхъ косого павѣса изъ березовой коры, подъ которымъ устроено, для защиты отъ комаровъ, небольшой набойчатый пологъ, въ которомъ и спитъ вся семья на оленьихъ шкурахъ. Убранство и пожитки вполнѣ гармонировали съ крайнею убогостью незатѣйливаго жилья. Они состояли обыкновенно изъ немногихъ шкуръ сѣверного оленя, мѣшковъ муки, желѣзного котла, чайника, нѣсколькихъ деревянныхъ плоскихъ корытъ и разной круглой посуды изъ бересты, для воды и сѣфтиныхъ припасовъ. Между всемъ этимъ хламомъ не было ничего оригинального, что могло бы привлечь вниманіе этографа, а о предметахъ для мѣвы не могло быть и рѣчи. Я упоминаю объ этомъ потому, что въ описаніи Сибири Албина Коня мѣѣ пришлось вычитать будто бы между Томскомъ и Тюменью можно легко выѣхать нѣсколько кунъихъ или лисъихъ

шкурокъ за старую шерстяную фуфайку; я долженъ прибавить еще, что Остяки, живущіе на средней Оби, отлично знаютъ цѣну дельгамъ и отнюдь не новички въ мѣнивой торговлѣ.—За неимѣніемъ чего другого они предложили намъ купить по рублю за штуку ихъ волкообразныхъ дворняшекъ, которыхъ были действительно педурии собой и очень понравились намъ.

Кромѣ того наше порадовало еще здѣсь домашняя кошка и молодой, едва оперившійся, бѣлохвостъ (*Haliaëtus albicilla*); что касается туземцевъ, то мы встрѣтили ихъ только близъ Ново-Тимскаго, небольшого русскаго мѣстечка на правомъ берегу, недалеко отъ устьевъ Томи, и ватъ еще другой разъ. Такимъ образомъ мѣстность между Томскомъ и Самаровымъ не особенно благопріятна для изученія Остяковъ, которые здѣсь уже на половину или вполнѣ обрусили. Описанія путешественниковъ, видѣвшихъ ихъ только въ этихъ мѣстахъ, очевидно, могли только способствовать къ распространенію многихъ ложныхъ о нихъ сведеній.

Кромѣ Тимскаго, мы останавливались только у одного большого села на лѣвомъ берегу, въ 7 часахъ юзы отъ Томска, сколько помнится, Колпачека, и видѣли еще издали Нарымъ, небольшой городокъ (около 2000 жителей, при устьѣ Кети), лежащій на правомъ берегу и затопленный кругомъ разлившееся рѣкою; городокъ же Сургутъ (около 1000 жителей) остался у насъ въ сторонѣ. Эти три пункта—самые населенные на всемъ протяженіи 1547 верстъ.

Множество оленьихъ и лосиныхъ шкуръ (цѣна первымъ была по 1 р., а вторымъ по 3 р.), которыхъ были здѣсь нагружены на пароходы, свидѣтельствовали о нѣкоторомъ значеніи ихъ для торговли. Кромѣ того, кое-гдѣ, на берегу, видѣлись еще деревянныя подмостки для сушки рыбы, которая доказывали, что этотъ промыселъ составляетъ одинъ изъ главѣйшихъ источниковъ пропитанія жителей.

Сама рѣка не представляла, впрочемъ, никакого оживленія; въ продолженіи четырехъ дней мы встрѣтили только два парохода, идущіе вверхъ, противъ теченія. При однообразіи и пустынности ландшафта, естественно было ожидать нѣкотораго разнообразія отъ фауны, но и эта надежда была обманута. Объ царствительно блѣдна животною жизнью и на нѣкоторыхъ мѣстахъ на ней царствуетъ мертвая типина. Правда, по временамъ видѣются многочисленныя стаи дикихъ утокъ, но они держатся настолько далеко, что невозможно даже различить породъ. Только однажды увидѣла я лебедей. Единственными спутниками парохода были чайки

Для очень тощаго общественного сундука такая сумма составляла конечно весьма крупную выдачу, но она оказывалась слишкомъ незначительной для путешествія въ Сибирь, такъ какъ по смытѣ, расходы по этому путешествію на двухъ человѣкъ вычислены были въ 18000 марокъ, несмотря на то, что оба участника экспедиціи не получали ни малѣйшаго вознагражденія.— Для покрытия недостающей суммы мы расчитываемъ на сочувствие правительственныйхъ и общественнныхъ учрежденій, а также и на существенную поддержку со стороны всѣхъ людей, интересующихся успѣхами естествознанія и географіи...— такъ гласилъ одинъ пунктъ въ издававшихся въ то время „Запискахъ“ Общества *). Не взирая однако на такое, исполненное довѣрія и надеждъ, обращеніе къ публикѣ, предпріятіе все еще можно было считать рискованнымъ, даже и послѣ того, какъ семь членовъ Общества (большею частию изъ учредителей) представили, въ качествѣ гарантіи, сумму въ 7100 марокъ. На всѣ-же свои многочисленные воззванія и циркуляры Общество только и получило что вкладъ въ 500 марокъ отъ сената вольного ганзейскаго города Бремена и 300 марокъ отъ Королевскаго-Баварскаго правительства. Добровольныхъ частныхъ пожертвованій поступило отъ г. Андре въ Лейпцигѣ—5 марокъ; г-ну же Торшекену, доктору медицины въ Бременѣ, экспедиція весьма признателна за пожертвованную имъ дорожную аптеку и лѣчебникъ (д-ра Рихтера), во многихъ случаяхъ оказывавши памъ во время путешествія незамѣнныя услуги.

Итакъ, хотя содѣствіе этому интересному предпріятію со стороны Германіи не оправдало даже самыхъ наискромѣйшихъ ожиданий, Общество все-таки могло уже теперь спокойно проводить въ путь свою экспедицію, а тутъ совершило неожиданно уже 25 февраля, оно получило вдругъ богатѣйшій подарокъ въ 20300 марокъ. Болѣдушинымъ жертвователемъ оказался Александръ Михайловичъ Сибиряковъ изъ Иркутска, приносящей такая крупная, щедрыя жертвы не только на благо своей родины, но и въ интересахъ чисто науки вообще, и притомъ настолько безкорыстно, что какъ отечество его, такъ и учреждя Общества могутъ съ гордостью считать его своимъ почетнымъ гражданиномъ и членомъ.

*) *Denkschrift des Vereins für die deutsche Nordpolarfahrt betreffend die von ihm im Jahre 1876 zu veranstaltende wissenschaftliche Forschungsreise nach West-Sibirien. Bremen. Januar 1876.*

Такъ какъ однимъ членомъ Общества выражено было желаніе, чтобы въ экспедиціи припяли участіе двое естествоиспытателей, то по моему предложению, соизвѣстовать миѣ изъявилъ согласіе зпаметитѣй авторъ „Жизни животныхъ“ докторъ А. Бремъ, мой давнишній другъ и товарищъ по избранный специальности. Съ неменьшимъ удовольствіемъ привѣтствовали мы и рѣшеніе графа Карла фонъ Вальдбургъ-Цейль-Траухбурга,—адютанта (нынѣ полковника) штаба короля Бюргембергскаго,—участвовать въ экспедиції, въ качествѣ волонтера, на собственный счетъ.

Благодаря ходатайству предсѣдателя Общества А. Г. Мосле, состоявшему депутатомъ въ Имперскомъ сеймѣ, мы были прияты начальникомъ министерства иностраннѣй дѣлъ, государственнымъ министромъ Бюловымъ, и директоромъ министерства, дѣйствительнымъ тайнымъ советникомъ Филиппсборномъ, и получили отъ нихъ превосходныя рекомендациіи въ русскому правительству, а также и льготу на беспошлины привозъ нашего багажа. Многимъ мы также обязаны уполномоченному Россійскаго двора, посланнику барону Убri. Удостоившись 5-го марта высокой чести представленія Его Величеству Императору Германскому и Королю Прускому Вильгельму I, мы на слѣдующій день выѣхали изъ Берлина, въ сопровождѣніи почетнаго члена Общества г. Г. Шиффера, пользовавшаго случаемъ посѣтить столицу Россійской Имперіи.

Въ Петербургѣ различныя необходимыя приготовленія задержали насъ до 16-го марта. Въ это время мы имѣли удовольствіе познакомиться съ членами и представителями учреждѣній обществъ, гдѣ пользовались чрезвычайно любезнымъ пріемомъ, какъ напримѣръ въ Русскомъ Императорскомъ Географическомъ Обществѣ, товарищу предсѣдателя котораго, статскому советнику П. И. Семенову, мы обязаны тѣмъ, что имѣли честь представиться Предсѣдателю Общества. Благодаря высокому посредничеству министерства иностраннѣй дѣлъ, а равно посланнику Императорскаго Германскаго двора, генераль-адютанту графу Швейницу, мы не только получили прекрасныя рекомендациіи отъ министра внутреннихъ дѣлъ, генераль-адютанта Тимашева, министра государственныхъ имуществъ, дѣйствительнаго тайного советника Валуева, отъ министра путей сообщенія, вице-адмирала Посытта, такъ-же какъ и отъ генераль-губернатора Западной Сибири, генераль-адютанта Казнакова, но 10-го марта имѣли честь быть представленными, кроме всѣхъ названныхъ высокопоставленныхъ лицъ, также и его свѣтлости, государственному канцлеру князю Горчакову.

Прибывъ 17-го марта въ Москву, мы имѣли время справиться только съ самыми необходимыми дѣлами, и даже должны были, къ величайшему письму сожалѣнію, отказаться отъ приглашенія къ Его Сиятельству, Московскому генераль-губернатору, генераль-адъютанту князю Долгорукову. Благодаря любезному содѣствию представителей извѣстной крупной торговой фирмы г. Л. Клоопа, пынѣ барона, г. Прове и г. Ф. Клоопа, также и секретаря общества для содѣстviя русской промышленности и торговли, г. Вольдемара, всѣ дѣла наши были окончены втечение двухъ дней, и къ тому-же тамъ, что лучшаго пелья было и желать. Такъ напримѣръ, черезъ посредство поименованныхъ мою лицъ, мы могли взять съ собою, въ качествѣ слуги, артельщика Шестовской артели Ивана Клюгина и, что еще важнѣе, — такъ какъ ни одинъ изъ насъ не зналъ русскаго языка, — переводчика, въ лицѣ Мартина Дзервита, латыша изъ Риги, представившаго намъ превосходныя аттестаціи отъ прежнихъ мѣстъ своего служенія въ качествѣ учителя. Оба они оказались дѣйствительно людьми добросовѣстными и вѣрными, и я тѣмъ съ большою благодарностью упоминаю здѣсь о ихъ услугахъ, что оба они неутомимо помогали мнѣ при собраніи коллекцій, послѣ того какъ я научилъ ихъ препарировать животныхъ.

Такимъ образомъ, 18-го марта мы могли уже выѣхать изъ Москвы, хотя обстоятельства были и не особенно благопріятны, такъ какъ необыкновенно раннее наступленіе весны сулило намъ на пути не мало затрудненій и препятствій, что произвѣдено на насъ, юношковъ, конечно далеко не ободряюще впечатлѣніе.

Насколько удалось намъ выполнить нашу задачу, — это можно будетъ видѣть изъ нижеслѣдующаго описанія, въ которомъ я старался просто, безъ всякихъ прикрасъ, передать картину видѣнаго и пережитаго нами за время нашего путешествія. Мы очень пріятно также, что основываясь на опредѣленіяхъ, сдѣланныхъ, благодаря любезному содѣствию различныхъ ученыхъ специалистовъ, обращеннымъ нами научнымъ коллекціямъ, я могу здѣсь упомянуть и обѣихъ; кроме того я старался сообщить здѣсь географическія свѣдѣнія, и то, что мы удались узнать касательно торговли, промышленности и произведеній странъ. Къ сожалѣнію, различныя обстоятельства помѣшили мнѣ привести въ исполненіе намѣреніе мое присоединить къ этой книгѣ отдельную главу, заключающую въ себѣ статистическія свѣдѣнія; но это исключено уже другимъ путемъ, — именно, съ этой цѣлью, т. е. для отображенія справокъ на мѣстѣ, секретарь Общества, д-ръ М. Линде-

манъ,ѣздилъ въ 1876 году на Нижегородскую ярмарку, и на эту поѣздку Обществомъ выдана была субсидія въ 1500 марокъ. Сравнительно съ богатымъ материаломъ, собраніемъ г. Линдеманномъ, свѣдѣнія, добытыя нами въ Сибири, были-бы конечно весьма неполны, но тѣмъ не менѣе купецъ и промышленникъ могутъ найти здѣсь кое-какія сообщенія достойнія вниманія, и главное — совершиенно точныя, такъ какъ касательно торговыхъ предпріятій я старался большие сообщать практическія свѣдѣнія и указанія. Такимъ образомъ, я надѣюсь, что и въ этомъ отношеніи я не обманулъ ожиданий, такъ же какъ не обманулъ ихъ въ отношеніи естественноисторическомъ. Выраженіе шести мѣсяцевъ, мы, внутри самой Сибири, проѣхали болѣе 12000 верстъ, и большую частьюѣхали сѣйшно, такъ что за выключеніемъ семи недѣльного путешествія въ лодкѣ, намъ пришлось на собраніе коллекцій посвятить какъ слѣдуетъ только 16 дней; но несмотря на это, намъ все-таки удалось привезти болѣе 150 экземпляровъ млекопитающихъ, 550 птицъ, 150 земноводныхъ, 400 рыбъ, 1000 насѣкомыхъ и многочисленные образцы горныхъ породъ, равно какъ и образцы различныхъ произведеній по отрасли земледѣлія и лѣсоподѣлства; принимая все это въ расчетъ, за нами можетъ-быть и признаютъ иѣкоторую долю заслуги.

Съ особенной благодарностью упоминаю я здѣсь о содѣстviи и помощи, оказанной намъ графомъ Вальбургомъ фонъ Цейль, которому, кроме собранія богатаго гербариya, принадлежать исключительно также и барометрическія наблюденія. Специальный отчетъ о нашей экспедиціи тоже вѣроятно скоро появится и, вмѣстѣ съ выставками сибирскихъ коллекцій (въ особенности собранной мной коллекціи этнографической), которымъ Общество, подъ моимъ руководствомъ, предполагаетъ устроить въ Бременѣ *), Гамбургѣ, Брауншвейгѣ, Ганноверѣ и Касселѣ, дастъ болѣе вѣрное понятіе о дѣятельности нашей экспедиціи.

Остается еще сказать иѣсколько словъ о мѣстоахожденіи коллекцій. Къ сожалѣнію, первоначальное намѣреніе оставить всѣ эти коллекціи сполна въ Бременскомъ городскомъ музѣѣ, не могло осуществиться, такъ какъ Общество вынуждено было продать ихъ, въ виду своихъ финансовыхъ обстоятельствъ, вслѣдствіе чего большая часть коллекцій поступила въ исполненіе зоологического королевскаго музея въ Берлинѣ, другая часть перешла въ Британскій музѣй въ Лондонѣ, въ отечественномъ-же музѣй остался

*.) Выставка въ Бременѣ открыта была 17-го мая 1877 года.

только отдельъ этнографической. Но Общество все-таки нашло возможнымъ часть коллекцій пожертвовать въ общественные музеи; такимъ образомъ получили подарки: Бременскій городской музей, Мюнхенскій королевскій, королевскій зоологическій, королевскій минералогическій, королевскій земледѣльческій Музеи, королевскій Берлинскій гербарій, королевскій музей въ Штуттгардѣ, и королевскій минералогическій музей въ Вѣнѣ.

Итакъ, сдѣлавъ отчетъ о возникновеніи, осуществленіи и дѣятельности западно-сибирской экспедиціи, я считаю необходимымъ присовокупить, что благодаря поддержкѣ и помощи оказанной памъ въ Сибири, путешествіе обошлось только въ 21000 марокъ, по въ этотъ счетъ не включены еще значительныя затраты по снаряженію, которая большую частью покрыты суммой, вырученной отъ продажи коллекцій, и дошедшій въ общей сложности до 3681 м.

Въ заключеніе на миѣ лежитъ еще пріятный долгъ высказать благодарность всѣмъ лицамъ, содѣствовавшимъ успѣху экспедиціи совсѣмъ или помочью. Благодарность эту кромѣ лицъ, поименованныхъ мною выше, я шлю добрѣйшимъ и милѣйшимъ сибирякамъ, имена которыхъ не премину упомянуть въ послѣдующемъ описаніи. Главною цѣлью этой книги служить желаніе распространить болѣе вѣрный взглядъ на благодатную во многихъ отношеніяхъ западную Сибирь и на честныхъ, добросовѣстныхъ людей, живущихъ тамъ, чѣмъ тотъ, который до сихъ поръ существовалъ у насъ. Если миѣ удастся это, въ такомъ случаѣ мои труды и время не будутъ потрачены даромъ. Миѣ нечего копечно говорить о томъ, что превосходная статья друга моего д-ра Брема существенно будуть содѣствовать возбужденію интереса къ западной Сибири во всѣхъ концахъ Германіи; рисунки же, сдѣланные знаменитымъ художникомъ Морицемъ Гофманномъ, по эскизамъ, набросаннымъ мною съ патуры, и художественно исполненнымъ г. И. Шефферомъ въ Берлинѣ, во всякомъ случаѣ весьма помогутъ болѣе ясному представлению описываемаго, такъ какъ они вѣрины до мельчайшихъ подробностей. Текстъ этой книги просмотренъ графомъ Вальдбургомъ, которому я приношу глубокую признателность не только за многія дѣльныя поправки и замѣчанія, но также и за чтеніе корректурныхъ листовъ, потому что знакомство его съ русскимъ языкомъ, въ отношеніи правописанія соотвѣтственныхъ именъ, было весьма важно.

Д-ръ О. Финшъ.

Почетный членъ географического Общества.

Бременъ, марта 1879 г.

ГЛАВА I.

ЧЕРЕЗЪ УРАЛЪ.

(Отъ Нижнаго-Новгорода до Екатеринбурга.)

Нижній.—Спароженіе въ нутрь и совѣты касательно этого спароженія.—Неблагоприятныя условія для путешесствія.—Длиннайшая аллея въ сѣтѣ.—Онасная Ѣза въ Волгѣ.—Савша Ѣза, какъ вытка.—Выносливость яицековъ.—Сравненіе сапей съ кораблемъ.—Устройство почтовыхъ сапей.—Деревни.—Скотъ.—Черемисы.—Чуваші.—Черезъ Волгу.—Казань.—Татарскій городъ.—Гостепріимство.—Профессоръ Радловъ.—Татарскія школы и муллы.—Университетъ.—Профессоръ фонъ Готтвалдъ.—Полянки.—Бригитополіе въ путешесствію.—Рамъ.—Татары-имщики.—Ирбитскіе обозы.—Дорожныя правила.—Татарскія деревни.—Малмыжъ.—Переездъ черезъ рѣку.—Животная жизнь.—Покровительство птицамъ.—Вотяки.—Искусные возници.—Конецъ саниному пути.—Путешесственникъ изъ Кяхты.—Пермскій губернаторъ.—Кунгуръ.—Черезъ Уралъ.—Сплавъ судовъ.—Горизападскія селенія.—Переваль.—Запущенные лѣса.—Граница Европы и Азіи.—Взглядъ на Пермскую губернію.

Мы выѣхали изъ Москвы съ вечернимъ поѣздомъ и 19-го марта, около $9\frac{1}{2}$ часовъ, прибыли въ Нижній-Новгородъ. Здѣсь въ вокзалѣ мы встрѣчились были г. Коширекимъ, который съ чрезвычайной любезностью взялся хлопотать касательно приготовленій къ нашему дальнѣйшему передвиженію. Благодаря его содѣствію, памъ дали изъ конторы князя Демидова трое саней; въ числѣ ихъ были между прочимъ и тѣ сани, которыми въ предшествовавшую передъ тѣмъ зиму пользовался профессоръ Нордешильдъ. Когда это важное дѣло было покончено, пани люди немедленно приступили къ укладыванію множества бывшихъ съ нами вещей, для которыхъ я за 12 рублей долженъ былъ купить еще сани, сами-же мы въ маленькихъ саночкахъ отправились въ городъ.

Какъ известно Нижний раздѣляется на двѣ части: собственно городъ стоять на правомъ берегу Волги, а ярмарка раскинута на лѣвомъ; обѣ части города, лѣтомъ, т. е. во время ярмарки, бывають соединены понтоннымъ мостомъ. Ярмарочная часть го-

ГЛАВА XI.

НА ОБИ.

(от Томска до Обдорска).

Въ Томскѣ.—Какъ въ большомъ городѣ.—Значеніе его какъ торгового пункта.—Будущий университетъ.—Гостиница Европа.—На пароходѣ.—Прибрежный ландшафтъ.—Пароходы на Оби.—Способы постройки и устройство.—, Бѣльченко".—Цѣни.—Пароходное сообщеніе по Оби и ее притокамъ.—Каналъ между Обью и Енисеемъ.—Служба на пароходѣ.—Отошледіе.—Торговая за пристанихъ.—Первые тувемцы.—Ихъ становище.—Ново-Тимское.—Нармы.—Вѣдность животного царства.—Начинается полярный день.—Жизнь на пароходѣ.—Дальняя школьная поездка.—Исторія одного сосланного Поляка.—Пастоящій „Бѣльченко".—Барки съ сомными передъ Самаровыми.—Пріѣздъ и неожиданность.—Земцовъ.—Деревня Самарово.—Граница хлѣбонашествія.—Въ подмоѣ лабиринтъ.—Мирахъ.—Почтовое сообщеніе съ сѣверомъ.—Такса на гребцовъ.—Станція до Неревова. Бѣло-Горе.—Сухоровская.—Г-нъ Поликовъ. Тетеревинный тонъ.—Мѣна и торговля.—Жизнь итицъ на лѣвомъ берегу.—Малый Атамъ.—Въ первобытномъ лѣсу.—Комары.—Ночная картина.—Животная жизнь.—Пара ласточекъ.—Чистоплотность Остаковъ.—Видъ Березовка.—Тихій прѣмъ.—„Рейнскій вогребъ".—Шишка у Остаковъ.—Березовъ.—Гробницы знаменитыхъ государевънниковъ людей.—Городъ.—Торговая мѣханія.—Хатбная торговля.—Домашія животныя.—Д-ръ Крживицкій.—Зимнія юрты Остаковъ.—Снова въ путь.—Старый Михаилъ Напаевъ теверь и прежде.—Станція до Обдорска.—Большой Устрамъ.—Собаки.—Лапландская сова.—Внутреннее устройство чума.—Женщины-ямынки.—Кучеватка.—Петровъ день.—Границы распространенія воробья въ домашней ласточки.—Прочія птицы.—Береговой ландшафтъ.—Геологический замѣтки.—Пароватскія юрты.—Первые сѣверные олени.—Мастерская Остаковъ.—Луки и стрѣлы.—Ловкость въ стрѣльбѣ.—Видъ на Ураль.—Замѣчательная ширина реки.—Арктическая полуночная картина.—Насѣкомыя.—Видъ Обдорска.—Пріѣздъ.

Едва успѣлъ я немного оправиться, т. е. очиститься отъ покрывавшей меня пыли и кое что перекусить, какъ тотчасъ же принялъ „за дѣло". На одномъ изъ низенькихъ экипажей, подобные которымъ были никогда въ ходу и у насъ подъ названіемъ „колбасъ" (*Wurstwagen*) и на которыхъ всего удобнѣе сидѣть верхомъ, я отправился, какъ это обыкновенно водится по приѣздѣ въ большой городъ, сперва на почту и телеграфъ и затѣмъ въ контору пароходства, чтобы взять нужное число мѣсть.

При этихъ разѣздахъ, мнѣ пришлось познакомиться съ предмѣстіями, которые, какъ и вездѣ въ Сибири, имѣли весьма прівлекательный видъ съ своими полуразвалившимися строепіями и кучами мусора и навоза. Я радовался еще сухой погодѣ потому, что въ дождливое время улицы предмѣстій бываютъ конечно покрыты сплошною цѣнью тощихъ лужъ, на подобіе болотъ.

Здѣшнее заведеніе гг. Колчина и Игнатова оказалось гораздо болѣе обширнымъ, чѣмъ то, которое они имѣютъ въ Тюмени. Въ немъ замѣчался тотъ же образцовый порядокъ, который, къ сожалѣнію, такъ рѣдко приходится встрѣтить въ Сибири. Цѣлый рядъ стройныхъ деревянныхъ, одноэтажныхъ пакгаузовъ служитъ складочнымъ мѣстомъ для доставляемыхъ сюда обозами товаровъ, иъ числѣ которыхъ первое мѣсто занимаетъ Кяхтинскій чай. Повсюду кипела дѣятельность, сновали рабочіе, прѣѣзжали и уѣзжали телѣги и т. д.

По возвращеніи въ городъ, мнѣ предстояло запастись разнаго рода провизіею, какъ то: чаемъ, кофе, сахаромъ, виномъ, рисомъ, мукою и т. п., и я едва успѣлъ покончить со всѣмъ этимъ къ 11-ти часамъ вечера. Такимъ образомъ мнѣ не пришлось даже поблагодарить губернатора за его любезную предупредительность относительно пасъ. Разѣзжая по городу, я могъ ознакомиться съ большою частью его и долженъ сказать, что, при ближайшемъ знакомствѣ, онъ отнюдь не портитъ хорошаго впечатленія, произведимаго имъ при вѣзде. Дѣйствительно, Томскъ выдается изъ всѣхъ сибирскихъ городовъ, видѣніемъ пами. Его главныя улицы, застроенные отчасти каменными домами, богатыя лавки съ зеркальными стеклами и пестрыми вывесками, большой каменныи европейскій гостиный дворъ, большія церкви, казенныя и публичныя зданія (въ томъ числѣ театръ) придаютъ ему вполнѣ видъ большого города. Улицы, впрочемъ, перѣдко весьма крутыя, не мощены, хотя обыкновенно, какъ и въ Америкѣ, снабжены деревянными мостками для пѣшеходовъ. Послѣ Приутска, самаго населеннаго города Сибири (32,789 жит., по Шваненбаху), Томскъ во всякомъ случаѣ самый значительный. Число его жителей было мнѣ показано очень различно, отъ 22,000 до 30,000, и положительныхъ свѣдѣній на этотъ счетъ не имѣется (Шваненбахъ насчитываетъ 25,605). Одинъ купецъ сообщилъ мнѣ, что Томскъ служить пристанищемъ множества разнаго сброва, бѣглымъ преступникамъ и тому подобному люду. Это обстоятельство, конечно, не можетъ служить къ безопасности города, по такова участъ

почти всѣхъ многолюдныхъ центровъ, къ которымъ безспорно можетъ быть причисленъ Томскъ. Въ торговомъ отношеніи онъ даже превосходитъ, вѣроятно, Иркутскъ, такъ какъ служитъ сборнымъ мѣстомъ товаровъ, идущихъ изъ Ирбита и чайныхъ транспортовъ изъ Кяхты. Во всякомъ случаѣ городъ, о которомъ еще въ 1734 году замѣтилъ старій Гемингъ, что „если какой либо изъ городовъ Сибири представляется удобства для торговли, такъ это Томскъ,—въ состояніи много выиграть отъ дальнѣйшаго развитія водяного сообщенія. Весьма важно также для города, что, по Императорскому указу, вѣдь имѣть быть основанъ „сибирскій университетъ.“ Въ будущемъ Томску несомнѣнно предстоитъ получить большое значеніе и онъ, навидимому, призванъ играть со временемъ роль настоящей столицы Сибири.

Семья сибиряковъ.

Томскъ основанъ въ 1617 году и лежить подъ $56^{\circ} 29' 18''$ сѣвер. широты и $84^{\circ} 57' 8''$ восточ. долготы, отъ Гринвича (Фритче), на высотѣ 150 метровъ надъ уровнемъ моря (по графу Вальдбургу). Гостилица „Европа“ въ которой мы остановились, не только выказывала стремление къ репутаціи столичной, но и вполнѣ достигла своей цѣли, по крайней мѣрѣ относительно цѣни, потому что 25 к. за чашку кофе, 1 р. 20 к. за весьма скучный обѣдь и 2 р. за грязный номеръ могутъ считаться цѣнами весьма приличными; я узналъ впрочемъ и послѣдствіемъ, что въ Томскѣ есть и другія, лучшія гостилицы.

Около полуночи мы отправились, съ нашими 54 ящиками клади, на пароходъ, который действительно отправился ровно въ 3 часа утра. Такъ какъ втечењіи трехъ сутокъ мы пришлось успѣть только 7 часовъ, то я прежде всего легъ спать, а когда часовъ въ 10 вышелъ на палубу, то мы уже шли по Оби, представлявшей довольно величественный, по пѣсколько монотонный видъ. Впечатлительная поверхность широко разлившейся реки была окаймлена низкими, пологими берегами, покрытыми непроходимыми чащами ивъ и тополей, къ которымъ на заднемъ планѣ присоединились сосны и пихты, сливавшіяся паконецъ въ необозримые лѣса. Смѣщеніе хвойныхъ породъ съ лиственными придавало этимъ зеленымъ береговымъ кулисамъ пѣкоторое разнообразіе; лежащіе на пути островки были также густо покрыты зелеными березками и ивами, и вообще поѣзда по Оби, хотя и довольно однообразна, все же не можетъ быть названа скучною и во всякомъ случаѣ гораздо интереснѣе, чѣмъ напр. поѣзда по нижнему Дунаю. По своему многоводью и ширинѣ, Обь смѣло можетъ сравняться съ Дунаемъ. Мѣстами она такъ широка, что окаймляющіе ее лѣса кажутся совершенно маленькими; мѣстами она съуживается въ узкій забиринѣ, изъ которой глазъ не находить выхода. Пароходы вообще предпочитаютъ идти боковыми рукавами, отчасти для сокращенія пути, отчасти потому, что фарватеръ ихъ спокойнѣе. Капитанъ уверялъ насъ, что волны на Оби бываютъ иногда такъ велики, что заливаютъ палубу и угрожаютъ потушить огонь въ паровикѣ. По постояніямъ г-на Игнатова, капитаны его пароходовъ сдѣлали подробную съемку реки и нанесли свои промѣры на карту самаго большого масштаба, такъ что пространство отъ Томска до Тюмени можетъ считаться теперь наиболѣе изученнымъ.

Первымъ введеніемъ пароходства Сибирь обязана, впрочемъ, купцу Мясникову, который еще въ 1838 году подалъ министру финансовъ прошеніе о предоставлѣніи ему привилегіи на пароходство по Оби, Иртышу и Байкальскому озеру. Такъ какъ тогдашніе генераль-губернаторы выскажались противъ проекта, то дѣло затянулось до 1844 года, когда въ деревнѣ Грудинскѣ, Иркутского уѣзда, былъ построенъ первый пароходъ „Николай“ (въ 52 лош. силы), который и былъ спущенъ на Байкальскомъ озерѣ. Въ томъ же году введеніо было пароходство и въ западной Сибири, гдѣ Мясниковъ построилъ въ деревнѣ Рѣшетниковой, въ 10 вер. отъ Тюмени, два парохода, машины для коихъ были выписаны изъ Петербурга и Нижне-Тагильска. Послѣ того

какъ Мясниковъ продалъ свою привилегію купцу Поклевскому, послѣдній прибавилъ къ тремъ раньшѣ построеннымъ пароходамъ еще четвертый (въ 50 силъ), которымъ и открылось сообщеніе между Тюменью и Томскомъ. Въ 1861 году по Оби и ея притокамъ ходило уже 20 пароходовъ, въ числѣ владѣльцевъ которыхъ оказался и нашъ пріятель Игнатовъ, Тюфипъ и другіе. Въ настоящее время Обь съ ея притоками имѣетъ тоже очень почтенный флотъ, изъ 34 пароходовъ, совокупностью въ 2655 лош. силъ; изъ этого числа 7 (615 силъ) принадлежатъ фирмѣ „Колчина и Игнатовъ“, 6 (540 силъ) купцу Тюфишу; оба въ Тюмени.

Всѣ пароходы, не исключая и „Бѣльченко“, на которомъ мыѣхали, колесные, весьма солидной конструкціи и съ приличнымъ и удобнымъ, хотя и не роскошнымъ помѣщеніемъ. Въ противоположность нашимъ пароходомъ, каюта первого класса находятся на палубѣ; она состоятъ изъ уютнаго павильона, предназначеннаго для игроковъ и курильщиковъ, изъ отдѣльной мужской и дамской каюта и нѣсколькихъ маленькихъ, для двухъ-четверыхъ пассажировъ. Второклассная каюта находится на кормѣ подъ палубой, которая въ свою очередь прикрыта деревянной крышей, а съ боковъ парусинными стѣнками, и служить помѣщеніемъ для треть资料а класса. Пассажиры тутъ располагаются, какъ придется, на скамейкахъ, стоящихъ въ два ряда, или просто на полу. Во всякомъ случаѣ, они тутъ помѣщены лучше, чѣмъ на большей части волжскихъ пароходовъ, где имъ приходится день и ночь проводить на открытой палубѣ и, какъ это мы видѣли позже, въ октябрѣ мѣсяцѣ дрогнуть, закутавшись въ шубы или подъ одѣяла, отъ рѣзкаго вѣтра и частыхъ мятежей. При ограниченныхъ потребностяхъ пассажировъ этого класса, неудивительно, что забота о пасущемъ продовольствіи предоставлена имъ самимъ. Они возятъ юду съ собой и, кроме кипятка для чая, могутъ получить еще водку, по и то въ самомъ умѣренномъ количествѣ, во избѣженіе всякихъ сцепъ и дракъ. Напитки доставляются Колчинымъ и Игнатовымъ и продаются ими по своей цѣнѣ,—примѣръ достойный подражанія для вашихъ пароходныхъ компаний. Кухня сдана дѣльному и умѣлому повару, который не платить никакой аренды, но зато обязанъ руководствоваться установленной тарифомъ. Поэтому содержаніе стоитъ дешевле, чѣмъ въ гостиницахъ и можетъ смѣло выдержать сравненіе, равно какъ и все устройство вообще, съ нашими лучшими рѣчными пароходами. Для сравненія приведу нѣкоторыя цѣны. На Обскомъ пароходъ бутылка хорошаго пива стоитъ 25—30 к. (въ Москвѣ 20—30 к.), бу-

тылка лафита (изъ Москвы) 2 р. 50 к. (въ Москвѣ 1 р. 80 к.), полъ-бутилки сельтерской воды (также изъ Москвы) 30 к. (въ Москвѣ 20 к.), кофе 20 к. (въ Москвѣ и Петербургѣ 60 к., въ Тобольскѣ 50, въ Казани 40 к.), чай 40 к. (въ Москвѣ и Петербургѣ 60 к., въ Казани 30 к., изъ Тобольскѣ 60 к.), 4 яйца 10 к. (въ Москвѣ и Тобольскѣ 20 к.), бифштексъ 40 к. (въ Казани 50 к., въ Тобольскѣ 60 к.), порція жареной телятины 30 к., рабчикъ 35 к., яичница 50 к., обѣдъ 1 р. 50 к. (тоже самое, что въ Москвѣ и Казани). Конечно, съѣстные пріпасы стоять въ Сибири несравненно дешевле, чѣмъ въ Европейской Россіи.—Пароходы фирмъ Колчина и Игнатова одни дѣлаютъ правильные рейсы (приблизительно отъ 17 мая по 1 октября), между Тюменью и Томскомъ. Отъ каждой изъ этихъ двухъ конечныхъ станцій еженедѣльно отправляется по пароходу, которые проходятъ 2677 верстъ въ 6—8 дней, смотря по высотѣ воды. Между Томскомъ и Самаровымъ пять глаеныхъ станцій: Келпичево, Нарымъ, Томскъ, Александрово и Сургутъ, по пароходы останавливаются кромѣ того еще въ четырехъ мѣстахъ, чтобы запастись дровами, на что каждый разъ уходитъ часа $1\frac{1}{2}$ —2 времени. Плата за проѣздъ отъ Тюмени до Томска въ первомъ классѣ—22 р., во второмъ—14 р., въ третьемъ 6 р., понятно не считая содержанія. Тарифъ на пропозъ клади колеблется между 20 и 60 коп. съ пуда и очень рѣдко доходитъ до 80 коп. Весною впрочемъ берутъ по 60 коп. съ пуда и за кладь отъ Ирбита до Томска.

Кромѣ упомянутой линіи сообщенія, по Оби и ея притокамъ, пароходы ходятъ еще временно между слѣдующими пунктами. Тотчасъ послѣ вскрытия рѣкъ, обыкновенно около 30 апрѣля или 1 мая, съ наступленіемъ половодья, открывается однорейсное сообщеніе съ Ирбитомъ, куда отправляются изъ Тюмени пароходы 10—12 (они обыкновенно идутъ $2\frac{1}{2}$ дня и дѣлаютъ 400 верстъ противъ течеія), чтобы привезти въ Томскъ закупленные на большой зимней ярмаркѣ товары. Съ тою же цѣлью весной отправляются пять пароходовъ, по Иртышу, въ Семипалатинскъ, два — въ Барнаулъ, два маленькихъ, по Тоболу, до Ялуторовска, и кромѣ того, лѣтомъ, одна шлюшка въ Семипалатинскъ и другая, большихъ размѣровъ, въ Барнаулъ, съ цѣлью доставки въ Тюмень золотой руды. Весною (въ маѣ или въ іюнѣ) отправляются также два парохода съ четырьмя баржами по Чулыму, правому притоку Оби, и доставляютъ въ городъ Ачинскъ (1200 верстъ) ирбитскіе товары и соль. Чулымъ, почти

подходящій на широтѣ Красноярска къ водораздѣлу Енисея, могъ бы помошюю кашалу служить къ соединенію Енисея съ Обью,— проектъ, который не только исполнимъ, но повидимому и въ самомъ дѣлѣ будетъ приведенъ въ исполненіе. Самъ г. Игнатовъ обратилъ на него вниманіе и употреблялъ такія же старанія на изслѣдованіе Чулымъ, какія приложилъ ранѣе къ рекогносцировкѣ Иртыша до Записанскаго озера. По мнѣнію Игнатова и Вардропнера, главнымъ препятствіемъ къ судоходству по этой рѣкѣ является масса затонувшихъ деревьевъ, которыми засоренъ фарватеръ; поэтому прежде всего необходимо очистить рѣку. Въ 1872 году на счетъ правительства была произведена съемка р. Кети, протекающей далѣе къ югу; она также оказалась очень удобною для устройства соединительнаго канала съ Енисеемъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что выполнение упомянутаго проекта было бы дѣломъ громадной важности; уже одна плата за про-воз чая поизилась бы отъ того на пять рублей за цыбикъ.

Кромѣ описаннаго правильнаго сообщенія между Тюменью и Томскомъ, въ 1877 году должно было открыться таковое же между Тобольскомъ и Омскомъ, имѣющее быть продолженнымъ на 760 верстъ далѣе до Семипалатинска. Кромѣ того Игнатовъ имѣлъ въ виду построить особый плоскодонный пароходъ для Тобола, по которому онъ бы могъ ходить за Ялуторовскъ до Кургана; мнѣ неизвѣстно однако, былъ ли этотъ проектъ приведенъ въ исполненіе.

О значеніи пароходства для рыбной торговли мнѣ еще придется говорить впослѣдствіи.

Чтобы закончить очеркъ обскаго пароходства въ отношеніи персонала служащихъ, слѣдуетъ еще замѣтить, что капитаны этихъ пароходовъ—люди образованные, и что помощниками ихъ служатъ опытные лоцманы, изъ мѣстныхъ жителей, хорошо знакомые съ фарватеромъ и его измѣненіями по временамъ года. Экипажъ такого парохода какъ „Бѣльченко“ (въ 120 силъ), постройка котораго, замѣтимъ мимоходомъ, обошлась въ 80,000 р., состоитъ изъ капитана, его помощника, двухъ лоцмановъ, четырехъ подручныхъ (рулевыхъ) и 10 матросовъ; кромѣ того при машинѣ: одинъ главный машинистъ и четыре его помощника, шесть кочегаровъ и четыре рабочихъ для поиски дровъ. При кухнѣ находится поваръ, съ 3 помощниками и 3—4 половиными. Капитаны и старшии машинисты нанимаются обыкновенно на болѣе или менѣе продолжительный срокъ и получаютъ 1500—1200 р. въ годъ. Матросы получаютъ по 14, кочегары по 16, первый

поваръ 60—70 р. въ мѣсяцъ. Содержаніе не включается въ эту сумму, но арендаторъ буфета обязанъ отпускать служащимъ столъ за 10 р. въ мѣсяцъ, и братъ за харчи съ матросовъ ежедневно 12—15 коп. Лоцманы получаютъ отъ 600 до 800 р. за сезонъ. До 1878 года, на обскихъ пароходахъ (какъ и на волжскихъ) отопленіе производилось исключительно дровами. Покуда дрова еще вообще въ избыткѣ, но, вслѣдствіе частыхъ и опустошительныхъ лѣсныхъ пожаровъ, въ некоторыхъ мѣстахъ начинается уже чувствоватьсь недостатокъ въ топливѣ. На случай совершившаго истребленія лѣсовъ, въ окрестностяхъ имѣются, впрочемъ, какъ я уже говорилъ выше, громадныя залежи каменного угля, который можетъ вполнѣ покрыть недостатокъ въ топливѣ. Дрова (преимущественно сосновыя и лиственничныя) стоятъ на берегу распиленные и расколотые; они обходятся, среднимъ числомъ, по 1 р. 60 к. за кубическую сажень. Пароходъ въ 120 силъ истребляетъ ихъ ежедневно по 35 саженъ, а въ 80 силъ по 20 саженъ. За доставку дровъ на пароходъ платится вездѣ по 25 к. на человѣка; таскаютъ ихъ на посыпкахъ, причемъ работой занимаются отчасти туземцы, отчасти служащіе на баржахъ для ссыльныхъ, а иногда матросы.

До Самарова „Бѣльченко“ останавливался 4 раза, чтобы застаситься дровами, и это дало намъ возможность провести часовъ около двухъ на берегу. На пристаняхъ дарило большое оклевѣніе и суeta; кромѣ посильщиковъ, таскавшихъ крушныя полѣнья дровъ, тутъ толпились обыкновенно и мѣстные жители съ различными сѣфтиными пріяслами. Они пріѣзжаютъ частію съ противоположнаго берега, на маленькихъ членокахъ, выдолбленихъ изъ стволовъ тополя, въ которыхъ приходится грести, стоя на колѣнахъ (по ловкости въ этомъ отвѣщеніи женщины пискалько не уступаютъ мужчинамъ) и привозятъ для продажи хлѣбъ, излюбленные плоскіе кольцеобразные калачи, яйца, масло, свѣжее и кислое молоко, свѣжую и соленую рыбу. Все это охотно покупается пассажирами третьаго класса и матросами, которымъ продовольствіе обходится такимъ образомъ очень дешево. Разумѣется, нужно торговаться до безконечности, такъ какъ продавцы очень любятъ запрашивать: такъ напр. за $1\frac{1}{2}$ футовыхъ осетровъ они просили по 20 к., что по здѣшнимъ цѣнамъ считается очень дорогимъ.

Мы были особенно довольны тѣмъ, что намъ удалось при этихъ остановкахъ познакомиться съ туземцами, которые, впрочемъ, производятъ далеко не благородное впечатлѣніе. Никогда не ви-

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Какъ извѣстно „Общество германской сѣверно-полярной экспедиції“ *) основано было въ Бременѣ въ то время, когда вторая пѣмецкая сѣверно-полярная экспедиція 1870 года возвратилась изъ своего знаменитаго, богатаго открытиемъ путешествія по восточной Гренландіи, и когда возникъ вопросъ о томъ, чтобы достопримѣнъ націю образомъ увѣдомить и довести во всеобщее свѣдѣніе результаты этого достопримѣнаго путешествія. Разрѣшивъ удовлетворительно эту задачу, Общество задалось цѣлью продолжать далѣе столь многообщающе и столь успѣшно начатое дѣло изслѣдованія въ восточной Гренландіи, и въ этомъ смыслѣ подало правительству докладную записку; однако, на основаніи мнѣнія созванной союзныхъ совѣтомъ ученої комиссіи, планъ Общества не былъ принятъ, а взамѣнъ его рекомендовалась другія предпріятія.

Такимъ образомъ у Общества была отнята всякая возможность къ дальнѣйшей разработкѣ принятой было имъ на себя великой задачи, вслѣдствіе чего оно стало изыскивать средства къ осуществленію поставленной имъ себѣ цѣли въ другомъ уже направлѣніи. Отсюда и возникла мысль о спароженіи экспедиціи въ Западную Сибирь, первоначально высказанная д-ромъ Линдеманомъ, дѣятельнымъ секретаремъ Общества, а затѣмъ, когда я выразилъ готовность отправиться въ это путешествіе, одобренная всѣми членами Общества. Въ засѣданіи 10-го января 1876 года, Обществомъ постановлено было отправить экспедицію въ область рѣки Оби и ассигновано было на это предпріятіе 5000 марокъ.

*) Переименованное въ 1877 году въ „Географическое Общество“.

(*Larus affinis*) и морскія крачки. Изъ мелкихъ птицъ встрѣчалась всего чаще бѣлая трясогузка (*Motacilla alba*); по временамъ слышалась голосъ кукушки, и вездѣ, гдѣ берегъ былъ мало-мальски удобенъ, т. е. гдѣ онъ былъ значительно выше уровня разлива рѣки, въ немъ гнѣздились цѣлые сотни береговыхъ ласточекъ (*Hirundo tristis*), повидимому, самыхъ распространенныхъ и многочисленныхъ здѣсь птицъ. Мы встрѣчали эту птичку-ко-смополита повсюду на нашемъ пути; между прочимъ, два мѣсяца тому назадъ, на Ала-Кулѣ, гдѣ она уже старательно вила гнѣзда; здѣсь, на Оби, она также была занята устройствомъ гнѣзда, но вѣдь мы находились на 13 градусовъ сѣвериѣ, и прибавившись

Становище обрустившихъ оставокъ.

день достаточно указывалъ памъ, что мы приближались къ поларному кругу. За послѣдніе дни день сталъ прибавляться съ поразительной быстротою. Перваго іюля, недѣлья Томска, при-мѣрио подъ 56 град. сѣверной широты, въ полночь было еще настолько темно, что нельзя было различать буквъ, хотя и можно было писать; 2-го, на три градуса сѣвериѣ, въ это же время, можно уже было читать мелкій шрифтъ, а 3-го, еще на три градуса далѣе къ сѣверу, привилось завѣсить ночью окна каютъ, чтобы произвести искусственный мракъ. Въ полночь на небѣ еще видѣлась широкая полоса солнечного свѣта, золотившаго облака.

Жизнь на палубѣ, по всему, что касалось кухни, погреба и прочихъ удобствъ, не оставляла желать ничего лучшаго; личная

свобода не стѣснялась даже обязательно опредѣленнымъ часомъ обѣда, и большая часть пассажировъ явилась на палубу только къ полудню. Публика первого класса была такая же, какъ и вездѣ. Тутъ были патентованные франты съ массивными золотыми брелоками, пепсис, шелковыми пестрыми галстуками, и, смотря по погодѣ, высокими цилиндрами или клеенчатыми фурражками на головѣ; не было недостатка и въ кокетливыхъ дамахъ, которые, впрочемъ, какъ и мужчины, курили папироски и коротали время вмѣстѣ съ ними, занимаясь безконечною игрою въ висть. Одинъ господинъ въ военной формѣ заинтересовалъ меня не потому, что былъ въ мундирѣ, а потому, что везъ своего 7-лѣтняго сына въ учебное заведеніе, и имѣло изъ Владивостока на Амурѣ въ Петербургъ. Онъ находился въ дорогѣ съ 5-го мая, т. е. уже два мѣсяца, и согласно отпуску, могъ пробыть въ столицѣ только двѣ недѣли, а затѣмъ ему предстоялъ обратный путь въ 10,000 верстъ.—Вотъ какова Сибири!

Между пассажирами 3-го класса,—къ быту которыхъ я присматривался съ особеннымъ интересомъ, и многие изъ коихъ позади убѣждали, какъ мало собственно нужно человѣку, чтобы быть довольнымъ и счастливымъ,—особенно заинтересовалъ меня одинъ полкѣ, не потому только, что, отыскнувъ въ теченіи 12 лѣтъ отъ пѣмѣцкаго языка, онъ съ видимымъ усилиемъ объяснялся на пемъ, но и тѣмъ, что рассказалъ мнѣ чистосердечно исторію своей жизни. Такъ какъ это—исторія ссыльного, „несчастнаго“, какъ ихъ называютъ въ Сибири, то я не считаю себя въ правѣ умолчать о ней, тѣмъ болѣе, что меня часто спрашивали о судьбѣ этихъ людей, и я не имѣю никакого основанія сомнѣваться въ вѣрности слышаннаго мною разсказа. По ремеслу мыловарь, этотъ полкѣ жилъ долго въ Германіи и, вѣроятно, благополучно продолжалъ бы свое существованіе въ Варшавѣ, своемъ родномъ городѣ, если бы не всыпнула революція 1863 года. Воодушевившись, какъ и многие другіе, въ пользу „ойцизны“, и убѣжденный въ усиѣнности затѣяннаго дѣла, онъ рискунулъ принять на себя обязанность политического агента и доставить въ Парижъ важныя извѣстія. Но уже въ Вѣнѣ 20-лѣтній юноша былъ открытъ вмѣстѣ съ письмомъ, которое было у него сиротано въ саночкѣ, арестованъ и послѣ 13-ти-мѣсячнаго ареста отправленъ на поселеніе въ ссылку въ Сибирь „на всю жизнь“. Въ то время до Тобольска ссыльныхъ везли на лошадяхъ, а отъ Тобольска до Нерчинска ихъ гнали по этапу, закованными въ 20-ти фунтовыхъ цѣпи; всего съ нимъ было 250

товарищай, съ которыми, въ шесть мѣсяцевъ, проходя ежедневно по семи часовъ, онъ и достигъ наконецъ конечной цѣли своего странствія. Здѣсь, въ то время, какъ его состоятельныи и высокопоставленныи товарищи, вачинщики влосчастнаго возмущенія, вскорѣ были избавлены отъ цѣней, нашли радуший приемъ въ домѣ коменданта, были приглашаемы на чайные и танцевальныи вечера,—онъ, съ прочими бѣдными товарищами по несчастію, долженъ быть ежедневно работать по 13 часовъ въ сутки въ рудникахъ, гдѣ на двухъ человѣкъ полагалось ежедневно вырывать по три кубическихъ аршина мерзлой земли. Ихъ ежедневное продовольствіе состояло изъ трехъ фунтовъ хлѣба и одного фунта мяса, которое предоставлялось варить имъ самимъ; впрочемъ, благодаря вліянію ихъ лучше поставленныхъ товарищай, по воскресеньямъ имъ стали давать еще кое-что сверхъ положеннаго. Одній сострадательный кузнецъ согласился также за 12 к. неремѣнить ночью 20-ти фунтовая цѣни на 12-ти-фунтовая. Послѣ двухъ лѣтъ каторжной работы въ Нерчинскѣ, за хорошее поведеніе съ него сняли цѣни и перевели въ солянныи кони, гдѣ работать гораздо легче, а по прошествіи еще двухъ лѣтъ помиловали и перевели на поселеніе. Такъ какъ его специальность, мыловареніе, не могла дать ему въ Сибири достаточнаго обеспеченія, то онъ принялъ въ бѣгѣ низкое ремесло и, поселившись въ маленькой деревнѣ, назначеннай ему для мѣста жительства, стала лить сальныи сѣви. Но и этотъ продуктъ шель плохо, тогда, съ разрешеніемъ правительства, онъ написалъ въ услуженіе къ одному мелочному торговцу въ большомъ селѣ близъ Канска. Получая въ мѣсяцъ 20 рублей жалованья, онъ могъ жениться и, слѣдя только своему чувству, выбралъ девушку въ довольно южиточнаго, по мѣстнымъ условіямъ, крестьянскаго семейства. Недовольный первымъ бракомъ, тестъ мало однако помогъ дочери и все приданое состояло изъ нѣсколькихъ старыхъ горшковъ и тому подобной домашней рухляди. Полякъ впрочемъ не уналъ духомъ и на скопленіи гроши открылъ свою собственную лавочку. Дѣло пошло очень хорошо. Сосѣдіе крестьяне стали часто навѣдываться къ нему и раскупали чай, сахаръ, сапоги и тому подобный мелочнай товарь. Одно было худо,—большая часть этихъ покупателей брала въ долгъ и не платила, такъ что когда добросовѣстный продавецъ свелъ счеты, оказалось, что изъ 600 рублей, съ которыми онъ началъ торговатъ, едва осталось 190. Когда въ отдаленой деревушкѣ на Енисѣй проникла вѣсть о милостивомъ манифестѣ великодушнаго Александра

II, въ нашемъ полякѣ пробудилась съ необыкновеной силой любовь къ родинѣ и онъ рѣшился во что бы то ни стало, вернуться въ отчество и повидаться съ своими состарѣвшимися родителями въ Варшавѣ. Продавъ за 30 р. свой домъ и своихъ пять коровъ, онъ отправился въ путь съ женой и дѣтьми, тремя миловидными девочками, отъ трехъ до шести лѣтъ. У него было очень мало денегъ на дорогу, но онъ зналъ, что въ Сибири можно путешествовать, тратя очень мало. До Красноярска онъѣхалъ на парѣ собственныхъ лошадей, которыхъ здѣсь и продалъ. Отъ Красноярска до Томска дорога ему стала 10 р., отъ Томска до Тюмени 18 р., далѣе до Перми онъ условился съ однимъ татарамъ за 25 р., въ надеждѣ, что родители вышлютъ ему туда 40 р. Такимъ образомъ путевые издержки были очень невелики, а продовольствіе почти ничего не стоило, такъ какъ взятаго изъ дома хлѣба, масла и ветчины должно было хватить съ избыткомъ до Перми, а больше имъ ничего не было нужно. Хотя въ послѣднее время этому поляку жилось и не худо въ Сибири, но, какъ и большая часть его соотечественниковъ, онъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ возможности уѣхать оттуда, и не изъ одного только чувства любви къ родинѣ, которая во всякомъ случаѣ не сулила ему особенно заманчивой будущности, а главнымъ образомъ потому, что даже для него, сравнительно неразвитаго человѣка, Сибирь представлялась ужасной духовной могилой. Съ какимъ жаднымъ любопытствомъ распрашивалъ онъ о случившихся въ послѣднія 12 лѣтъ замѣчательныхъ событияхъ и политическихъ переворотахъ, и какъ благодаренъ былъ онъ за то, что я часто бесѣдовала съ нимъ. Отдавая съ одной стороны должную похвалу добродушію и гостепріимству сибиряковъ, онъ, съ другой стороны, описывать въ яркихъ чертахъ ихъ нравѣство, грубость и суевѣrie. Для примѣра, онъ рассказалъ мнѣ, между прочимъ, какъ однажды крестьянинъ, собравшися былоѣхать на охоту, вернулся домой, единствено потому, что онъ (полякъ) случайно перешелъ ему дорогу, что тотъ принялъ за зловѣщее предзнаменованіе, и не только что вернулся, но даже приїхалъ было въ мнимаго вѣстника несчастія.

Не для того, чтобы вознаградить бѣдняка за понесенныя имъ лишненія, сколько потому, что онъ мнѣ очень полюбился, я былъ радъ оказать ему маленькую услугу и былъ бы еще болѣе радъ, если бы его желанія исполнились. А скромнѣе его желаній ничего и быть не могло: онъ искалъ только работы на родинѣ! Къ сожалѣнію ему нельзя было прямо къ своимъ роднымъ;

онъ долженъ бытъ остановиться въ Киевѣ и уже тамъ ждать окончательнаго разрѣшенія прѣѣхать въ Варшаву.

Какъ самое название парохода, „Вѣльченко“, данное въ честь начальника надъ ссыльными, уже могло служить напоминаніемъ, что мы бѣхали большими водами путемъ, по которому отправляются эти невольные странники, такъ еще болѣе утверждала въ томъ уродливая черная баржа, которую пароходъ тащилъ на буксирѣ. Это было одно изъ тѣхъ громадныхъ судовъ, которые были построены въ числѣ трехъ, фирмой Колчина и Игнатова, при пособіи отъ казны, специально для перевозки ссыльныхъ изъ Тюмени въ Томскъ. Прежде ссыльныхъ отправляли, болѣе частію, въ западную Сибирь, а теперь ими стали населять и вос-

Внутренность осязного чума.

точную ея половину; важные преступники, приговоренные къ каторжной работѣ, ссылаются, кроме Перми, еще въ Забайкалье и на о-въ Сахалинъ въ каменноугольный копи. Такъ какъ ежегодно въ Тюмень прибываетъ около 11—12000 ссыльныхъ, то, для дальнѣйшаго препровожденія въ Томскъ, понадобились особоустроенные буксиры суда. Эти, такъ называемыя „арестантскія баржи“, употребляемы съ 1872 года, имѣютъ 250 футовъ длины, сидѣтъ въ водѣ не болѣе трехъ футовъ и стоятъ, каждая, 30,000 р. Окружающая ихъ желѣзная решетка, переходящая вверху въ проволочную сѣть, придастъ имъ странный своеобразный видъ, и какъ по дорогѣ въ Тюмень мы сначала

принимали новозки ссыльныхъ за клѣтки для курь, такъ и эти большия суда произвели на насъ впечатлѣніе колоссальныхъ вольерокъ. Согласно своему назначенію, все судно устроено на подобіе тюрмы. Какъ внутреннее помѣщеніе, такъ и палуба раздѣлена на камеры, где ссыльные проводятъ ежедневно по нѣсколько часовъ, для того, чтобы пользоваться свѣжимъ воздухомъ. Кромѣ кухни и умывальной, на каждомъ судѣ есть еще лазареть и аптека. Караваль изъ 25—40 солдатъ находится подъ начальствомъ поручика, не особенно пріятная обязанность котораго въ лѣтнее время состоить въ постоянномъ плаваніи отъ Тюмени до Томска и обратно. Ссыльные составляютъ изъ себя настоящую артель: они получаютъ цѣликомъ деньги, выдаваемыя казною на ихъ содержаніе, (по 15 к. въ сутки на человѣка) и закупаютъ провизію гуртомъ, что, при дешевизнѣ съѣстныхъ припасовъ, дасть имъ возможность имѣть порядочный столъ.

Перевозка такого большого числа ссыльныхъ, за которыхъ казна платить по $6\frac{1}{2}$ руб. съ человѣка, не только вызвала одновременное открытие правильнаго пассажирскаго сообщенія, но и оживленный сплавъ товаровъ. Возвращающіяся обратно пустыми баржи берутъ по пути товары, между которыми главное мѣсто занимаетъ чай, идущій въ Томскъ изъ Кяхты черезъ Иркутскъ; одни Игнатовскіе пароходы доставляютъ втеченіе сезона до 80,000 цыбиковъ чая, по три пуда въ каждомъ.

Наша баржа везла, кроме товаровъ, еще дрова для топки парохода, для приема которыхъ разъ мы имѣли продолжительную остановку.

По близости отъ Самарова мѣстность оживляется, не сама по себѣ, но по причинѣ болѣеї населенности. Чаще начинаютъ ветрѣваться луга съ насущнися скотомъ, пашни, даже деревни. На небольшомъ разстояніи мы проѣхали три селенія; въ одномъ изъ нихъ видѣлась даже красивая маленькая церковь. Рѣка припала также болѣе величественный видъ и стала такъ широка, что мы не замѣтили, какъ очутились на буро-мутныхъ водахъ Иртыша. Обманъ поддерживался еще тѣмъ, что брошенныя въ воду щенки, казалось, плыли вмѣстѣ съ нами внизъ по течению, тогда какъ въ дѣйствительности пароходъ пошелъ теперо вверхъ по Иртышу. Это замѣчательное явленіе обусловливалось тѣмъ, что мутная масса воды разлившейся Оби пересыпала течение Иртыша. Къ $7\frac{1}{2}$ часамъ, нашъ пароходъ подошелъ къ правому, крутыму берегу Иртыша, покрытому роскошнымъ первобытнымъ лѣсомъ, а полчаса спустя мы остановились у маленькаго домика съ из-

сколькими амбарами,—это было Самарово, лежащее въ 25 верстахъ выше мѣста слияния Оби съ Иртышомъ.

Тутъ мы должны были оставить пароходъ, на которомъ, къ сожалѣнію, намъ пришлось провести только трое сутокъ въ 16 часовъ, почти въ позабытомъ нами комфорѣ, который былъ поэтому еще болѣе для насъ чувствителенъ. Мы обязаны имъ отчасти любезному капитану Александру Павловичу Рассошину, который вскорѣ отправился съ пароходомъ по направлению въ Тобольскъ.

Дальнѣйшее путешествіе нѣсколько беспокоило меня, такъ какъ съ Самаровыемъ прекращалось всякое праильное сообщеніе внизъ по рѣкѣ и было еще вопросомъ—въ состояніи ли мы будемъ панять или купить тутъ подходящее судно. Представьте же себѣ наше удивленіе, когда, едва вступивъ на берегъ, мы были обрадованы привѣтствіемъ засѣдателя или окружного начальника, который сообщилъ намъ, что все готово для дальнѣйшаго путешествія!

Въ этой деревнѣ, названіе которой было намъ едва известно раньше и въ которую мы приѣхали безъ всякихъ рекомендаций, объясняясь позабылись такъ, какъ я этого желалъ бы себѣ для всѣхъ дальнѣйшихъ поѣздокъ и вообще для всѣхъ путешественниковъ. Нашъ великодушный покровитель не былъ высокопоставленное лицо, ни даже какой-нибудь богачъ, а простой, какъ онъ самъ себя называлъ, „Рязанскій крестьянинъ“, Василій Трофимовичъ Земцовъ, по имени. Поселившись, лѣтъ 25 тому назадъ, въ маленькой деревнѣ на Иртышѣ, бережливостью и трудолюбіемъ онъ составилъ себѣ репутацію зажиточнаго и влиятельнаго человека, рѣдкая опытность которого, въ особенности по предмету рыболовства, принесла мнѣ цемалую пользу. Этотъ крестьянинъ, сознававшій все значеніе предпринятаго нами съ научною цѣлью путешествія и готовый по мѣрѣ силъ и возможности служить наукѣ,—что могли бы взять въ примѣръ себѣ многіе изъ нашихъ богачей, позабылся о насъ задолго до нашего приѣзда.

„Въ прошломъ апрѣль мѣсяцѣ узналъ я,—писалъ онъ г-ну Полякову,—что въ маѣ слѣдующаго года, Бременская экспедиція должна будетъ на пути въ Одборскъ проѣхать черезъ наше село. Сознавая всю громадную пользу этого предпріятія и зная что изъ Самарова въ Одборскъ можно достичнуть только въ лодкѣ,—движимый желаніемъ по мѣрѣ силъ быть полезнымъ экспедиціи и оказать ей свое содѣйствіе, я построилъ крытую осмыслившую лодку, чтобы представить ее въ личное распоряженіе г-на д-ра Финна“.

Хотя это намѣреніе и не было приведено въ исполненіе, такъ какъ, изъ совершенно справедливаго и законнаго патріотическаго чувства, за нѣсколько дней до нашего приѣзда (2-го юля), Земцовъ уступилъ лодку своему соотечественнику, г-ну Полякову, путешествующему по порученію Императорской Академіи Наукъ,—все-таки мы были обязаны ему нескважанію благодарностью. Благодаря его предупредительности, для насъ были приготовлены двѣ другія крытыхъ лодки, вполнѣ достаточныя для нашей дѣлъ; не будь ихъ, трудно было бы достать другія. Земцовъ предоставилъ намъ ихъ безусловно и безвозмездно, и когда я, въ качествѣ отвѣтственнаго начальника экспедиціи, предложилъ заключить контрактъ и определить извѣстную сумму на случай поврежденія или потери ихъ, онъ засмѣялся и сказалъ: „Пустяки! Дѣлайте съ лодками, что хотите; если что случится, это ужъ будетъ мой убытокъ. Пустяки!“

Растопивъ съ версту, отъ пристани до деревни, мы прошли пѣшкомъ, любуясь уцѣльями высокаго берега, одѣтыми великолѣпными лѣсами, где намъ встрѣтился, между прочимъ, первый бурундукъ (*Tamias striatus*). Ландшафтъ былъ настолько соблазнителенъ, что д-ръ Брэмъ тотчасъ рѣшилъ отправиться на охотничью прогулку, а я занялся приготовленіями къ дальнѣйшему путешествію.

Самарово (Самаровское)—красивое мѣстечко, считающее около 400 жителей (русскихъ), которые занимаются скотоводствомъ и рыболовствомъ, а также ведутъ кое-какую торговлю. Довольно беспорядочно расположенные, но большей частью красивые деревянные домики ограничиваются нѣсколько кривыхъ угловатыхъ улицъ, съ высокими мостками по обѣимъ сторонамъ. Даже въ сухую погоду эти мостки были целинными, а въ дождливое время безъ нихъ пельзя было бы обойтись, потому что улица обращается тогда въ тонкое, непроходимое болото.

Насъ пригласили остановиться у одного изъ самыхъ богатыхъ обывателей, и если я скажу, что при невѣроятной дешевизѣ строевого лѣса, домъ его обошелся въ 21,000 р., то легко себѣ представить, какъ онъ былъ великъ и помѣстителенъ. Весьма просторныя, какъ обыкновенно въ Сибири, комнаты были меблированы почти роскошно; по стѣнамъ, кромѣ обычнаго, позолѣннаго украшенія, иконы въ позолоченныхъ ризахъ, висѣло еще множество другихъ картинъ въ рамкахъ, портреты императора Александра, Фридриха Вильгельма IV, Наполеона III, Абдуль-Меджида.

жидя и изображения разных тропических растений, вероятно изъ какого нибудь ботаническаго атласа, какъ то показывали латинскія подписи.

Поданъ былъ чай и закуска, и кроме того радушный хозяинъ послалъ еще въ лодку запасъ свѣжаго хѣбба. На предложенное вознаграждение видѣлись смотрѣть какъ на оскорблѣніе; но какъ я узналъ послѣ, съ удовольствіемъ принимаютъ какую нибудь бездѣлицу на свѣтку, которую ставить передъ образами, чтобы испросить у святыхъ благополучнаго путешествія для путника.

Скоро пришелъ милѣйшій Иванъ и доложилъ, что все готово. Итакъ посль часовой остановки, мы могли 6 юля, въ 3 часа утра, сопровождаемы благословеніями и добрыми пожеланіями Земцова, нашего хозяина и другихъ радушныхъ деревенскихъ жителей, продолжать нашъ путь. Деревни, съ своими красивыми деревянными избами, часовней и небольшой церковью, какъ всегда въ Сибири, съ зеленымъ куполомъ, отчетливо видѣлась съ рѣки и имѣла весьма веселый видъ. Позади селенія, на крутомъ скатѣ горъ, гребень которыхъ былъ покрытъ лѣсомъ, взорамъ нашихъ представилась весьма пріятная и необычайная картина человѣческаго труда — правильныя, огороженные гряды. Это были конечно не виноградники, а картофельные огороды, такъ какъ съ Самарова поясь хѣбныхъ растеній уже кончился. Непосредственно у воды возвышались грубо сложенные изъ бревенъ четырехъ-угольныя постройки, крыши которыхъ состояли изъ высокихъ стоговъ сѣна. Это были хѣбви для скотины, теперь однако пустые, потому что въ разливѣ многие изъ нихъ были затопты водою.

Несмотря на ранній часъ солнце ужъ всплыло и въ холодномъ утреннемъ туманѣ, покрывавшемъ воду какъ бы паромъ, производило воздушнаго явленія, которыя, при незнаніи мѣстности, совершиенно насъ спутали: мы не знали находились ли мы еще въ Иртышѣ или ужъ плывемъ по Оби. Высокій берегъ, поднимавшійся спраса, быть можетъ ужъ принадлежалъ Оби и составлялъ такъ называемыя „Томскія предгорія“, но можетъ быть это нечто иное, какъ отраженіе оставшейся у насъ позади высокой Иртышской гряды, такъ какъ между этими двумя возвышеностями воздухъ имѣлъ какое то неопределеннное и колеблющееся осененіе. Лѣвый низкій берегъ былъ затопленъ, и изъ воды мѣстами выдавались островки и отмели, поросшія ивнякомъ и тростникомъ. Щенки, брошенныя въ воду плавали назадъ, какъ будто мы шли противъ теченія. Но рулевой завѣршилъ насъ, что

мы находимся не въ Иртышѣ и не въ Оби, но въ протокѣ, соединяющемся обѣ эти рѣки, вода котораго какъ бы вытекала назадъ течениемъ Оби. Наконецъ мы достигли широкой волной поверхности Оби, но здѣсь наше ожиданіе смущать миражъ: глазамъ вашимъ, почти въ ясныхъ, но слегка колеблющихся очертаніяхъ, представляется деревня. Только въ половинѣ восьмого достигли мы до нея, чтобы здѣсь въ первый разъ перекинуть гребцовъ, какъ на сушѣ ямщикъ. Благодаря нашему открытому листу, мы могли требовать гребцовъ, такъ какъ малонаселенная страна обязана давать ихъ лишь для почты. Послѣдняя правильно ходить черезъ каждыя дѣй недѣли до Березова, но не доходитъ до Обдорска. Живущій тамъ властитель получаетъ письма черезъ нарочныхъ, которые при этой оказіи привозятъ и частную корреспонденцію. Зимою существуютъ болѣе оживленныя сношенія: почта ходитъ въ Березовъ каждую недѣлю и частные лица получаютъ возможностьѣѣздить гораздо чаще, насколько это позволяютъ ограниченное количество лошадей, обиженность которыхъ, вблизи Березова, используютъ также олени и собаки. Дорога большей частью пролегаетъ по льду Оби.

Для гребцовъ установленна определенная такса, по которой за двухъ человѣкъ платится 3 кои. съ версты, по правилу это, какъ кажется, никогда въ точности не исполняется. Гребцы здѣсь, какъ видно, не привыкли получать деньги на водку, потому что каждый разъ очень радоались имъ, въ особенности туземцы, которые даже не разъ предлагали намъ за то въ подарокъ рыбу. Благодаря разливу рѣки, который сократилъ некоторые изгибы, мы пришли въ Березовъ только за 537 в., которые были сдѣланы нами въ трое сутокъ и 11 часовъ. Это было относительно очень скоро, такъ какъ было только втрое медленнѣе пароходовъ, ходящихъ по Оби. Всѣхъ станцій было 25; по положенію онѣ должны были находиться на 15 — 20 верстъ одна отъ другой, но некоторые изъ нихъ были однако и въ 45-ти верстномъ разстояніи. По статистическимъ сѣдѣніямъ только 8 селеній (изъ которыхъ 6 сель съ церквами) населены русскими; прочія же станціи, большую частью незначительныя, составляютъ жалкие остатки чумы и рыбачьи деревеньки, которые обитаемы только лѣтомъ, такъ какъ зимою Остяки уходятъ на лѣвый берегъ и тамъ живутъ на зимовыи, въ особенныхъ зимнихъ жилищахъ. Названія урочищъ оканчивающіяся на „каръ“ доказываютъ, по мнѣнію Палласа, что Остяки жили здѣсь осѣдо до или во время завоеванія Сибири, какъ напр.

Карымкарь. Изъ этихъ 25 станцій, девять упоминаются Зуевыи въ 1771 году, съдовательно существуютъ уже болѣе 100 лѣтъ. Въ Троицкомъ (№ 2) жили тогдѣ Остяки, которые, какъ видно, оттѣснены были внослѣдствіи даѣте. Въ Бѣлогорѣ, первой станціи, производилась тогдѣ самая первобытная фабрикація канатовъ, именно на лугахъ, окружавшихъ село. По мнѣнію Полякова, весьма немногочисленныи избы упомянутаго села находятся на островкѣ, панесенномъ водою, съ правой стороны которого протекаетъ главный рукавъ Оби, между тѣмъ какъ прежде протекалъ сѣва, что доказываетъ, какъ рѣка со временемъ измѣняетъ свое теченіе. По ту сторону громадной водной поверхности, въ нѣсколько верстъ шириной, возвышалася высокій, покрытый лѣсомъ крутыи берегъ, который называется жителями „Обскими горами“ и тянется непрерывно съ правой стороны рѣки. Изъ пяти первыхъ русскихъ станцій, лежащихъ на лѣвомъ низкомъ берегѣ, самая большая—село Сухоровское, состоящее изъ 30 домовъ, съ 200 жителями (между ними 70 человѣкъ платящихъ подати). Мы прибыли сюда въ половинѣ восьмого вечера и были встрѣчены засѣдателемъ (окруженнымъ начальникомъ), который ужъ нѣсколько дней ожидалъ нашего прибытія. Еще въ Самаровѣ мы слышали объ предшествовавшихъ намъ экспедиціяхъ и одну изъ нихъ настѣгли здѣсь. Еще издали бросилась намъ въ глаза, выкрашенная зеленоi краской, совершиенно новая лодка, первоначально предназначавшаяся намъ и названная Поляковымъ „В. Земцовъ.“

Вскорѣ увидѣли мы петербургскаго знакомаго, встрѣчавшагося намъ въ ресторанѣ Францеля—Ивана Семеновича Полякова, который въ это время, сгруппировавъ нѣсколько человѣкъ Остяковъ, изъ которыхъ некоторые были переодѣты въ женскій костюмъ, снималъ съ нихъ фотографію. Вскорѣ онъ явился привѣтствовать насъ.

Такъ какъ вода была слишкомъ высока и не было возможности заниматься рыбной ловлей, то г. Поляковъ, главная задача котораго состояла въ изслѣдованіи рыбной фауны, занимался теперь изслѣдованіемъ страны и ея населенія. „Я отправляюсь навстрѣчу морскимъ рыбамъ, писалъ онъ 30 июня,—которые отъ устья Оби идутъ вверхъ по течению и въ настоящее время, безъ сомнѣнія, прошли уже Обдорскъ и приближаются къ Березову“ (?). Повидимому онъ уже здѣсь имѣлъ весьма точныи свѣдѣнія о передвиженіяхъ рыбъ, (впрочемъ только на основаніи данныхъ приведенныхъ Палласомъ), хотя, какъ онъ писалъ самъ, лично не познакомился еще съ здѣшними породами.

Засѣдатель проводилъ насъ въ красивый домъ богатѣйшаго мѣстнаго купца Протопонова, гдѣ насъ угостили не только ъдой, но и пѣснями и пляской. Хозяинъ дома, его многочисленныи плeяници и самъ засѣдатель, хоромъ и поодиночкѣ, пѣли духовныи пѣсни, но не возбудили въ насъ такого интереса, какъ приведенный бестяцкій бардъ, который извлекалъ изъ 8 струпной арфы (по остицкій Хотангъ, т. е. лебедь) такие прелестные звуки, какихъ мы не слыхали у киргизовъ. Между плясками также была одна, для насъ совершенно новая: пляшущие какъ бы подражали токованію тятеревовъ, по крайней мѣрѣ припрыгивавшая красавица, бросившая томные взгляды, и то быстро кружившися сколо ней, то плавно приплясывавшій кавалеръ представляли поразительное сходство съ вѣтми влюбленными итицами. Затѣмъ съ большимъ оживленіемъ и увлечениемъ исполнилъ быть уже знакомый намъ кавацокъ, причемъ Иванъ Семеновичъ оставилъ всѣхъ „за флагомъ“. Это насъ вирочемъ николько не удивило, такъ какъ онъ (если вѣрио было сообщено мнѣ) быть сыномъ одного бурятскаго казака, выросъ за Байкаломъ и еще не настолько старъ, чтобы разлюбить свою пляску и потерять къ ней охоту.

Сѣвериѣ Самарова крестьяне уже не занимаются земледѣліемъ, такъ какъ всѣ подобныя цоштки оказались безуспѣшныи. Здѣсь преобладаетъ картофель, свекла, огурцы и т. п. овощи.

Выстроенные изъ жердей хлѣвы, какіе я уже встрѣчалъ около Самарова, закрыты высокими стогами сѣна и видны издали, свидѣтельствуютъ объ изобиліи сѣнокосныхъ луговъ, удобныхъ для скотоводства. И дѣйствительно здѣсь всюду встрѣчашь рогатый скотъ, крупныхъ овецъ, а въ Сухоровской даже свиней. Однако жители большую частію кормятся продуктами рыбной ловли, для сбыта которыхъ здѣсь держать мѣожество очень хорошихъ лошадей, которыхъ мы часто видали на зеленыхъ островахъ. Онѣ пасутся по лугамъ, какъ полуздѣкія, безъ всякого присмотра, такъ какъ лѣтомъ имъ нѣть никакого дѣла. За то его очень много вимою, когда приходится перевозить на нихъ мороженую рыбу въ Тобольскъ. Кромѣ рыбы здѣшне жители торгуютъ мѣхами и кедровыми орѣхами. Какъ мнѣ говорилъ Протопоновъ, здѣсь добывается ежегодно отъ 100—200 собольихъ шкурокъ (каждая шкурка писшаго сорта продаєтся отъ 5—6, средняго около 10, и высшаго около 15 рублей), и кромѣ того до 300 лосиныхъ шкуръ (отъ 5—6 руб.). Къ сожалѣнію, за все время нашего путешествія, мы не могли достать ни одной пары

роговъ лося, такъ какъ вѣшии охотники ихъ всегда бросаютъ. Даже посредничество заѣдателя въ этомъ случаѣ не послужило ни къ чему, по благодаря ему, мы достали молока, масла, яицъ, даже двухъ ягнятъ, что памъ доставило впослѣдствіе болѣе удовольствія, чѣмъ рога. Здѣсь не всегда легко добывать провизію, и въ селѣ Елизаровскомъ (55 домовъ, 130 жит.) все мои хлопоты въ этомъ отпошевіи остались безуспѣшны. Съ помощью добродушнаго, нѣсколько подгулявшаго священника, которому я предложилъ небольшое пожертвованіе на сѣчіи къ обрамъ, удалось мнѣ однако добѣть двѣ желѣзныя сковороды, которыхъ не доставало въ нашемъ хозяйствѣ.

Поляковъ угостилъ насъ въ своей лодкѣ пивомъ и краснымъ виномъ и мы разстались добрыми друзьями до „скораго свиданія“, и при восклицаніяхъ сильныхъ гребцовъ поплыли (7 юля въ половинѣ 1-го утра) внизъ по течению.

До此刻 порь мы бѣхали разлинившимися руками пѣнаго берега, обросшими березами и ивами и изобиловавшими утками. По слѣдій оставались однако для пасъ недоступными, но я могъ признать слѣдующія породы: шилохвость (*Anas acuta*), свіязь (*Anas penelope*), чирокъ (*A. crecca*), широкопосока (*A. clypeata*) и чернеть (*A. fuligula*). Кромѣ того тутъ летали стаи кроющиевъ (*Nupenius arquata*), турухтановъ (*Machetes pugnax*), болотныхъ куликовъ (*Limosa*), вуйковъ-галстучниковъ (*Charadrius hiaticula*) и, отдельными особями, куликъ-сорока (*Hæmatopus*); изъ мелкихъ птицы—богатыя овсянки, луговые чеканы (*Pratincole rubicola*), белая трясогузка; въ деревняхъ: воробы, ласточки и сѣрыя вороны. Галокъ я видѣлъ въ Сухоронской послѣдній разъ.

Отъ этой станціи мы пересѣкли широкую рѣку, не ужъ пѣнцкой подумали и поплыли далѣе вдоль ея праваго берега. Въ маленькихъ остицкихъ поселеніяхъ, состоящихъ большей частью изъ нѣсколькихъ деревянныхъ сгребеній, очень похожихъ на русскія, но только обыкновенно безъ оконъ, получали мы и гребцовъ Остяковъ. Они оказались такими же опытными и выносливыми, какъ и русскіе. Даже женщины и девушки исполняли это дѣло такъ-же хорошо, какъ мужчины, хотя непрерывная двухъ-трехъ-часовая гребля требуетъ немалаго напряженія сицъ.

Въ три часа пополудни мы прибѣли въ селеніе Малой Алтимъ, очень живописно расположеннное на крутомъ, чуть не отвесномъ склонѣ праваго песчанаго берега, вышиною около ста футовъ, и окруженнаго зелеными лугами и величественными лѣсами. Здѣсь насчитывается до 18 домовъ, обитаемыхъ русскими;

строится еще маленькая церковь. Неподалеку отъ деревни лѣнились хижинъ вродѣ индѣйскихъ вигвамовъ, окруженныя женщиными и ребятишками, которые при моемъ приближеніи разбрѣжались съ громкими криками. Я разматривалъ внутренность этихъ хижинъ, состоящихъ изъ четырехъугольнаго бревенчатаго сруба и нашелъ тамъ нѣсколько грезныхъ женщинъ, занятыхъ стряпней. Оказалось однако, что они варили въ большихъ котлахъ не пищу, по кинятыи матеріала для домашней и кухонной посуды и для кровли, а имѣя по березовую кору,—бересту, падранную большими кусками и свернутую въ трубки; ее варили съ древесными лишайами, чтобы сдѣлать болѣе мягкой и гибкой и годной для употребленія.

Пока готовился обѣдъ (состоявшии изъ бааний и пельмы) мы, съ цѣллю ознакомиться съ первобытнымъ лѣсомъ, я также притягиваемые смолистымъ ароматомъ молодыхъ побѣговъ хвойныхъ деревьевъ, сдѣлали маленькую охотничью экспедицію. И красивъ же этотъ лѣсъ, по здѣшнему „урманъ“, состоящей изъ сосенъ, лиственницы, иихты, частію березы и ивы, съ подсѣдомъ мелкаго кустарника, рабицы, крушинъ и др., а внизу поросший мхомъ, черникой и брусникой въ цвету, полянкой!.. Но въ немъ царствуетъ тимпъ! Слишко было вѣнѣе варакушки, пѣночки-куничика, дрозда-рябинника, темной (*Rhytipternis tristis*) и сѣверной пѣночки (*Rh. borealis*), сланки (*Sylvia garrula*). Кромѣ того встрѣтился я рябчика, котораго снугнуль съ яицъ, по самаго гиѣза да ивакъ не могъ найти. Не посчастливилось мнѣ также съ вьюркомъ (*Fringilla montifringilla*), который здѣсь, хотя и весьма многочисленъ, но въ высшей степени остороженъ, и такъ и не удалось подкрасться къ щуру (*Corythus*), котораго я встрѣтиль еще станціи за дѣв. Изъ млекопитающихъ животныхъ я застрѣлилъ только бурундука (*Tamias striatus*), хотя повидимому не было недостатка и въ большихъ звѣрихъ: сѣверныхъ оленяхъ, лисицахъ, волкахъ, медведяхъ и т. п. Чаща казалась мнѣ весьма удобной для жительства почтеннаго Мишки, по какъ ни желаль я поохотиться за косолапымъ, но долженъ былъ отказаться отъ этой встрѣчи, въ виду того, что мое ружье было пригодно лишь для стрѣльбы птицъ.

Охота въ этой чащи весьма утомительна и требуетъ большого напряженія силъ. Какъ ни заманчивъ этотъ великолѣпный лѣсъ, но въ нѣдрахъ его кроется истинное мученіе.. комары. Мы ужъ познакомились съ ними на Ала-Кулѣ, на Норъ-Зайсанѣ, въ лѣсныхъ областяхъ сѣверо западнаго Алтая, но только здѣсь, на-

чиая отъ Самарова, какъ только наступила теплая погода и солнце стало пригрѣвать сильнѣе, вполнъ обнаружилась сила этихъ сѣверныхъ москитовъ. Это мученіе не покидало насъ болѣе, и по мѣрѣ того какъ мы подвигались къ сѣверу, оно все увеличивалось, чего и должны были ожидать путешественники, уже посѣтившію Лапландскія тундры. Лишь посредствомъ рѣки находили мы нѣкоторое облегченіе, но какъ только приближались къ берегу или выходили на сушу, эти кровопийцы съ вростью набрасывались на насъ, и отъ нихъ можно было защищаться только надѣвая кожаныя перчатки и вуали, которыя, безъ сомнѣнія, можно было носить не при каждой работѣ.

Въ дѣйствительности наслажденія природой достаются здѣсь дорогою цѣною, но очень часто они вознаграждаются за все претерпѣвшее, а именно великодушнымъ сияніемъ едва потухшаго и вновь пробуждающагося дня. Такую картину видѣли мы еще почти на 4 градуса южнѣе полярного круга, вечеромъ 7-го іюля. Была половина одиннадцатаго, солнце только что закатывалось. Оно золотило еще широкую водную поверхность, окаймленную узкой, черной полоской лѣса, граничившей горизонтъ, который съ своими яркими, огненно-золотистыми облаками служилъ фономъ картины. Кверху тѣни становились блѣднѣе; надъ памяю послалось фиолетово-стѣрое облако, нижній край которого блестѣлъ какъ золото. Надъ нимъ разстипалось сѣро-голубое небо, на которомъ не было ни одной звѣздочки. Полчаса спустя (около 11 часовъ) огненно-золотистое сияніе исчезло. Непосредственно падъ черной полосой лѣса горизонтъ еще золотился. Фиолетово-стѣрое облако окрасилось въ темно-алый цветъ, верхняя часть осталась фиолетовой, нижняя превратилась въ розово-пурпуровый; остальная часть неба приняла мутно-сѣро-голубой цветъ.

По мѣрѣ того какъ блѣднѣло золотистое осеніеніе запада, на востокѣ появлялся блѣдно-зеленовато-голубой сѣть. Вода передъ нами казалась почти черной, а непосредственно у берега окаймлялась какъ бы узкой серебристо-блѣдой полоской; на неї отражались и золотистый сѣть, остававшійся на горизонте и розово-пурпуровая облака, и эти отраженія длинными полосами тянулись до судна. Спустя еще полчаса и эти послѣдніе отблески вечерней зари исчезли, вода сдѣлалась черной, но вскорѣ, какъ бы по волшебству, снова стала освещаться, такъ-же какъ и небо. Уже въ полночь на востокѣ, — въ томъ мѣстѣ, где восходитъ солнце, появился блѣдный сѣть зари, между тѣмъ какъ и пістро, где оно закатилось, обозначалось блѣдно-зеленовато-голубымъ цветомъ.

тому. И по мѣрѣ того какъ невыразимо величественная картина заходящаго солнца теряла блескъ и свѣтъ, картина эта на востокѣ какъ бы возобновлялась; солнце ужъ взошло въ половинѣ третьяго!

Въ это самое время (8 іюля) оставили мы станцію Кондинскій монастырь, о которомъ я еще поговорю на обратномъ пути.

Когда мы проѣзжали за деревней, при устьѣ маленькой рѣки Шоргацкой, на правомъ берегу бросился миѣ въ глаза зеленый холмъ, очень похожій на выложеній дерномъ валъ, сдѣланый, повидимому, руками человѣческими. Къ сожалѣнію, время не позволило миѣ осмотрѣть его.

Четыре слѣдующія станціи, лежавшія на правомъ берегу, представили намъ тѣ же самые виды, а животный міръ — очень мало новаго. Черноухій коршунъ (*Milvus govinda*), котораго графъ Вальдбургъ убилъ въ Маломъ Атлымѣ, исчезъ, а вмѣстѣ съ нимъ ласточка (*Chelidon urybica*), которая въ Кондинскомъ монастырѣ только что начала вить гнѣзда, между тѣмъ какъ въ Зайсанѣ мы видѣли ее занятую этими еще 27 мая.

Рѣка тоже была безжизнена, только морскія и обыкновенные чайки (*Larus canus*, *ridibundus*) да весьма немногочисленныя малыя чайки (*Larus affinis*) оживляли ее. За то ночью, вдоль по течению неслись безчисленныя стаи утокъ, большую частью гоголей (*Anas clangula*). Отъ времени до времени появлялась одиночная скопа; одинъ только разъ видѣли мы ворона. Миръ пернатыхъ сдѣлался разнообразнѣй и богаче только когда мы добрались луговъ, около Чемаловской, поросшихъ высокими ивами и снова приблизились къ лѣнному берегу. Здѣсь нашли мы дятелковъ (*Picus minor*) и большихъ сѣрыхъ дроздовъ, уже летавшихъ съ молодыми, — прелестную овсянку-малютку (*Emberiza pusilla*), слышали пѣніе кукушки и наконецъ видѣли первыхъ предвестниковъ полярного круга, — полярныхъ гагаръ (*Colymbus septentrionalis*). Около нѣсколькихъ деревянныхъ избушекъ, въ которыхъ русскіе, вмѣстѣ съ туземцами, занимались заготовленіемъ рыбы въ прокѣ, порхали домашніе и полевые воробы; миѣя ласточки-косатки, которая у насъ живутъ въ высокихъ домаѣ, жили здѣсь въ непосредственномъ сосѣдствѣ человѣка. Въ Шайтанской юртѣ, послѣдней станціи недобѣжавшей Березова, пары ласточекъ свили свое гнѣздо въ остаткѣ избушки. Такъ какъ владѣльца послѣдней я встрѣтилъ снова много позднѣе, то могу теперь же прибавить, что эта парочка вывела пять птенцовъ въ 1-го сентября улетѣла съ ними на югъ. Это можетъ служить доказательствомъ того, что Остяки

любить животныхъ. „А ихъ любовь къ грязи и нечистотѣ“ могутъ мнѣ замѣтить люди, вычитавшіе много неблагопріятнаго о нихъ въ этомъ отношеніи. Но это я могу отвѣтить, что внутренность останцікъ избушекъ, гдѣ они живутъ, правда, лишь въ рыболовный сезонъ, была очень чиста и опрятна, и крылатые сожители Остяковъ не могли оставлять непріятныхъ слѣдовъ своего пребыванія, такъ какъ хозяева хижинъ заботливо прибили доску подъ гнѣздомъ. *Comme chez nous!*

Съ Чемашовской мы попали въ такой лабиринтъ узкихъ рукавовъ и развѣтиленій лѣвой стороны, берегъ которой густо заросъ ивами, что когда достигли Соссы, то сами не могли дать себѣ отчета въ томъ, какъ туда попали.

Поэтому мы были крайне удивлены, когда въ два часа по полудни (9 юля), на зеленомъ холмистомъ берегу, окаймленномъ лѣсомъ, увиѣли 20 хорошихъ домиковъ, между которыми несколько большихъ каменныхъ, выбѣленыхъ, съ красными крышами, и двѣ церкви. Это былъ Березовъ. И такъ больше половины дороги до Обдорска осталось за нами!

Несмотря на то, что мы, подънявшись къ городу, сѣдали два выстрѣла и слѣдовательно произвели пѣкоторый шумъ, городъ казался точно вымершимъ. Даже когда мы съ своими лодками прикалили около запасныхъ магазиновъ, между которыми были принадлежащіе очень хорошо намъ знакомой фирмѣ, а именно, нашему приятелю Земцову, то и тогда никто не явился къ намъ на встрѣчу, какъ это постоянно бывало до сихъ поръ. Итакъ мы должны были безъ „обычной свиты“ подплыть на берегъ и отправиться въ городъ, чтобы отыскать тамъ г. Новикова, къ которому у насъ были рекомендательные письма отъ Сидорова. По дорогѣ внимание наше было привлечено великоглѣдною вывѣскою; на голубомъ фонѣ ея было написано золотыми буквами: „Ренскій погребъ“. Я невольно при этомъ вспомнилъ Бременъ, и мысленно перенесся въ высокія винодельческія комнаты „городскаго винного погреба“. Хотя мы вообще не увидѣли здѣсь никакого погреба, а обыкновенный деревянный баракъ, но тѣмъ не менѣе могли надѣяться, что бутылки настоящаго вина добрались и сюда. Во всякомъ случаѣ слѣдовало попробовать. При этомъ оказалось, что „Ренскій погребъ“ не содержитъ въ себѣ ни одной бутылки винограднаго вина, а только русское „вино“, т.-е. водку, и сверхъ этого какія-то микстуры, которая продавались здѣсь подъ названиемъ коньяка, мадеры, хереса, „шпанскихъ винъ“ и т. д. За

пеніемъ лучшаго пришлося памъ довольно проводиться и этими снадобьями.

Междѣ тѣмъ явился встрѣтить насъ исправникъ, г. Пополь, и проводилъ насъ къ Новикову. Здѣсь насъ привѣтили очень пріятливо, угостили чаемъ, но желаемыхъ свѣдѣній мы здѣсь не получили, по весьма простой причинѣ: при дальнѣйшемъ разговарѣ оказалось, что г. Новиковъ совсѣмъ не тотъ, къ которому у насъ были рекомендациіи, а только его однофамилецъ, а толькъ находился въ настоящее время въ отсутствіи, что впрочемъ и нѣсколько не уменьшило радушія приема.

Такъ какъ докторъ Бремъ желать пополнить свой познанический застась краснаго вина, мнѣ тоже нужно было сдѣлать какія-нибудь покупки, то мы и продолжали осмотръ города и видѣли ознакомились съ немъ. Аронъ Ароновичъ, еврей, изъ Одессы, отсовѣтовалъ памъ искать краснаго вина, такъ какъ такового не имѣется, что и оказалось справедливымъ; онъ очень мѣтко заявилъ: „аве хотите вы пить красное вино? Нейте зе кнась“. Мы побывали во всѣхъ лавкахъ, трактирахъ и харчевняхъ, которыми Березовъ изобилуетъ, какъ главный центръ торговли водкой *), и туземцы не чувствуютъ въ ней недостатка. Въ этихъ ядовитыхъ лавкахъ представлялась намъ не столько малоутешительная, сколько оригинальная картина. На этотъ разъ мы любовались уже не видами, а жанровыми картинами: наши ямщики, добрые Остяки, пѣкоторые съ своими прекрасными половицами, прошивали весь тяжелый заработокъ многихъ часовъ и находились въ состояніи соответствующемъ вышивкѣ. Чтобы убѣдиться во очію въ такъ часто описываемой способности Остяковъ къ нынѣству, мы вѣдьми подать еще водки и убѣдились, что раскащики говорили чистѣшую правду. Нѣжный полъ, надо признаться, еще значительно превосходилъ въ этомъ дѣлѣ сильный полъ: одна красавица выпила цѣлую бутылку водки съ такой быстротой, что привела насъ въ удивленіе. Въ извиненіе ей я долженъ прибавить, что здѣшняя водка (15 кон. бутылка) очень слаба и содержать не болѣе 20 процентовъ спирта и очень много сливочного масла. При питьѣ Остяки, вышивъ рюмку до дна, какимъ-то особеннымъ манеромъ раскачивали пустую рюмку надъ головой, и крестились, такъ какъ Остяки „христіане“! Затѣмъ они старались по-

*.) Полковъ сообщалъ памъ, что въ Березовѣ въ водочныхъ складахъ, и въ кижѣ домѣ изъ нихъ ежегодный оборотъ равняется 50—70,000 руб.

цѣловать полу платья и сапоги угощавшихъ ихъ. Имѣя въ виду то мѣніе, что человѣкъ въ пьяномъ видѣ обнаруживаетъ свой настоящій темпераментъ, должно заключить, что Остяки беззаботно веселый народъ и что они очень нѣжные супруги, въ честь я вообще убѣдился въ исключеніи. Такъ Марья Навловна—всѣ Остяки посагъ здѣсь христіанская имена—цѣловала красное, обрѣзглое лицо своего Ивана Петровича, или какъ бы тамъ его ни звали, съ такой горячностью и нѣжностью, точно въ первый разъ находилась въ его объятіяхъ, и онъ отвѣчалъ ей тѣмъ же; однимъ словомъ—мы были свидѣтелями настоящей идиліи изъ золотыхъ пастушескихъ кременъ. Исправникъ, впрочемъ, уѣраль, что эти трогательныи ецены всегда оканчиваются супружескимиссорами, но я считалъ это за клевету. Какъ мирно, хотя и покачиваясь, идетъ эта толпа къ лодкамъ, захвативъ про запасъ бутылочку! какая можетъ быть тутъссора? Но что вижу?! Пѣжная Ивановна, едва ли семнадцатилѣтня молодая женщина, вдругъ падаетъ на землю и бѣть свою пріятельницу, которая хочетъ оказать ей помощь; мущины, безъ сомнѣнія, къ нимъ присоединяются, и въ концѣ концовъ исправникъ, пожалуй, будетъ правъ.

Такъ какъ на обратномъ пути гребцами попали къ намъ тогдашніе участники попойки, то я могу вѣдѣть, чтоссора была прекращена въ самомъ ея зародыши: исправникъ всю компанию посадилъ въ кутузку. Освѣжившись сномъ, мирно отправились они по домамъ и пожертвованную имъ мною запасную бутылку свезли остававшимся дома, что служитъ доказательствомъ того что они честно держать слово, несмотря на соблазнъ.

Березовъ, (по остицки Сумывачъ, по самоѣдски Ху-Хары), находящійся подъ 64 сѣвер. шир., единственный городъ на Оби къ сѣверу отъ Самарова, и мѣсто управления окрестомъ, простирающимся отъ Сургута до сѣверной оконечности полуострова Ямала, т. е. болѣе чѣмъ на 11 град. широты; по на 10 квадратныхъ верстъ приходится въ чѣмъ не болѣе одного жителя. Городъ, основанный въ 1593 году, сто лѣтъ тому назадъ насчитывалъ до 150 домовъ; въ настоящее время въ чѣмъ прибавилось не болѣе 50—60; жителей 2000 (1659 по Шванебаху). Большинство послѣднихъ русскіе, потомки казаковъ, команда которыхъ стоятъ здѣсь, но пѣшихъ, такъ какъ лошадей здѣсь очень мало. Городъ расположень, какъ уже упомянуто выше, на лѣвомъ, высокомъ, песчаномъ и глинистомъ берегу Сосьвы (рѣка гористая; по остицки, Сосесь—гористай), которая на 27 вер. ниже впадаетъ въ Малую Обь, на высотѣ только 88 футовъ надъ уровнемъ

моря (Гофманъ; на 20 ф. по графу Вальдбургу). На одну версту ниже города впадаетъ въ Сосьву Малая Богулка. Рукавъ послѣдней, протекающей черезъ болотистую котловину, черезъ которую перекинуто два моста, дѣлить городъ на двѣ части: сѣверную —меньшую и южную—большую.

Въ первой, на самомъ краю крутого берега Сосьвы, подъ прекрасного первобытнаго лѣса, возвышается церковь, во имя Богородицы, основанная княземъ Александромъ Меншиковымъ, *) который, во всему вѣроятію, и посадилъ эти прекрасныи листопады и пихты. Могила же этого знаменитаго государственного мужа и полководца находится не здѣсь, по возлѣ другой церкви, собора во имя Воскресенія Христова. Она значительно больше первой, но, судя по виѣнному виду, требуетъ большихъ поправокъ. Между драгоценностями этой церкви, состоящими изъ приношеній князя Меншикова, находится золотой медальонъ съ ло-
кономъ волосъ, который онъ до самой смерти носилъ на груди. Мы сами не видѣли ни этихъ реликвий, ни могилы князя и его товарища—графа Генриха Остермана, такъ какъ отъ нихъ не осталось и слѣдовъ. Но народъ указываетъ мѣсто, гдѣ покоятся прахъ дочери Меншикова, бывшей царской невѣсты. На смертные останки послѣднаго министра нечаянно падолкнулся Гофманъ въ 1848 году. „Уральская экспедиція“ видѣла могилы Остермана и Меншикова, обозначенные громадными крестами и оградами. Теперь же эти послѣдніе видимые знаки, воздвигнутые памяти великихъ людей, когда то сильныхъ и могущественныхъ и умершихъ здѣсь въ изгнаніи, исчезли совершенно. Для людей образованыхъ вынужденное пребываніе въ такомъ мѣстѣ, какъ Березовъ, должно быть ужасно. Даже почти искаженный еврей, Аронъ Ароновичъ, когда я спросилъ его, какъ они тутъ живутъ,—отвѣчалъ: „Какъ мы тутъ живемъ? Какъ живые по-гребены“!

Улицы широки и неправильны, и такъ какъ частію проложены на болотистой почвѣ, то, чтобы дать возможность проходить пѣшеходамъ, по бокамъ ихъ сдѣланы досчатые мостки.

Старые, частію полуразвалившіеся дома разбросаны далеко другъ отъ друга. Многіе были теперь необитаемы и окна ихъ заперты или заколочены, такъ какъ обитатели этихъ домовъ на-

*) Какъ живо было еще между жителями Березова воспоминаніе о немъ 30 лѣтъ тому назадъ и какъ оно было разукрашено—можно видѣть изъ рассказовъ казаковъ, сообщаемыхъ Кастреномъ.

ходились на лѣтнемъ рыбномъ промыслѣ. Послѣдній составляетъ часть заработка обывателей, такъ какъ они ведутъ мѣновую торговлю сушеною и мароженою рыбой до Тобольска, а также и съ туземцами. По словамъ исправника, ежегодно продается рыбы на 155,000 руб. Небольшой, обнесенный стеклянной галлереей базарь, также какъ и другія лавки, вмѣщаются въ себѣ всевозможные продукты. Между прочими я видѣлъ здѣсь косы со штемпелемъ К. К., привилегированной фабрики въ Штейгермаркѣ! Торговля мѣхами играетъ несравненную роль, но, кажется, значительно упала. По крайней мѣрѣ я пашель цѣны на малицы и прочую мѣстную одежду изъ оленьихъ шкуръ и вообще на мѣхахъ, далеко недешевыми. Такъ за шкурку песца просили съ меня 1 руб. 20 коп., за обыкновенную плохую лѣтнюю шкурку лисицы 2 руб., за зимнюю 4—5 руб., за россомаху 5—5 $\frac{1}{2}$ р., за плохого, очень стѣтлаго соболя 13—15 руб., сѣверного оленя 2 руб. 50 коп. Я видѣлъ только шкуры этихъ животныхъ, такъ какъ теперь селень мѣховой торговли еще не наступилъ и въ складахъ было очень мало запасовъ мягкой рухлады. Отъ одного изъ главныхъ скунциковъ (такъ какъ людей специально занимающихся мѣховой торговлей здѣсь не имѣется), я узналъ, что ежегодно изъ Березовъ продается до 200 (очень сѣвѣгихъ) соболей *). На стоящаго голубого песца здѣсь не знаютъ, но мы показывали такъ называемаго крестоватика (песца въ лѣтней шкуркѣ). Чернобурая лисица попадается очень рѣдко и цѣняется до 150 руб. и болѣе. Волчьихъ мѣховъ очень мало въ продажѣ; лосей и медведей совсѣмъ нѣть. Зимою же привозятся съ Нечоры черезъ Новую Землю бѣлые медвѣди **) и стоятъ, смотря по величинѣ и бѣлизинѣ, 5—12 руб. Главной статьей мѣховой торговли всѣ таки остается бѣличий мѣхъ. Наибольѣ значительной статьей торговли можно назвать муку, которая и поплыла, все тѣмъ же болѣе 300 лѣтъ известнымъ путемъ, отправляется на Печору. Путь этотъ идетъ черезъ Сосьву и Сычу (по остаткамъ Сакъ-я) къ юртамъ Ленина, куда лѣтомъ приходятъ даже большия суда и гдѣ Ижемскіе Зиряне имѣютъ хлѣбные магазины. Здѣсь хлѣбъ

*) Въ 1830 году Бѣлівскій пашель изъ Березовъ: медвѣдей 50, горностаевъ 10,000, бобровъ 50, лисицъ 500, соболей 800, волковъ 200, бѣлокъ 10,000, зайцевъ 500, вегасовъ 15,000, (между ними 40 темныхъ), россомахъ 80, рѣчной выдры 40, лосей 300, сѣверныхъ оленей 10,000.

**) Зимою бѣлые медвѣди отъ Вайгачскаго пролива къ берегамъ Карского моря, по разказамъ Гофмана, доходить иногда до Усть-Цильмы, сѣдовательно на 100 вер. внутрь страны. Зуевъ въ 1771 году получилъ медвѣдя изъ Обдорскъ въ воловогориевъ его Налласу въ Красноярскъ.

лежитъ до зимы въ магазинахъ и зимою отирается на Печору, а лѣтомъ на лодкахъ сплавляютъ его по Сухерь-я въ Накъ-Соры-я, впадающую въ Щугоръ, откуда приходится дѣлать сухимъ путемъ лишь 49 верстъ.

Земледѣліе въ Березовѣ уже невозможно, такъ какъ воздѣлываніе картофеля, бобовъ, гороха и огурцовъ стоять уже большихъ трудовъ; но иногда еще встрѣчаются одинокія георгины. Напротивъ того роскошные луга Сосьвы, въ настоящую минуту за-

Внутренность чума.

литы водою и образовавшее необозримое море, доставляютъ громадное количество сѣпа, вслѣдствіе чего здѣсь, при небольшомъ числѣ лошадей, держать значительное количество крупного рогатаго скота, много овецъ, козъ и даже свиней. Но самыя важныя домашнія животныя для Березовцевъ — сѣверные олени и собаки, служащіе для ъезда и перевозки тяжестей. Олени стоятъ отъ 5—6 руб., хороши вожаки до 10 руб. и болѣе; бѣжалки со-

бажи 2 руб. за штуку. Оленье мясо на Нечорѣ составляетъ, па ряду съ рыбой и водяной птицей, главную пищу большей части жителей; куръ я тамъ еще встрѣчалъ, по голубей уже нѣть.

Что касается орнитологии, то здѣсь крайней сѣверный предѣлъ распространенія домашняго воробья, который однако здѣсь еще водится и, подобно полевому воробью, принадлежитъ къ перелетнымъ птицамъ, исчезающимъ на зиму. По крайней мѣрѣ такъ увѣрялъ насъ докторъ Крживицкій—полѣкъ, уже много лѣтъ служащий здѣсь окружнымъ врачомъ, единственнымъ между Обдорскомъ и Тобольскомъ. По мнѣнію этого посыпнаго здѣсь еще встречаются и кроты.

Въ сопровожденіи исправника посыпали мы нѣсколько зимнихъ осяцкихъ юртъ (по остаткамъ—тал-хоть), расположенныхъ въ концѣ города и теперь покинутыхъ. Они оказались воине не такими плохими, какъ ихъ изображалъ Палласъ въ своемъ путешествіи. Они сложены изъ бревенъ и весьма цѣлесообразно покрыты дерромъ. Сбоку продѣлано окно, бывшее теперь открытымъ, такъ какъ „стекла“ растаяли. Въѣсто стеколь вставляется чистый кусокъ льда, который примораживается къ рамѣ и зимою дастъ достаточно свѣта для этого люда. Внутри избушки находится сначала какъ-бы прахожая, а затѣмъ настоящая жилая комната, которая, ради тепла, сдѣлана половину въ землю. Здѣсь вдоль стѣнъ прибиты лавки для спанья, а въ серединѣ расположены очаги. Зимою, при большомъ числѣ обитателей, пребываніе тутъ не должно быть особенно пріятно, но я знаю мѣстности въ Германіи, гдѣ люди помышляются нѣсколько не лучше. Такъ, въ болотистыхъ мѣстностяхъ сѣверной Германіи есть дома, также безъ трубъ и въ нихъ столько-же дыма, какоти и вони, какъ и въ осяцкихъ зимнихъ юртахъ.

Слѣдующимъ рекомендательнымъ письмомъ исправника, въ полночь (9—10 июля), пристергъвъ настоящую вытку отъ комаровъ во время обѣда, приготовленнаго Иваномъ на берегу,— покинули мы Березовъ. Мыѣхали сначала по Сосьвѣ, потомъ по Малой Оби, то по узенькимъ какъ-канавы рукавамъ, то какъ-бы по широкимъ озерамъ; оба берега были одинаково покрыты чащиною изъ большихъ ивъ; течение было совсѣмъ незамѣтно. Вода, казавшаяся бурою, въ стаканѣ имѣла желтоватый цветъ и послѣ кратковременнаго стоянія давала осадокъ. Несмотря на это ее пили, и она была довольно сносной на вкусъ.

Еще недоѣжная Березова чувствовалаась необходимость въ переводчикѣ; теперь же было совершение невозможпо обойтись

безъ него при сношеніяхъ съ Остяками. Съ каждымъ ударомъ весель мы все болѣе и болѣе углублялись въ землю Остяковъ, которые, чѣмъ болѣе мы подвигались, тѣмъ менѣе понимали по-русски. Но счастливо, старикъ Михайло Панаевъ соединялъ въ себѣ все что намъ было нужно: онъ не только хорошо владѣлъ осяцкимъ и самодѣлскимъ нарѣчіями, но былъ также знакомъ съ правами и обычаями этихъ народовъ. Такъ какъ всѣ годные для работы мужчины находились на рыбныхъ промыслахъ, а лучшіе изъ немногихъ стоящихъ здѣсь казаковъ были прикомандированы къ предшествовавшей намъ русской экспедиціи Орлова, то мы и должны были довольствоваться нашимъ старикомъ.

Изъ предосторожности я заключилъ съ нимъ условіе, въ которомъ говорилось, что, въ случаѣ, если мы не найдемъ въ Обдорскѣ русского проводника, то онъ обязывается сопровождать насъ въ дальнѣйшемъ путешествіи; предосторожность эта оказалась для насъ весьма полезной. Нѣкоторые говорили мнѣ, что Панаевъ враль, обманщикъ, пьяница и т. п., но я не слушалъ никакихъ наговоровъ и на возвратномъ пути могъ устыдить клеветниковъ и лжецовъ. „Дядя“ или „старикъ“, какъ называли его наши люди, оказался очень хорошимъ и дѣльнымъ проводникомъ, опытность и усердіе котораго были весьма полезны для экспедиціи. Теперь, безъ сомнѣнія, всѣ считавшіе его прежде подозрительнымъ, воспѣвали ему хвалы. Несмотря на свои 70 лѣтъ Михайло могъ потягаться со многими молодыми людьми. Рыжеватая съ просѣдью борода и обнаженный черепъ съ выразительными чертами лица напоминали голову Петра,— типъ часто встрѣчающійся въ Россіи, а сѣрый изношенный полукафтанъ, вмѣсть съ осяцкой обувью, еще болѣе придавали ему видъ сѣвернаго апостола. Онъ, безъ сомнѣнія, вигѣль когда-то лучшіе дни и былъ очень красивъ. Отъ 10 до 12 принадлежавшихъ ему лодокъ возили его товары, большей частью рыбу, и въ гостепріимномъ домѣ Михаила Максимовича, какъ его тогда называли, игрывалъ въ вистъ самъ исправникъ, такъ какъ здѣсь угощали превосходнымъ виномъ и отличными кушаньями. Но богатство это исчезло и не по его винѣ (рассказъ, что Михайло въ лучшіе дни свои, пьяный закуривалъ трубку десяти-рублевыми ассигнаціями, оказался чистой выдумкой и клеветой), а вслѣдствіе несчастливыхъ спекуляцій. Съ нашимъ Михайломъ случилось тоже, что случилось и у насъ со многими, которые недавно еще разъѣзжали въ роскошныхъ экипажахъ, а теперь скромно ходятъ пѣшкомъ. Что онъ не былъ дурнымъ граждани-

номъ Березова и имѣлъ свои заслуги, доказывала серебряная медаль, которой наградилъ его Императоръ Николай I.

13 станцій, предстоявшія памъ до Обдорска и отдаленія одна отъ другой на 25—50 верстъ, требовали гораздо болѣеихъ усилий отъ гребцовъ, чѣмъ вышележащія. Хотя мы на протяженіи 495 верстъ получали лишь слабосильныхъ съ виду Остяковъ, однако они какъ нельзя лучше могли помѣряться силами съ русскими, и довезли насъ до Обдорска въ трое сутокъ и 2 часа. Зуевъ (въ 1771 г.) проѣхалъ это разстояніе почти во столько же времени (3 дня) и говорить, что ѿхалъ все время по Малой Оби.

Большой Устрамъ, 2-я станція, представляла намъ картину смѣшаннаго русскаго и остяцкаго рыбакскаго поселенія,—русскія бревенчатыя избы и чумы туземцевъ, т. е. конические шалаші, устроенные изъ жердей и покрытые кошмами и берестой.

Съ внутренностью ихъ мы вскорѣ познакомились. Сушка рыбы здѣсь производится совсѣмъ иначе, чѣмъ мы видѣли прежде, имено рыба вѣшается прямо на перекладины, соединяющія воткнутые въ землю колы, между тѣмъ какъ выше Березова рыба сушится на помостѣ, устроенному на 4 столбахъ, къ которому ведетъ примитивная лѣстница—бревно съ зарубками. Въ случаѣ надобности, дабы собаки не могли воровать рыбу, бревно это отнималось прочь. Остяцкія собаки складомъ и шерстью похожи на волковъ, (впрочемъ встрѣчаются черношерстіе и бѣлыя) и какъ нельзя болѣе гармонируютъ съ подобными поселеніями. Чужихъ людей они встрѣчаютъ весьма трусливо и молча, такъ что мы спачала думали, что они вовсе не даютъ. Но предположеніе это оказалось ошибочнымъ; также мы разувѣрились и въ мгновомъ ихъ добродушиї. Несколько разъ приходилось намъ испытывать яростнаго нападенія этихъ собакъ, но по своему трусливому характеру, они каждый разъ обращались въ бѣгство, лишь только мы давали видъ, что поднимаемъ камень. Кромѣ юзовыхъ собакъ, держать еще, впрочемъ только ниже Березова, маленькихъ собакъ, единственно изъ за длинной, мягкой, черной или бѣлой шерсти ихъ мѣха, весьма употребительного здѣсь для опушки мужскаго и женскаго платья. Самыхъ красивыхъ собакъ этой породы видѣть я у князя Обдорскаго въ Князь-Юртѣ. Такія собачьи шкурки стоятъ нѣрѣко 6 руб. и дороже.

Поселеніе представляло весьма оживленную картину. Мужчины были заняты разыскиваніемъ своей добычи, женщины—ея приготовленіемъ. Одна русская женщина, несмотря на безчисленное множество комаровъ, просѣивала муку для хлѣба, а маль-

чикъ растиралъ на камѣ соль. Здѣсь мы сдѣлали зоологическое приобрѣтеніе, въ видѣ двухъ птенцовъ весьма рѣдкой лапландской совы (*Uhu la lapponica*). Туземцы вынули ихъ изъ гнѣзда и, какъ это у нихъ водится, кормили рыбой. Мы ихъ привязали на веренку и посадили на перекладину въ лодкѣ, чтобы можно было свободно наблюдать за ними; спустя некоторое время мы однако должны были обратить ихъ въ чучелы и присоединить къ нашей коллекціи. Это оказалось необходимымъ вслѣдствіе ихъ чуть не удавшейся попытки къ бѣгству, такъ какъ они отлично съумѣли развязать узелъ веревки; къ тому же я не хотѣлъ чтобы измѣнился ихъ гнѣздовой парядъ, до сихъ поръ еще неописанный: нера на нихъ еще не было, они были покрыты пухомъ.

Въ Гопонацкѣ (11 июля 6 ч. утра) комары заставили насъ искать убѣжища въ одномъ изъ 5 чумовъ, дабы можно было сѣсть обѣдъ, состоявший главнымъ образомъ изъ рыбы. Посредствомъ весьма практично сдѣланныхъ опахалъ (по остяцки „Полубза“) изъ крыльевъ лебедей, гусей или большихъ бѣлыхъ совъ, внутренность чума была очищена отъ этихъ мучителей. Тѣльцій кусокъ сгнившей избы распространялъ густыя облака дыма и привлекалъ комарамъ проникнуть во внутренность чума, за то воюющій дымъ такъ сильно бѣлъ глаза, что я съ большимъ трудомъ окончилъ свой рисунокъ. Послѣдній изображаетъ внутренность остяцкаго чума, (см. стр. 331) въ которомъ, само-собою разумѣется, главное мѣсто занимаетъ ящикъ съ землею, служащей для разведенія огня. На огнь кинуть котель, а на длинныхъ жердахъ провязывается очень неаппетитно выглядывающая рыба, разгыянная рядомъ съ старыми саногами и прочимъ платьемъ. Большой желѣзный котель (по-остяцки „Обинутъ“), тщательно закрытый деревяннымъ кружкомъ, содержитъ въ себѣ весьма певзрачную на видъ, темную жидкую массу, издающую сильный запахъ рыбьяго жира. Туземцы ёдятъ это кушанье съ хлѣбомъ и со многими другими приправами, даже съ ягодами. Впрочемъ чумъ не представляетъ ничего отталкивающаго или отвратительнаго; по стѣнамъ приධѣланы полки, на нихъ разставлена различная посуда изъ бересты, заготовленная связки которой лежать у дверей, а также наполненные мукою и перьями мѣшки, приготовленные съ немалымъ трудомъ изъ палимъ шкуры и называемыя „Папеширъ“ или „Папе-сохъ“. Здѣсь также нѣть недостатка въ образахъ, которые занимаютъ обыкновенно почетное мѣсто противъ дверей, тамъ-же гдѣ у Остяковъ язычниковъ стоять идолы (по-остяцки—„Лоихъ“). Но здѣшніе жители еще „добрѣе христіане“,

и нашъ хозяинъ, не имѣющій понятія ни о какихъ изображеніяхъ, кромѣ изображений святыхъ, когда я показалъ ему окопченый рисунокъ его собственнаго жилища, принялъся покрывать его поцѣлуючи, такъ что я поспѣшилъ спасти свою работу отъ его жирныхъ, лоснящихся губъ.

Несмотря на робость и застѣнчивость женщинъ, всячески старавшихся скрыть свое лицо отъ постороннихъ взглядовъ, здѣсь намъ ихъ онять дали гребцами. Между ними находилась одна мать, взявшая съ собою своего грудного ребенка въ весьма практичной берестяной лялькѣ *), покрытой оленевой шкурой. Главную одежду женщины и девушки составляла шуба, украшенная стеклянными бусами; кроме того на головѣ у нихъ повязанъ простой платокъ (по-остяцки — Оксапъ) съ крупными разводами и обыкновенно обшиваемый самими женщинами длинной бахромой изъ крапивной пряжи, собственнаго приготовленія. Изъ подъ платка висятъ длинныя, большою частью искусственныя косы (по-остяцки Охъ-саву, самоѣдски — Гушъ), къ которымъ, ради украшенья, прицѣплены оловянныя пуговицы, цѣпочки и т. п. Впрочемъ намъ неразъ, хотя и случайно, удавалось видѣть прекрасно сложенные икры и хорошенія маленькия чижки этихъ красавицъ, цветъ лица которыхъ, хотя вообще смуглый, у некоторыхъ былъ такъ-же блѣдъ, какъ у насъ. Иголки, кусочки сахара и т. п. вещи, которая я всегда имѣлъ при себѣ, дѣлали ихъ довѣрчивѣе, а что они любятъ водку, въ этомъ мы имѣли уже случай убѣдиться. Въ Куневатской представилось намъ тому новое доказательство. Деревушка эта расположена въ красивой местности, на правомъ, лѣсистомъ берегу большой Оби. Это единственное русское село съ церковью на всемъ пространствѣ нашего пути; я поговорю о немъ еще на обратномъ пути.

Мы прибыли сюда (11 июля въ 10 ч. утра), какъ разъ въ Петровъ день, большой праздникъ, особенно чтимый русскими. Оказалось, что онъ также почитается и Остяками, такъ какъ мы еще издали услышали веселое, хотя нельзя сказать, чтобы мелодичное пѣніе, раздававшееся изъ одного чума. Мы нашли тамъ трехъ женщинъ, которая не только обрадовалась сѣланцамъ имъ и пою маленькимъ подаркамъ, но были растроганы ими до слезъ. По крайней мѣрѣ одна молодая женщина съ искусаннымъ комарами

*) Эти ляльки, по-остяцки „Онгобѣ“, дѣлаются самими женщинами, двоякимъ способомъ. Одни для дѣтей самого раннаго возраста безъ синеки; для тѣхъ же которыя могутъ держать голову и сидѣть со спинкой.

труднымъ ребенкомъ, вдругъ расплакалась, и мы не видя другихъ причинъ, приписали это винзашному приливу чувства благодарности. Можетъ быть причиной тому было также дѣйствіе подки, вылитой въ честь святаго: когда онъ провожали насъ въ другой чумъ, мы замѣтили, что онъ таки сильно покачивались.

Въ орнитологическомъ отношеніи Куневатская (65 сѣв. ш.) представила большой интересъ присутствіемъ полевыхъ воробьевъ; домашнихъ воробѣевъ *) и домашнихъ ласточекъ здѣсь уже не было. Воробья видѣли мы въ послѣдній разъ въ Березовѣ, ласточку на предыдущей станціи, по обыкновенію довѣрчиво гибѣвшуюся въ чумѣ туземца; ее отсутствіе въ большихъ деревляныхъ домахъ было весьма странно. Прочія птицы были все тѣ же: сѣрыя вороны, изрѣдка сороки, вьюрки, чечетки (*Fringilla Linaria*), онсянки-карлики, болотные воробы, большой сѣрий дроздъ, цѣпочки (*Phylloptene trochilus, borealis et tristis*), чекаки, чайки (*Larus ridibundus, Larus minutus*), крачки (*Sterna Hirundo*) и безчисленное множество утокъ, между которыми впервые пачали встрѣчаться черные турианы.

На обширной водной поверхности царствовала могильная тишина; только одинъ разъ мы обогнали безобразное судно, называемое баркой, которую опишу впослѣдствіи. Изображеніе ея мною на обратномъ пути нарисовано въ Обдорскѣ, выѣхѣ съ видомъ деревни Лангерской (Лапги, по-остяцки Бѣлка). Вода сбыла и потому плоскіе берега обнажились на большое пространство. Лѣсъ по большей части состоять здѣсь изъ березы и лиственницы, между тѣмъ какъ прежде преобладали хвойныя породы.—Видъ этотъ можно назвать типичнымъ для праваго, почти неизмѣняющагося берега Оби.

Мы вполнѣ наслаждались течерь, такъ какъ путь путь иль подъ лѣваго высокаго (во 100 и болѣе футовъ), местами отiffsнаго крутого берега. Онь повсюду состоялъ изъ свѣтлаго мергеля, глины и песку и былъ размытъ и подмытъ разливавшейся водой. Несколько рыхла была эта почва, можно было видѣть во многихъ местахъ. Даже незначительныхъ волнахъ, пагоняемыхъ вѣсами, было достаточно для того, чтобы она отдѣлялась большими глыбами и ссыпалась сверху длинными полосами, на подобіе водопада. Тамъ и сямъ попадались мощные пласти

*) Домашніе воробы встрѣчаются на сѣверѣ Норвегіи до Лофодена, но его иѣть и въ Тромсѣ (69 $\frac{1}{2}$), и въ Свердловѣ; напротивъ этого домашняя ласточка постоянно выводятъ тамъ дѣтей и встрѣчается даже въ Гаммерфестѣ (70, 40) и въ Вадзе (70, 4).

черного цвета. Но это были лишь верхние слои, образовавшиеся въ торфяной болотистой почвѣ изъ остатковъ уничтоженного пожаромъ лѣса. Нигдѣ не видѣли мы горной породы, какъ ошибочно, со словъ Зуева, указываетъ Палласъ („замѣжъ черноватаго и сѣраго шифера“), напримѣръ около Питирской. Напротивъ того на правомъ берегу намъ нерѣдко встрѣчались большие и мелкие валуны, даже цѣлые глыбы различныхъ горныхъ породъ (сіенита, роговика, глинистаго жѣлезника и т. п.). Они всѣ были привезены сюда вмѣстѣ со льдомъ и обнаруживали ясные слѣды шлифовки водой, но нигдѣ на нихъ не замѣчалось ледниковыхъ царапинъ, кикъ подлагаетъ г. Поляковъ *).

Видъ на нижней Оби.

Мы уже имѣли случай видѣть дорогой, а именно на станціи Кашгарской, многія произведенія, свидѣтельствовавшія о привыкшемъ и ловкости Остяковъ, но нигдѣ эти способности не выказывались такъ рѣзко, какъ въ Шоранскихъ юртахъ, самой большой остяцкой деревни на всемъ нашемъ пути. Мы прибыли

* Г. Поляковъ, лично не наблюдавшій ледниковъ и съ ihnen незнакомый, однако часто говорить о продуктахъ послѣднихъ. Такъ, мнѣю здѣсь черезъ Ураль, захватилъ онъ между нограничными столбами и Екатеринбургомъ „саѣмы глетчерицы“; валуны со слѣдами ледниковыхъ царапинъ и скамы съ царапинами, идущими въ направлении отъ С. В. къ Ю. З. *, къ сожалѣнію онъ „не имѣетъ времени для обстоятельный наблюдений сайдовъ ледниаго периода на Уралѣ“, которые бѣзъ сомнѣнія доставили бы важныя, новыя объясненія для этой довольно хорошо изѣстной геологической области.

сюда 13-го іюля (въ $8\frac{1}{2}$ ч. утра). На широкомъ, покрытомъ зеленымъ дерномъ береговомъ холмѣ расположено отъ 10 до 12 хижинъ, живописно окруженнѣхъ роскошнымъ хвойнымъ лѣсомъ. Хижины, хотя и необитаемы зимою, были большей частью выстроены изъ бревенъ, очень опрятны внутри и обшарживали некоторый достатокъ. Не только полы были устланы по бокамъ циновками (по-остяцки „Норѣ“), красиво сплетенными изъ какой-то травы, но и домашняя утварь была лучшая и богаче. Такъ въ одномъ домѣ я видѣлъ пять большихъ котловъ и одинъ изъ нихъ

Нязъ - юрты.

мѣдный. Жители, числомъ около 70, показывали намъ все съ величайшимъ радушіемъ и готовностью и были весьма удивлены и вмѣстѣ съ тѣмъ обрадованы тѣмъ, что мы интересовались ими. Они не принадлежали къ бѣднымъ родамъ, существующимъ исключительно рыбной ловлей, а занимались также оленеводствомъ. Довольно большое число этихъ животныхъ, пережевывая жвачку, лежало около огня, стараясь въ дыму избавиться отъ своихъ мучителей — комаровъ. До сихъ поръ мы были знакомы только съ лапландскими оленями и наше поразила величина и красивый складъ сибирскихъ. Еще болѣе были мы удивлены ихъ крѣостью; мы не вѣрилось, что сибирскіе олени могутъ быть настоящими домашними животными, послѣ того, что я видѣлъ въ Лапландіи. Тамъ достаточно было появлѣнія человѣка, одѣтаго иначе чѣмъ туземцы, чтобы все стадо разбрѣжалось въ разныя стороны. Здѣсь же живот-

ныя медленно поднялись съ мѣста и направились въ ближайшій лѣсъ.

Мы имѣли случай видѣть здѣсь всѣ вещи, обыкновенно употребляемыя Остяками: начатыя и вполнѣ готовыя санки для запряжки оленей и собакъ, лыжи, лодки, весла, все очень чисто и аккуратно сдѣланное, несмотря на несовершенство инструментовъ. Особенно поправились намъ узкие челюсти (по-остяцки «хайншобъ»), состоящіе изъ выдолбленаго древеснаго ствola и несмотря на свою легкость, поднимающіе шесть человѣкъ и болѣе. Замысловатыя ловушки (по-остяцки „Пенайгъ“) для ловли горностаса и блокъ и самострѣлы (по-остяцки: „Оксаржогль“) на лисицъ возбудили наше удивление. Так же искусно были устроены верши для рыбы (по-остяцки „Подангъ-попъ“). Они дѣлаются изъ сословыхъ или лиственничныхъ дранокъ, имѣютъ въ длину до 12 футовъ, а въ ширину и высоту до 6 фут.

Такъ какъ подобный снарядъ былъ слишкомъ громоздкъ и не могъ быть нами взятъ, то я, къ своему извращенію, показалъ его модель и могу прибавить здѣсь, что честные Остяки держали слово. Въ избушкахъ видѣлъ я красивые луки, по и здѣсь, какъ впослѣдствіи, убѣдился, что инородцы очень неохотно разстаются съ ними. Это происходило по исключительности отъ суевѣрного мнѣнія, что именно этотъ лукъ никогда не дастъ промаха, но изъ привязанности къ любимому оружію, съ которымъ и мы тоже несложно разстаемся. Луки Остяковъ („Погль“) большей частью сдѣланы чисто и аккуратно изъ двухъ склеенныхъ между собою узкихъ прутьевъ березы и лиственницы и иногда обвиты берестой, такъ-же какъ и тетива изъ просмоленной коноплиной биченки. Во избѣженіе ушиба отъ отдачи тетивы, стрѣлокъ привязываетъ къ большому пальцу лѣвой руки овальную дощечку (по-остяцки „Пошкарь“), которая большую частью дѣляется изъ оленяго рога. Длина лука бываетъ отъ 5—6 фут. Стрѣлы, сдѣланыя изъ дерева, имѣютъ обыкновенно въ длину отъ $2\frac{1}{2}$ до 3 фут. и на концѣ вилообразно расщеплены, въ основаніи же снабжены 2—4 рядами перьевъ, вырѣзанныхъ большей частью изъ хвоста глухаря. Съ этими стрѣлами обыкновенно охотятся за лисицами и крупной дичью, между тѣмъ какъ для охоты за блоками употребляются стрѣлы съ тупыми наконечниками изъ дерева или кости, чтобы не испортить шкурки. Для во-

Финшъ: „Eine Ferienreise unter Minternachtssonne.“ Westermann's, Illustr. Monatsschriften. (1876).

дяной птицы употребляютъ стрѣлы съ желѣзнымъ, ланцетообразнымъ наконечникомъ, около которого придали поперечная перекладинка въ видѣ буквы S, чтобы стрѣла не могла пробить птицу пасквиль.

„Остякъ превосходный стрѣлокъ! Часто случалось видѣть его въ легкомъ чепчикѣ на Оби, и какъ только примѣтить онъ утку или гуся, быстро кладетъ весла въ лодку, лукъ натянутъ и птица падаетъ со стрѣлою въ сердце. Сотни лицъ завѣряли меня, что никогда не видали, чтобы Остякъ промахнулся.“ — Такъ говорить Альбинъ Конъ (Sibirien p. 37), но это описание очень далеко отъ действительности. Въ Тюмени и другихъ мѣстахъ памъ тоже рассказывали объ искусствѣ и ловкости Остяковъ въ стрѣлялкѣ изъ лука, говорили, что они попадаютъ въ цѣль на сорокъ саженъ (280 футовъ); но то что намъ привелось видѣть собственными глазами было далеко отъ этого, хотя тѣмъ не менѣе удивляло насъ. Стрѣлы могли летѣть на 120—150 шаговъ, но на такомъ разстояніи о попаданіи въ цѣль не могло быть и рѣчи. Однако, если стрѣла была пущена въ густую стаю птицъ, то являлась жертва, и этого было достаточно. Вирочемъ, мы видѣли какъ въ тридцати шагахъ Остяки не разъ попадали въ воткнутую въ землю палочку не болѣе 2 дюймовъ толщиной. Что ни Остяки, ни Самоѣды не продѣзываютъ ничего необычайного съ своими луками — подтверждаютъ Гофманъ, Миддендорфъ и Шренкъ.

Поравацкія юрты въ довершеніе всего доставили памъ еще нечто достойное удивленія: здѣсь мы впервые снова увидѣли Уральскія горы, но не въ видѣ ряда холмовъ покрытыхъ лѣсомъ, какъ у Екатеринбурга, а въ видѣ настоящей горной цѣни, хотя и не особенно величественной, такъ какъ Уральскій хребеть не достигаетъ значительной высоты и мы были отъ него удалены еще верстъ на 100. *) Тѣмъ не менѣе онъ былъ для насъ пріятнымъ разнообразіемъ послѣ безконтактныхъ ивовыхъ чащъ и крутояровъ, и въ самомъ дѣлѣ видѣ на него былъ очень красивъ. Передъ нами растялась темнота, обширная поверхность водъ, окаймленная зеленою полосой — ивой чащей лѣваго берега; за ней снова видѣлась синяя полоса (но всему вѣроятію лѣсъ у подошвы горъ), служившая какъ бы рамкой для покрытыхъ синевомъ блѣдыхъ горъ, лишь мѣстами имѣвшихъ голубоватый отблескъ.

*) Тувемцы уверяли, что на 300 в., но это служитъ новымъ доказательствомъ того, какъ осторожно слѣдуетъ отъ ситься къ ихъ словамъ.

иокъ. Весь хребетъ имѣлъ мягкия, кругловатыя очертанія, съ 2 или 3 выдающимися вершинами, блестѣвшими какъ серебро.

Отъ Поравацкихъ юртъ правый берегъ Оби постепенно понижается. Мы покинули его и снова повернули къ заросшему ивами рукаву лѣваго берега; припадлежалъ ли этотъ рукавъ къ большой или малой Оби—осталось для насъ неизвѣшнѣмъ. Дѣйствительно трудно было составить себѣ точное понятіе о рѣкѣ, среди этого обширнаго воднаго лабиринта, тѣмъ болѣе, что и свѣдѣнія, сообщаемыя туземными жителями, были очень сбивчивы и нерѣдко противорѣчили одно другому. Рѣка становилась все шире и шире и наконецъ заняла такое громадное пространство, что то туть, то другой берегъ исчезалъ изъ глазъ или становился едва замѣтнымъ, принимая видъ самой узенькой зеленоватой полоски. Ширина рѣки была никакъ не менѣе пѣннѣцкой мили.

Междутѣмъ какъ мои товарищи углубились въ чтеніе полученныхъ въ Березовъ газетъ, я вполнѣ наслаждался великой картиной безпрѣдѣльнаго мира и тишины, картиной, въ которой, по мѣрѣ приближенія къ полуночи, съ каждой четвертью часа измѣнялись и появлялись новые, динамичныя свѣтовыя явленія. Мы приближались къ полуночному кругу и хотя тѣ дни, когда солнце видно въ полночь, уже миновали, но полуночное освѣщеніе было еще эффектнѣе, чѣмъ еслибы солнце стояло на пѣбѣ. Въ половинѣ двѣнадцатаго очи золотистая полоса зари еще виднѣлась на западѣ; мало-по-малу она привела пурпуровый цветъ. Темно-синяя цѣнь Уральскихъ горъ съ блестящими вершинами, казалось, совсѣмъ близко придвигнулась къ намъ слѣва. Небо было сѣровато голубое, съ розоватымъ оттенкомъ въ томъ мѣстѣ, где исчезало солнце; отдѣльная темно-синяя облака казались какъ бы маленькими островками. Они, такъ-же какъ и небо, отражались на гладкой водной поверхности. Затѣмъ изошелъ блѣдный мѣсяцъ и очертанія горъ сдѣлялись пасмными. Гребенъ же ихъ до половины первого былъ окаймленъ золотистой полосой, а полчаса спустя солнечные лучи снова залили своимъ свѣтомъ отдаленные вершины. Вечеръ и утро, закатъ и восходъ солнца почти немедленно сдѣдуютъ другъ за другомъ. Теперь горизонтъ на западѣ сталъ блѣднѣй, окрасился въ красновато-серый цветъ, а на востокѣ оживился, просвѣтѣлъ, принялъ иѣжно-розовый цветъ, съ желтоватымъ оттенкомъ кверху; небо же стало ярко-голубымъ. На пасмъ, прямо надъ нами, стоялъ мѣсяцъ, свѣтлѣе прежн资料, но не отражаясь въ водѣ, какъ все прочее освѣщеніе. Въ четверть второго водная поверхность вдругъ заблестѣла подъ золотисто-

огненными лучами на половину поднявшагося солнца. Но такія чудныя картины, какія представляютъ восхищенному взору полярная ночь, надо видѣть самому, насладиться ими,—описывать же ихъ невозможно!

Можно было вполнѣ наслаждаться природой, такъ какъ свѣжесть ночи прогнала кровожадныхъ комаровъ и миллионы мелкой мошки изъ отряда сѣтчатокрылыхъ (*Neuroptera*), которая уже два вечера съ десяти часовъ цѣлыми тучами сопровождала наши лодки, но, къ счастью, оказалась безвредной.

Такъ какъ полярной ночью, несмотря на отсутствіе темпоты, пернатые обитатели, за исключеніемъ чаекъ, всѣ предаются обычному отдыху, то тишина ничѣмъ не нарушилась, кромѣ однообразныхъ ударовъ веселъ. Вскорѣ увидѣли мы на крутомъ, но не особенно высокомъ берегу Обдорскъ,—цѣль нашего путешествія: 10 домовъ и церковь.

Картина привѣла болѣе опредѣленныя очертанія, когда мы вѣхали въ Полуй, заливавшій громадные луга, поросшіе ивами, и соединившійся съ Обью такъ, что нельзя было распознать гдѣ кончается первый и начинается другая.

Мы увидѣли двѣ большия неуклюжія барки, сидѣвшія почти на сушѣ, и одну лодку, около которой суетились люди. Скоро раздались два выстрѣла, на которые мы отвѣтили; таковы были наши первыя привѣтствія русской экспедиціи, подъ начальствомъ поручика Орлова. Немного спустя наши лодки пристали къ правому высокому берегу Полуя, неподалеку отъ двухъ смежныхъ домиковъ. Мы вѣшли на берегъ, гдѣ насъ уже ожидалъ засѣдатель, г. Павлиновъ, который, несмотря на ранній часъ, послѣшилъ къ намъ на встрѣчу.

нуждены были разстаться съ прелестнымъ мѣстечкомъ, не повидавъ его главныхъ божескихъ сокровищъ. Сто лѣтъ тому назадъ Зусвъ посѣтилъ эту деревеньку, но не видалъ рощи идоловъ, хотя, по всему вѣроятію, она ужъ существовала.

Въ 2 часа отправились мы далѣ; на лодкѣ царствовало веселое настроеніе; каждый ударъ веселья приближалъ насъ къ Обдорску, гдѣ большая часть нашихъ людей служила предметомъ удивленія для женщинъ и дѣтей. Въ половинѣ седьмого, во второй разъ привѣтствовали насъ колокольни городка; но на этотъ разъ они не были освѣщены яркимъ солнечнымъ свѣтомъ: также облака носились въ воздухѣ и передъ закатомъ солница покрыли волшебно блестѣвшій Ураль. Но городокъ показалъ выглядѣть привѣтливѣе, чѣмъ въ первый разъ: для насъ онъ казался Петербургомъ, Москвою, Берлиномъ, гдѣ мы могли найти удовольствія, которыхъ такъ давно были лишены. При звукахъ веселой песни, гребцы наши дружно работали веслами. Скоро повернули мы въ Полуй, и въ 9 часовъ, послѣ 34-хъ дневнаго отсутствія, „Бисмаркъ“ присталъ къ знакомому берегу, рядомъ съ лодкою г. Полякова, который кланялся намъ съ палубы, и съ которымъ мы пріятно провели весь вечеръ.

ГЛАВА XIII.

ОСТАКИ И САМОДЫ.

Предварительное замѣчаніе.—Антрапологія свѣдѣнія.—Вирховъ остроенія черепа. — Остаки нѣсколько походить на Монголовъ и Лапландцевъ. — Миддендорфъ о Самоїдахъ.—Это смѣшанный народъ, что подтверждается изслѣдованіемъ языка Кастренопъ.—Альвестъ доказываетъ противное.—Остаки родственны Венгерцамъ.—Языкъ.—Виѣшній видъ.—Трудность отличать Остака отъ Самоїда.—Характеристика остака тида.—Индивидуальная склонность Остаковъ и Самоїдовъ.—Смѣшаніе обоихъ народовъ.—Ихъ изображенія.—Портреты.—Прежняя свѣдѣнія объ этихъ инородцахъ.—Югрм.—Древніе Югры—выиѣшніе Самоїды.—Подъ русскимъ владычествомъ.—Различия ихъ названія.—Остаки или „Хандахъ“.—Самоїды или „Хазова“.—Различия объясненія слова „Самоїдъ“.—Географическое распространение Остаковъ.—Ихъ численность.—Богулы.—Распространеніе и численность Самоїдовъ.—На Енисѣй они называются Юраками.—Ясакъ.—Причины ихъ уменьшенія.—Пьянство.—Ихъ добродѣтели.—Необыкновенная честность.—Отсутствіе инцидентовъ.—Кротость дѣтей.—Вредное влияніе цивилизаций.—Миссія, ея трудности.—Христианство лишь виѣшнее.—Самоїдскій о немъ понятія.—Святость присяги.—Ухудшеніе нравовъ и обычаевъ.—Беселый путь.—Умственная способность.—Предрасудки.—Достаточно извѣстительного образованія.—Поэзія.—Музыкальные инструменты.—Игры.—Выѣшили жизнь.—Объективность рѣдка, но необходима.—Рукодѣліе къ тому.—Высокая степень совершенства ихъ производствъ.—Холтионъ.—Необыкновенная практичность луковъ и стрѣлъ.—Произведеніе искусства.—Оригинальность рисунковъ.—Женскія работы.—Положеніе женщины.—Ложное сужденіе.—Хорошее обращеніе съ женщинами.—Женщины—„сокровище“.—Стыдливость.—Чистоплотность.—Ища.—Промышль.—Рыбная ловля.—Охота.—Оленеводство.—Зиряне—жили тундры.—Миѣніе о нихъ.—Количество оленей.—Одежда: мужская, женская.—Украшенія.—Крашивка, туалетное искусство.—Дѣти.—Дѣтскія куклы.—Сурорвость воспитанія.—Болѣзни.—Удачное лѣченіе.—Рожденіе и кареченіе имени.—Совершеннолѣтіе.—Женитьба и свадьба.—Калмыкъ.—Брачные обряды.—Уваженіе къ умершимъ.—Рощи первыхъ.—Могилы, идолъсіе домики при кладбищахъ.—Торжество похоронъ.—Циркѣства.—На томъ свѣтѣ и въ царствѣ тѣлѣй.—Волшебный барабанъ.—Представленіе шамановъ.—Мудрость шамановъ.—Христіавскіе шаманы.—Божественное ученіе Мамруна.—Шаманство.—Цивилизованное шаманство.—Вѣрованіе.—Виѣшнее существо.—Прочіе боги.—Изображеніе боговъ.—Тильянъ.—Гас.—„Идолослуженіе“.—Жертвоприношеніе.—Лонхъ.—Сълдасъ.—Резюме.

Подобно тому, какъ мало по малу исчезаютъ съ лица земли туземцы Сѣверной Америки,—различныя, прежде весьма многочислен-

ныхъ племенъ такъ называемыхъ краснокожихъ, точно также исчезаютъ и туземцы Сибири. Кастренъ, Радловъ и другіе упоминаютъ обѣ отдельныхъ племенахъ, отъ которыхъ не осталось и слѣда, какъ напр. обѣ Тубинцахъ и Котахъ, между тѣмъ какъ отъ другихъ встрѣчаются лишь жалкіе остатки. Подобная судьба постигла и тѣ племена Остяковъ и Самоѣдовъ, которыхъ Кастренъ еще встрѣчалъ кое-гдѣ на верхней Оби и Енисѣѣ, а потому всѣ свѣдѣнія, собранныя о нихъ неутомимымъ и почтеннymъ изслѣдователемъ, представляютъ вѣчное и незамѣнное сокровище науки. Хотя оба наиболѣе замѣчательныя племена туземцевъ западной Сибири, Остяки и Самоѣды, повидимому надолго обезпечены отъ подобной участи, однако нельзя отрицать, что они уже находятся на пути къ окончательному „вымиранию“. Несколько не памѣреваясь вступать въ споръ съ Кастреномъ, Радловымъ и другими знатопытыми изслѣдователями, не могу однако не привести своихъ наблюдений, не лишепыхъ иѣкотораго значенія, хотя въ кратковременное наше тамъ пребываніе эти свѣденія и не могли быть достаточно полными и точными, какъ бы это было желательно. При иѣкоторыхъ сравненіяхъ, доказательствахъ и проверкахъ, приходилось во многомъ пользоваться трудами своихъ предшественниковъ; въ главномъ же я могу опираться на свои собственныя наблюденія и изслѣдованія, которые придаютъ моимъ ваникамъ почетъ оригинальности. Послѣднія усилются еще болѣе тѣмъ, что я употреблю всѣ старания быть насколько возможно болѣе объективнымъ и, не обращая вниманія на сужденія другихъ, буду изображать все въ томъ видѣ, какъ нашель самъ. Такимъ образомъ свободна отъ всякаго предвзятаго мнѣнія и пристрастныхъ сужденій, свѣдѣнія, сообщаемыя мною, должны будутъ, несмотря на всю ихъ неполноту, возбудить интересъ, который оставить по себѣ продолжительную память.

Начну съ антропологическихъ данныхъ, основываясь на изслѣдованіяхъ профессора Варкова, который былъ такъ любезенъ, что разобралъ привезенный мною матеріалъ (17 череповъ въ языческихъ могилахъ) и далъ ихъ „подробное описание“ *).

*). „Сибирские черепа“ (Самоѣды, Остяки); см. „Новѣстія Берлинского общества Астрономіи и Этнографіи“ (гасѣданіе 21-го Іюля 1877 г. стр. 66—67; издавая стр. 71 и 72).—Нѣтъ сообщенія моего, на томъ же гасѣданіи, о способахъ погребенія, аско видно, что относительно пола не можетъ быть никакихъ сомнѣй. Если же профессоръ Варковъ, въ противоположность моимъ привѣтамъ, мужской черепъ называетъ женскимъ, а женскій мужскимъ, тансъ какъ его антропологическая

По этимъ изслѣдованіямъ, черепа съ верхней Щучьей оказываются „средней величины, брахицефальные, средней высоты и узконосые“; съ средней Щучьей (Черный Яръ) вообще рѣзко брахицефальная раса съ легкимъ прогнатизмомъ; черепа съ нижней Оби (Халиснагоръ) допускаютъ „предположеніе о болѣшемъ смыщленіи племенъ“, такъ какъ между 4 черепами былъ одинъ съ узкимъ, одинъ съ среднимъ, одинъ съ плоскимъ и одинъ съ необыкновенно широкимъ переносцемъ.

Этому предположенію о смыщленіи племенъ приводится слѣдующія доказательства. Одинъ изъ череповъ со Щучьей (№ 6) представляетъ „хорошій образчикъ финского типа“, между тѣмъ какъ другой изъ той же мѣстности (№ 3) и два прочихъ (А и Б), несомнѣнно принадлежащіе Остякамъ, даютъ „болѣе положительные основанія для сравненія съ восточно-сибирскими народами, а именно съ Гольдами Нижнаго Амура, чѣмъ съ черепами какихъ-либо западныхъ народовъ. Въ образованіи черепной коробки, еще болѣе въ личныхъ, именно въ носовыхъ костяхъ, у нихъ выступаютъ отличительные признаки монгольской расы. И впервые замѣтилъ я что на этихъ финскихъ или угрскихъ черепахъ, и если-бъ вѣдь не было очевидного смыщленія, то мы признали бы въ Остикѣ настоящую переходную форму къ Монголу Центральной Азіи. Между тѣмъ какъ эти признаки еще рѣзко выступаютъ на черепахъ съ Оби, черепа со Щучьей представляютъ сходство съ западно-финскими, именно лапландскими формами“.

Относительно череповъ я долженъ замѣтить, что невозможно было определить съ точностью, принадлежитъ ли черепъ Остяку или Самоѣду, такъ какъ въ упомянутой мѣстности оба народа встрѣчаются вмѣстѣ и способъ ихъ погребенія одинаковъ. Хотя и болѣе чѣмъ вѣроятно, что эти черепа принадлежать почти исключительно Остякамъ, но это не исключаетъ Самоѣдовъ и черепа съ монгольскимъ типомъ даютъ поводъ предполагать, что они принадлежать послѣднимъ. Отсюда можно было бы заключить, напр. что черепа А и Б *), изъ Халиснагора принадлежать Самоѣ-

изслѣдованиемъ допускаютъ это опредѣленіе, то, по моему мнѣнію, вполнѣ не согласны съ фактами. Въ женскихъ могилахъ я находилъ только женскія принадлежности, и у меня хранится стеклянная бусинка, найденная въ глазной впадинѣ черепа А. Этого одного, кажется, достаточно для опредѣленія пола.

*). Одно голое изслѣдованіе череповъ не можетъ по служить къ вѣрному опредѣленію расы; доказательствомъ тому служатъ 2 черепа, найденные въ древнихъ могилахъ около Тюменіи и подтвержденные здѣсь графомъ Вальдбургомъ отъ учителя Капони-

дамъ, по я имѣю полное основаніе думать, что эти черепа были настоящіе остаткіе, между тѣмъ какъ черепа съ отпечаткомъ финскаго типа (какъ напр. № 6), по всему видимому, Самоѣдскаго происхожденія.

По какъ бы то ни было, эти краиологическія изслѣдованія Вирхова вполнѣ согласны съ тезисомъ, высказаннымъ Миддендорфомъ еще 30 лѣтъ тому назадъ: „Самоѣды—племя сибирское, происшедшее отъ соединенія финскаго племени съ монгольскимъ.“ Лингвистическія изслѣдованія Кастрепа подтверждаютъ этотъ выводъ. Кастрепъ говоритъ (II. стр. 401) слѣдующее: „Финскій языкъ всего больше сходенъ съ самоѣдскимъ и турецкимъ, по видѣть съ тѣмъ имѣть несомнѣнное сходство съ монгольскимъ. Изъ этого сходства языковъ можно съ увѣренностью заключить, что Финны жили никогда на Алтайѣ.“

Если выводъ этотъ вѣренъ, то можно сейчасъ же объяснять себѣ происхожденіе Остака, который, по единодушному мнѣнію всѣхъ изслѣдователей, „настоящій Финъ.“ Это подтверждается также письменными сообщеніями, которыми я обязанъ любезности профессора Алквиста и студента Бергрота изъ Гельсингфорса. Послѣдній пишетъ мнѣ: „Что касается народовъ, живущихъ въ нижней Оби, то Остаки и Богулы принадлежать къ Финскому племени, только Самоѣды имѣютъ другое происхожденіе.“ Тоже говорить профессоръ Алквиастъ: „Кастрепъ предполагаетъ сродство между Самоѣдами и Финами, хотя и очень дальнее, основанное только на вѣхателльныхъ звукахъ въ обоихъ языкахъ. Въ словахъ же и въ оборотахъ рѣчи самоѣдскій языкъ имѣть съ финско-угрскимъ не большее сродство, чѣмъ русский съ португальскимъ или шведскимъ съ персидскимъ.“ — Прибавимъ еще къ этому, что, по мнѣнію Алквиста: „Остаки по языку очень близки къ Мадьярамъ, чѣмъ характеризуется настоящее состояніе язаний о сродствѣ языковъ, такъ какъ до сихъ поръ еще нельзя решить относительно языка Самоѣдовъ. По Риттику (Berogr. Mitth., Erganungsheft № 54), Остаки привадлежать къ угоро-финской группѣ урало-алтайскихъ племенъ монгольской расы; Самоѣдовъ же слѣдуетъ рассматривать какъ племя наиболѣе родственное послѣдней, по составляющее отдельную группу. Ос-

кова. Профессоръ Вирховъ не могъ бы, изъ одного только наружного осмотра этихъ череповъ, прийти къ заключенію о привадлежности ихъ къ финской расѣ, если бы не имѣлъ случая сравнить ихъ съ рисункомъ ногульского черепа. Сравн. доц. Европеуса. и „Типы остаточныхъ ногульскихъ череповъ.“ Zeitschrift f. Ethnologie. 1876.

тяцкій языкъ, вирочемъ, благозвучный и богатый гласными, поражаетъ сходствомъ выговора буквы тъ съ англійскимъ th, которое часто звучитъ какъ t, что, по мнѣнію Кастрепа, весьма характеристично. Какъ въ русскомъ языкѣ быть h, такъ и у Остаковъ быть f, въ чёмъ мы убѣдились лично, и вместо f они говорятъ r. Самоѣдскій же языкъ, хотя также очень благозвученъ, совершенно отличенъ отъ остаткаго и служить разговор-

Остяцкие типы.

шимъ языкомъ у обоихъ народовъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ они не понимали бы другъ друга. Какъ остаткій, такъ и самоѣдскій языки распадаются опять-таки на нарѣчія и отѣнки нарѣчій. Въ первомъ языке Кастрепъ принимаетъ 3 главныхъ нарѣчія (стр. 120), въ Самоѣдскомъ также 3 и около 12 второстепенныхъ нарѣчій, перечисленныхъ Миддендорфомъ (стр. 1411—1414). По Гофману (стр. 49—50), такъ называемое ленинское

нарѣчіе, на которомъ говорятъ Остяки въ Березовѣ, почти одинаково съ ногульскимъ языкомъ и въстолько разнится отъ обдорского нарѣчія, что представители обоихъ нарѣчій не могутъ понимать другъ друга.

Что касается наружного вида, то описанія Зусса, на которыя такъ часто ссылаются до сего времени, относятся только къ отдельнымъ индивидуумамъ, а объ общемъ типѣ, какъ о томъ уже упоминаетъ Кастренъ, даютъ ложное понятіе. Если путешественникъ, при первомъ знакомствѣ съ чуждымъ ему народомъ, составляетъ представление о типѣ цѣлаго племени по одному индивидууму, то чѣмъ болѣе знакомитесь онъ съ различными его представителями, тѣмъ болѣе исчезаетъ это первоначальное о немъ представленіе. Тоже самое было съ нами относительно Татаръ, Киргизовъ, Остаковъ и наконецъ Самоѣдовъ. Къ тому же, на это первое сужденіе о племени, имѣть значительное влияніе национальный kostюмъ. Какъ Миддендорфъ не узнавъ однажды свою самоѣдскую прачку, потому что она вымылась, тѣмъ я принялъ Собрина за Самоѣда, хотя въ похищенный жилища Остаковъ не болѣе недѣли тому назадъ. Это былъ, безъ сомнѣнія, первый Остякъ, которого увидѣлъ въ партикулярномъ платьѣ. По моимъ замѣткамъ, общіе отличительные признаки Остаковъ слѣдующіе: волосы мягкие, большей частью черные; лобъ вѣдающійся; брови очень рѣдкія; глаза по большей части каріе, узкие *); носъ небольшой, вѣсколько приплюснутый и задернутий, съ круглою толстою шишкою на концѣ; у дѣтей замѣчается только одна эта шишка, какъ бы пуговка; ноздри широкія, съ большими отверстіями; ротъ большой, широкій; губы толстые, вздутыя, въ особенности нижняя, которая иногда выдается дальше носа; подбородокъ маленький, круглый; борода маленькая, рѣдкая; волосы идутъ большей частью лишь до щекъ, иногда выбриты на подбородкѣ; усы бываютъ рѣдко. Замѣчательна необычайная малость ихъ ногъ, что Миддендорфъ замѣтилъ также у Самоѣдовъ. Что касается кожи, то она, если только не подвергалась особымъ виѣшнимъ вліяніямъ, большему частію такого же цвѣта, какъ у Русскихъ, развѣ только вѣсколько блѣдѣе; у девушекъ же я не разъ замѣчалъ пѣнико розовый румянецъ.

*). По учению Дарвіна, укіе, нергаюючи глава не трудно объяснить привычкою, вызванной комарами, движомъ въ ослабленій бѣлинной сѣти. Мы также рѣдко можемъ держать голову совсѣмъ открытыми, и замѣтили эту привычку юритьсь въ утамошнихъ Русскихъ и канаковъ. Такое же извѣсніе высказано было еще Миддендорфомъ.

Ростъ большею частію средній и малый; но я не могу представить никакихъ измѣреній, потому что туземцы не соглашались на тѣ, чтобы съ нихъ спѣли мѣрку; они считали это почти равнозначущимъ рекрутскому набору, котораго страшились боялись. Въ томъ, что Остяки, хотя по виду и кажутся слабѣе русскихъ, равняются съ ними физическими силами,—мы убѣдились на опыте. Неудивительно, что при бѣдномъ образѣ жизни, усиленномъ трудомъ и при тѣхъ лишеніяхъ и невзгодахъ, съ которыми приходится постоянно бороться Остякамъ, почти весь опи худъ. Въ моей записной книжкѣ находится лишь одинъ примеръ необыкновенной толщины. Это былъ племянникъ князя, хотя еще молодой человѣкъ, но испорченаго тѣлосложенія, страдавшій отъ жира.

Относительно индивидуальныхъ уклоненій, я приведу лишь вѣсколько выписокъ изъ своей записной книжки:

„Угорскія юрты. Совершенно особенный типъ; здѣсь двое мужчинъ съ большими, крюковатыми носами, которые сближаются въ съверо-американскими индійцами; мужчины здѣсь часто имѣютъ совершенно женственный видъ.“

„Параватскія юрты. Одинъ мужчина съ голубыми глазами, другой съ серыми; оба съ черными волосами. Женщины сохраняютъ болѣе одинаковый типъ, который у молодыхъ вѣсколько приближается къ монгольскому; головы круглые, тыкообразныя; глаза темные; брови сильно выгнутыя; носы маленькие, тупые; скулы сильно выдающіеся; цвѣтъ кожи такой же блѣдый какъ у нашихъ соотечественницъ; некоторые совсѣмъ педурлы.“

„Тахты. Здѣсь вѣсколько мужчинъ съ голубыми глазами и темными волосами; у одного при голубыхъ глазахъ черные волосы; у другого рижіе; у иныхъ на головѣ черные волосы, а бороды русые; одинъ совершенно блѣлокурый, что встрѣчается очень рѣдко.“

„Большой Устрамъ. У женщинъ красивая полная нѣкы и почти у всѣхъ маленькая ноги. Одна очень смуглѣа, другая также блѣды, какъ и мы. Мужчина съ голубыми глазами; индійский типъ съ орлинымъ носомъ очень рѣдокъ.“

„Князь-юрты. 20 мужчинъ, между ними 3 индійского типа и одинъ почти японскаго. Одинъ блондинъ съ прекрасной бородой и большими усами.“

„Проточка. Здѣсь опять мужчины похожіе на индійцевъ и японцевъ. Одинъ мужчина очень красивый, съ типичной физиономіей.“

мій, съ голубыми глазами и блокурыми волосами на головѣ, усахъ и бородѣ."

"Тоболка. Очень типичный мужчина, знаетъ свои года, говоритъ, что ему 25 лѣтъ, но на видъ ему не болѣе 18. Едва пробивающаяся борода; длинные черные волосы; маленькие темные, но неприщуренные глаза; мало выдающихся скулъ; смуглый цветъ кожи и румяные щеки."

Остяки въ праздничной одежде.

"Тоболка. Хорошенькая блондинка съ темными глазами и хорошенькая 14-лѣтняя брюнетка, напоминающіе Японокъ; обѣ сестры, дѣти однихъ и тѣхъ-же родителей и т. д.

Замѣчаніе Ковалевскаго, что у женского пола, а именно у дѣвушекъ и молодыхъ женщинъ, "монгольский типъ лица" выражается болѣе рѣзко, чѣмъ у мужчинъ, я могу подтвердить въ свою очередь.

Хотя мы имѣли мало спошній съ Самоѣдами, однако мои замѣтки говорятъ тоже самое. Вообще сходство съ монгольской расой у нихъ замѣтно, вслѣдствіе болѣе прищуренныхъ глазъ, болѣе темного цвѣта кожи и черныхъ волосъ. Тѣмъ не менѣе я замѣтилъ въ Имбурри хорошенькую брюнетку съ японскими чертами лица; сестра у пса блондинка. Обѣ—дочери однихъ родителей. Нѣть возможности предположить какое-либо смѣщеніе. Почему между Самоѣдами не можетъ быть такого же контраста между родными сестрами, какой встрѣчается у насъ? Почему именно у этихъ народовъ причиной такихъ контрастовъ должно быть именно смѣщеніе?

Если въ вышеупомянутомъ случаѣ и не было смѣщенія, то это, конечно, еще не даетъ повода отвергать его возможность. Миддендорфъ (стр. 1406 и 1407), даетъ вообще очень вѣроятное описание очеркній лица и формы черепа, которая еще болѣе уясняются превосходными рисунками. Послѣдніе изображаютъ, во первыхъ, Самоѣдовъ (Юраковъ), именно Канинскихъ Самоѣдовъ (Таб. XIV, совершенно финскій типъ) и Тиманскихъ Самоѣдовъ, (Т. XIII, монгольский типъ), между тѣмъ, какъ изъ Остяковъ изображены только обрисованіе Енисейскіе Остяки (Таб. I, II). Мои рисунки (стр. 436) Остяковъ—единственные удачные; это Остяки съ нижнаго теченія Оби. Рисунки эти сдѣланы съ фотографій, снятыхъ господиномъ Лутикомъ въ Тобольскѣ и Обдорскѣ, переведены на камень В. Мейномъ въ Берлинѣ, и выполнены съ совершеннымъ сходствомъ, такъ какъ я хорошо зналъ оригиналы этихъ портретовъ.

Эти рисунки представляютъ очень типичныхъ Остяковъ и показываютъ, насколько значительны индивидуальные уклоненія въ сколькихъ отдельныхъ лицахъ, что еще болѣе подтверждается группой Лутика, изображающей князя и его свиту. Почти каждое изъ этихъ десяти лицъ имѣть своеобразную физіономію, что тѣмъ болѣе удивительно, что это все близкіе родственники князя. Лицо внакомый мнѣ Самоѣдъ представляетъ очень типичную фигуру и походитъ вѣроятно на соплеменника своего Нейку, съ р. Тазъ, у Миддендорфа (Юраки таб. III).

Судя по этимъ портретамъ, ни Остяки, ни Самоѣды не могутъ считаться "красавцами"; однако и между ними встрѣчаются даже по нашимъ понятіямъ "красивые" индивидуумы. Изящный туалетъ производилъ въ некоторыхъ дѣвушкахъ удивительная превращенія. Относительно Остяковъ и Самоѣдовъ слѣдуетъ упомянуть, что они имѣли некоторое попыткѣ и старинные писатели. Такъ

выбѣшиваются черепа не только тѣхъ оленей, которые были убиты на мѣстѣ погребенія; очень часто поминки справляются въ чумахъ, и оттуда уже приносятся черепа въ знакъ совершенной тризны. Это увѣреніе Йорки объясняетъ, почему на кладбищахъ, кроме череповъ, рѣдко встрѣчаются какія либо кости, кроме мозговыхъ. Сообщаемъ Зуевымъ (стр. 66), Шренкъ (стр. 25) и Ковалевскимъ (стр. XXVII) свѣдѣнія о томъ, что Остяки и Самоѣды убиваютъ З оленей, которые везутъ сапи съ умершимъ, и оставляютъ ихъ на мѣстѣ со всемъ упражью и сапами, основанными на невѣрныхъ данныхъ. Если бы это дѣйствительно такъ дѣжалось, то я бы, безъ сомнѣнія, нашелъ хоть какіенибудь слѣды этого обычая. Звѣрское убиваніе оленей при погребеніи (закалываніе посредствомъ обточенной палки Зуевъ, Шренкъ; забинтованіе поздрѣй, ушей, рта посредствомъ деревянныхъ клиньевъ Гофманъ, стр. 28) также основаны не на собственныхъ наблюденіяхъ, а на словахъ Зырянъ, въ чемъ я могу поручиться. Обычай поминокъ свидѣтельствуетъ вѣтѣть съ тѣмъ о расположениіи благотворительности, потому что зачастѣльная часть мяса отдается бѣднякамъ.

Внѣшнихъ видимыхъ знаковъ скорби я никогда не замѣтилъ, но на этомъ же основаніи утверждаю, что рассказы Кострова о томъ, что Остяки рвутъ на себѣ волосы и до крови расцарапываютъ ногтиами лицо, совершающіо невѣрии. Свообразная погребальная церемонія основана, безъ сомнѣнія, на религиозныхъ вѣрованіяхъ, и обычай оставлять умершему разную утварь, очевидно, происходитъ отъ убѣжденій, что человѣкъ продолжаетъ жить и послѣ смерти; убѣженіе это сохранилось даже у Остяковъ-христіанъ. Такъ, на кладбищѣ остатковъ деревни, Кѣшка, которое содержалось гораздо лучше русского, покойники были похоронены въ землѣ, но на могилахъ были устроены деревянные ящики. Они, разумѣется, не были лишены могильныхъ крестовъ, но въ ящикахъ лежала разная утварь, между прочими дуга, особенно характеризующая Остяковъ, которые держатъ лошадей.

Поляковъ пишетъ между прочими (стр. 52), что у Остяковъ три вѣба, и самое высокое изъ нихъ свободно „отъ всякихъ ясковъ, чивовниковъ и всего, что препятствуетъ ихъ благосостоянію“. Прекрасная легенда о славномъ Татибѣ уріэрѣ (Шренкъ I стр. 527, Кастренъ I стр. 262), который на свою оленевыхъ сапахъ вознесся съ женой живыми на небо, посторожилъ вѣрованіе о загробной жизни. Однако Остяки и Самоѣды не вѣрятъ въ нее, такъ какъ, хотя Йорка отвѣчали на разспросы,

что веши кладутся въ могилу для того, чтобы умершій имѣть „тамъ“ что нибудь для первоначального обзаведенія, но оба они отрицали загробную жизнь и полагали, что этотъ обычай просто ведется настари. Йорка не вѣрилъ свиданью въ иной жизни, по вѣрилъ однако въ царство тѣней, въ которомъ человѣкъ скитаются послѣ смерти. Это существование (Кастренъ: „О Самоѣдахъ I. стр. 264“) продолжается, однако, лишь до тѣхъ поръ, пока тѣло не истлевѣть; Татибенъ же, напротивъ, послѣ смерти превращаются въ бессмертныхъ Итармасъ или Гадебжъ, въ духовъ, помогающіи Татибенамъ на землѣ. Одинъ изъ послѣднихъ, котораго я разспрашивалъ, не зналъ однакожъ объ этой привилегіи касти въ отрицаніи загробной жизни, но вѣрилъ въ царство тѣней, въ которомъ онъ будетъ играть роль шамана. Въ этомъ царствѣ человѣкъ днемъ умираетъ, а почюю оживаетъ и занимается своими дѣлами по прежнему; для этого то ему и кладутъ подъ руку всякие свариды. Злые люди и въ этомъ мірѣ тѣней дѣлаютъ худое, хорошіе же—наоборотъ. Такіе ялые духи стараются по почамъ повредить чумамъ, мучаютъ идовъ, если они снова выходятъ замужъ, и тогда приходится шаманамъ изгнать ихъ, посредствомъ заклинаній.

Знакомство съ вышеупомянутымъ Татибеномъ или шаманомъ доставило намъ случай присутствовать при волшебномъ представлении. „Дядя“ разузналъ объ этомъ человѣкѣ, Самоѣдѣ Архангельской губерніи, отъ рыболововъ въ Проточкѣ, и обѣщаніемъ подки уговарилъ его показать намъ свое искусство. Мы еще сидѣли за обѣдомъ, когда изъ сосѣднаго чума долетѣли до насъ глухіе звуки: это настраивали волшебный барабанъ. Этотъ необходимый для шамана инструментъ, по сам. Ценсеръ, состоять изъ обруча, отъ 1 до $2\frac{1}{2}$ футовъ въ диаметрѣ, на которомъ съ одной стороны натянута кожа молодого оленя. Внутри обруча вмѣсто ручки сдѣланы въ видѣ креста двѣ поперечныя перекладинки, къ которымъ прикреплены кольца или другія мѣдные штучки, для усиленія шума. Колотушкой служить короткая обтянутая шкурой палка, которую колдунъ держитъ между указательнымъ и безымяннымъ пальцемъ и которая прикрѣплена ремнемъ къ барабану. Когда мы вошли въ чумъ, то нашли его биткомъ набитымъ зрителями: Самоѣдами, Остяками, Зырянами, Русскими, женщинами, девушкими и дѣтьми. Они привѣтствовали насъ троекратнымъ громкимъ крикомъ. Мы были усажены на почетномъ мѣстѣ—на оленевыхъ шкурахъ, прямо противъ Татибеня и могли безпрепятственно пасадиться необыкновеннымъ, интереснымъ зре-

Плано Карпини упоминает о нихъ еще въ 1246 году, а Марко Поло (1270—1295) слышалъ ужъ о торговлѣ мѣхами на сѣверѣ, что, безъ сомнѣнія, относится къ Остякамъ. Несомнѣнно также, что еще въ 15 столѣтіи между русскими и вышеупомянутыми народами уже существовали нѣкоторыя спошенія, такъ какъ еще въ 1499 году русские заняли Лепину, бывшую главнымъ центромъ мѣховой торговли. По изслѣдованіямъ Лерберга, древніе Угры тождественны съ нынѣшними Остяками и Богулами, говоря о лепинскихъ Богулахъ, соглашается съ этимъ взглядомъ. Но, по ученымъ изысканіямъ Шренка, оказывается несомнѣнно, что подъ названіемъ древней Югріи слѣдуетъ понимать область между Обдорскомъ и р. Тазъ; въ такомъ случаѣ Угры вичто иное какъ инышие зауральские Самоѣды. Во всякомъ случаѣ жилища Остяковъ въ прежнія времена находились гораздо южнѣе. Нынѣшняя Тюмень, по всему вѣроятію, обязана своимъ познаніемъ "мѣсту чумовъ", такъ-же какъ Демьянскъ своему бывшему владѣтелю, останцкому князю Немѣ-ву. Когда въ 1681 году Ермакъ въ кровавомъ бою уничтожилъ могущество татарского царства при ханѣ Кучумѣ, тогда и союзники послѣдняго — Остяки поддали подъ русское владычество. Всѣ остаткіе вожди, какъ мы видѣли, были замѣнены однимъ, который въ 1601 году получилъ отъ царя пасѣдственныи титулъ кназа. Самоѣды, живущіе по сю сторону Урала, обязались платить дань Россіи еще въ 1525 году; зауральские же, живущіе на востокѣ отъ Обдорска, только послѣ покоренія Остяковъ; въ 1614 году стали платить дань Таймирскіе Самоѣды. Впрочемъ, все это произошло по безъ сопротивленія: сибирскіе Самоѣды въ особенности не разъ употребляли въ дѣло вооруженную силу и, наконецъ, въ 1746 году начали на Пустозерскѣ и обложили его, хотя и безуспѣшно. Болѣе подробная свѣдѣнія объ исторіи Самоѣдовъ, съ указаніями источниковъ, даютъ Шренкъ (I стр. 293).

По словамъ того же изслѣдователя, Татары называли своихъ сѣверныхъ сосѣдей „Умтекъ“ (варваръ), откуда и происходитъ искаженное и перевиленное на русскій ладъ слово Остякъ. Сѣверные Остяки, съ которыми мы наиболѣе приходили въ соприкосновеніе, называютъ себя Хандохо (по рус. Кандых), "что равносильно слову „человѣкъ“, хотя на распросы свои я не добился отъ туземцевъ полнаго объясненія этого слова. По Кастрену, „Ханды-гун“, Конда — народъ, или „Лесь-гун“, какъ называютъ также себя Остяки, означаетъ народъ Оби. Богулы называютъ Остяковъ, какъ и себя, Манси, такъ-же какъ лепинскіе Остяки,

которые, по всему вѣроятію, весьма близки къ Богулямъ. Самоѣдовъ же они, какъ я слышалъ, называютъ Габи; по Зуеву же Таге. Зауральскихъ Самоѣдовъ Остяки называли прежде „Оргой“, откуда и произошло название Угры, которое впослѣдствіи было оставлено. Слово это всего вѣрище означаетъ, какъ указываетъ Шренкъ (стр. 616—622), „быть сырое“. Сѣверные Остяки и по настоящее время называютъ Самоѣдовъ „Гуи“ или „Ворх“; а Зыряне — „Яроицъ“.

По этнографической картѣ азиатской Россіи Венюкова, Остяки занимаютъ очень большое пространство, а именно къ югу они распространяются до Тобольска и Томска, къ сѣверу до 65° с. ш., а вдоль Оби даже до 67° и отъ Оби даже переходить за Енисей. Къ сѣверу отъ этой области, до самаго Ледовитаго моря, къ востоку до Иасины, живутъ уже Самоѣды. Подобныя общія географическія обозначенія всегда вводятъ въ заблужденіе относительно численности народа. Выѣсто того, чтобы отмѣтить всю громадную область одной краской, было бы гораздо вѣрище обозначать лишь главные пункты, занимаемые известными племенемъ, которые и представлялись бы въ видѣ оазисовъ. Главное мѣстообитаніе Остяковъ составляетъ лишь широкая Обская низменность (40 верстъ ширины). Отсюда они съ одной стороны доходить до устья, ради рыбной ловли, а съ другой до Урала, и на этихъ крайнихъ предѣлахъ своего распространенія часто встречаются съ Самоѣдами, такъ какъ границы владѣній обоихъ племенъ соблюдаются не особенно строго.

По тщательнымъ изслѣдованіямъ Кастрена, на Иртышѣ (такъ называемый Денщиковскій отдыѣ) живутъ 2982 Остяка; въ Сургутскомъ отдыѣ (отъ Самарова почти до Томска) 4492; въ Кондинскомъ (Березовъ, Сосва, Лепина, Катымъ) 6853 — и Обдорскомъ (между Березовымъ и Обдорскимъ) 4330; всего 18,657 Остяковъ и 904 на Енисѣѣ, что круглымъ числомъ составитъ 20,000. Это было въ 1845 году! Риттихъ (1868) повторяетъ лишь цифры Кастрена и насчитываетъ въ Тобольской губерніи 24,027 Остяковъ, включая сюда 4257 Богуловъ, въ Томской губерніи 3000 и въ Енисѣйской 500, всего слѣдовательно 23,000 душъ. Ленгенфельдъ насчитываетъ до 25,000 Остяковъ. Нѣтъ сомнѣнія, что всѣ эти офиціальные исчисленія далеко неѣрѣны, потому что у этихъ кочующихъ народовъ невозможна никакая статистика. По заявлению засѣдателя, въ Обдорскомъ округѣ числится 5382 Остяка обоего пола, изъ которыхъ 1376 (488 въ Кушеватскомъ округѣ) платятъ подати. Остяки на Иртышѣ, которыхъ описываетъ

Кастрепъ (стр. 50—58, 119—122) большей частью обрушили и живутъ въ домахъ, почти осѣдло, но ихъ поселенія раскинуты далеко одно отъ другого. Такжে и обскіе Остяки, лучшіи свѣдѣніями о которыхъ мы также обязаны Кастрену. Здѣсь они содержать олесевъ, какъ на Вахѣ, пытаются впрочемъ большей частью охотой, которая вынуждастъ въ вести кочевой образъ жизни. Бѣднѣе всѣхъ Остяки оставшіеся въ небольшомъ количествѣ на Енисѣѣ, которыхъ, по Кастрену, находится тамъ всего 904, по Миддендорфу 650. Послѣдній естествоиспытатель, встрѣтившися съ ними на Сымѣ и Курейкѣ, называетъ ихъ самыми „жалкими и несчастными изъ туземцевъ, видѣнныхъ имъ въ Сибири.“ Остяки въ настоящее время самое многочисленное племя въ сѣверозападной Сибири. Гораздо малочисленѣе ихъ Самоѣды, несмотря на то, что область ихъ распространенія гораздо обширнѣе; она простирается отъ Пясмы на Таймырѣ къ западу черезъ Уралъ въ Архангельскую губернію, къ югу до Чулымы. Но они не доходятъ въ Сибирь до Ледовитаго моря, какъ утверждаетъ Миддендорфъ; и если Самоѣды въ Европѣ встрѣчаются на берегахъ этого моря и даже на островѣ Вайгачѣ, то только на короткое время. (См. Гофманъ, стр. 142). Самоѣды, живущіе южнѣе, встрѣчаются въ небольшомъ числѣ на Тымѣ и другихъ притокахъ Оби въ Томской губерніи. Кастрену въ 1845 году стоило большого труда отличать ихъ по языку, который очень схожъ съ языкомъ живущихъ на р. Тазѣ, а съ этого времени они еще болѣе смѣшились съ Остяками и Русскими. Свѣдѣнія Кастrena о южныхъ племенахъ до сихъ поръ остаются наиболѣе достовѣрными и точными. Главная масса Самоѣдовъ занимаетъ область около устья Оби, на западъ къ Уралу, на востокъ по всему полуострову до Енисея, а откочевываясь они еще даѣтъ, до Богданы. О различныхъ главныхъ племенахъ ихъ на Енисѣѣ (Хантай, Таги или Авамъ и Асса) лучшія свѣдѣнія даетъ Миддендорфъ (стр. 1438—1448). Онъ встрѣтился съ ними въ Иргарской подъ 67°, 8' с. ш.; они называются здѣсь Юраками и, по мнѣнію Шмидта (стр. 15), тождественны съ Самоѣдами, которые приходить лѣтомъ съ р. Тазѣ къ Енисею, и съ тѣми, которые живутъ по сю сторону Урала. Подробнѣшими свѣдѣніями о послѣднихъ обязаны мы Шренку (стр. 625); онъ сообщаетъ ихъ раздѣленіе и название племенъ, такъ-же какъ и число ихъ, которое въ общей сложности构成ть изъ 4495 душъ обоего пола. На Енисѣѣ (по Мид.) ихъ 2100 человѣкъ, на верхней Оби 3977 (по Кастрену), на нижней Оби, по официальнымъ свѣдѣніямъ, доставленнымъ ми

засѣдателемъ, 5997 человѣкъ Самоѣдовъ обоего пола, между которыми считается 1357 душъ, платящихъ подати. Общее число всѣхъ Самоѣдовъ доходитъ до 16,500. Риттихъ распредѣляетъ ихъ слѣдующимъ образомъ: въ Енисейской губерніи 6000; въ Тобольской 4000, что, вмѣстѣ съ европейскими Самоѣдами, составитъ до 14,500. Ленгельфельдъ насчитываетъ въ Сибири 20,000, а въ европейской Россіи 35,000 Самоѣдовъ и „цыганъ“, что очевидно невѣрно. Невѣрно также и вычисление Ланкепау, который насчитываетъ только 12,000 Самоѣдовъ и Остяковъ. Точныхъ свѣдѣній объ области ихъ кочевокъ у засѣдателя не имѣлось. Онъ могъ лишь сообщить намъ, что Самоѣды Обдорского округа распадаются на такъ называемыхъ Каменыхъ и Низовыхъ. Первые кочуютъ съ своими стадами до Карского залива, послѣдніе между р. Тазъ и Пурой. Но посѣщають ли они полуостровъ Ялмаль, засѣдателю не было известно; также было ему неизвестно число Самоѣдовъ, кочующихъ у р. Тазъ, несмотря на то, что они платили подати въ Обдорскъ. По справкамъ, собраннымъ нами въ Обдорскѣ, Ялмаль совсѣмъ необитаемъ, и если посѣщаются кочевниками, то лишь въ южной своей части.

Остяки и Самоѣды освобождены отъ воинской повинности, но платить подати, которая прежде состояла въ мявахъ, теперь же въ деньгахъ; съ каждого Самоѣда, способного къ работѣ, взимается по 3 руб. 12 коп. Изъ этого поступаетъ въ казну: съ Самоѣда 1 руб. 43 коп., съ Остяка 86 коп., остатокъ же идетъ на содержаніе мѣстныхъ чиновниковъ (помѣщеніе, отопленіе, освѣщеніе).

Подобно всѣмъ или почти всѣмъ нецивилизованнымъ народамъ не только Сибири, но и прочихъ странъ, Остяки и Самоѣды должны будуть отступить передъ цивилизаціей, подчиниться ей или погибнуть, несмотря на то, что они укрываются въ дикой странѣ, ведутъ суровую жизнь, подвергаются трудамъ и лишеніямъ и, повидимому, могутъ противиться неблагопріятнымъ условіямъ долгѣ многихъ другихъ народовъ. Г. Поляковъ, который очень мрачно смотрѣтъ на будущее Остяковъ, отыскиваетъ причины ихъ раззоренія въ притѣсненіяхъ и обманахъ со стороны его соотечественниковъ, что ему должно быть лучше известно. Но когда онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, считаетъ главными фактами вымирания незначительную способность къ размноженію и необычайный процентъ смертности дѣтей (отъ $\frac{1}{2}$ до $\frac{3}{4}$), то это лишь предположенія, а не факты, доказанные статистикой. Зувъ,

сто лѣтъ тому назадъ, говорилъ тоже самое и его предсказанія не сбылись. Во всякомъ случаѣ и у нихъ, какъ у всѣхъ нецивилизованныхъ народовъ, водка главная причина матеріального разворенія и физического вырожденія, и т. д. Шоляковъ, бѣль сомнѣнія, правъ, обвиняя своихъ соотечественниковъ въ томъ, что они привозятъ водку и пріучаютъ къ ней туземцевъ. При всемъ томъ нынѣство у Остаковъ и Самоѣдовъ развито не болѣе, чѣмъ у большей части сибирскихъ народовъ. Конечно, эти „язычники“ и по сіе времена не могутъ служить хорошимъ примѣромъ. Но между тѣмъ какъ сибириаки пьяствуютъ по привычкѣ, туземцы паничаются лишь случайно, по самой простой причинѣ: потому что они по большей части слишкомъ бѣдны. Лишь при какомънибудь особенномъ случаѣ инородецъ можетъ напиться до-пьяна, и этими случаями онъ пользуется такъ-же хорошо, какъ русскіе, и какъ это дѣлается въ цивилизованныхъ странахъ. Но цыяници по профессіи, какіе встрѣчаются въ Голландіи и Англіи, не говорятъ ужъ обѣ Ирландіи, между Остаками и Самоѣдами я ни когда не видѣть. Притомъ же народъ этотъ чрезвычайно добродушнѣй; какъ замѣчаетъ небезъ юмора Кастренъ, даже въ сильномъ опьяненіи Остаки самымъ добродушнымъ образомъ таскаютъ другъ друга за волосы, по далѣе этого неѣдутъ. Эта черта, какъ я говорилъ уже выше, доказываетъ доброе сердце. И действительно все наблюдатели единогласно утверждаютъ, что Остаки и Самоѣды одарены очень хорошими качествами. Наиболѣе выдающіеся изъ нихъ: честность, миролюбіе и гостепріимство. Кастренъ справедливо говоритъ: „въ нравственномъ отношеніи все Остакское племя отличается честностью и правдивостью, чрезвычайной услужливостью, благодушіемъ и человѣколюбіемъ.“ Подобное же мнѣніе о Самоѣдахъ высказываетъ священникъ въ Обдорскѣ; Кастренъ изъ собственного опыта также указываетъ на многія прекрасныя черты этого народа (стр. 176 и 235), и вмѣстѣ съ тѣмъ приводитъ примѣры нѣкоторыхъ безсердечныхъ поступковъ Русскихъ и Зырянъ. У Остаковъ и Самоѣдовъ убійство случается разъ въ 50 лѣтъ—и можно почти сказать, что у нихъ это преступленіе неизвѣстно. Какъ глубоко корениится въ нихъ честность, изъ этомъ уѣдѣлись мы въ тундрѣ. Миддендорфъ разсказываетъ не только обѣ оставленныхъ въ тундрѣ саняхъ и лисьихъ капканахъ, но даже и о бочкѣ водки (стр. 1430). Воруютъ только олѣпей, но эти дѣла рѣдко доходятъ до начальства, такъ какъ въ подобныхъ случаяхъ туземцы удаливаютъ дѣла полюбовно. У нихъ положено за пра-

вило, что воръ за одного олѣпя долженъ отдать двухъ.*^{*)} Вмѣстѣ съ расположениемъ къ благотворительности (Кастр. стр. 230) у нихъ сильно развита любовь къ дѣтямъ. Кастренъ описываетъ много случаевъ усыновленія дѣтей. Гостепріимство также одна изъ отличительныхъ чертъ ихъ характера. Къ сожалѣнію, послѣднее нерѣдко ведетъ къ разворенію, такъ какъ у нихъ принято обычай, что богатый долженъ кормить бѣдняка до тѣхъ поръ, пока у него самого ничего не останется. На эту помощь смотрятъ какъ на нечто обязательное, не заслуживающее даже благодарности. Кастренъ говоритъ, что въ языкѣ Самоѣдовъ не существуетъ слова: „благодарю“, — но дайте Самоѣду глотокъ водки, и онъ пойдетъ за васъ на смерть. Я въ самомъ дѣлѣ начинаю думать, что слово это выдумано плутомъ, съ цѣлью избавиться отъ обязательства дешевой цѣнѣ. Несмотря на множество слѣпцовъ и другихъ нуждающихся въ помощи, мы никогда не видѣли иныхъ.

Миддендорфъ обращаетъ также вниманіе на высокое уваженіе къ старости и на кротость дѣтей. Мы сами никогда не видѣли грубыхъ дракъ между остатцами дѣтей, какъ это бываетъ у насъ, и удивлялись ихъ миролюбію. Постоянно, безъ приказаний, дѣти или они между собою полученные кѣмъ-либо гостицы и никогда не заводили скорь, которая у насъ разрѣшиается родителями: „Кто умнѣе, пусть уступитъ“. Что касается учтивости и хорошаго обращенія, то эти дѣти природы могли бы служить примѣромъ для нашихъ дѣтей, такъ какъ Остаки и Самоѣды гораздо менѣе грубы, чѣмъ мы. Еслибъ эти простые люди, съ именемъ которыхъ образованіи человѣкъ соединяетъ понятіе о грубости, видѣли, что между нами, несмотря на культуру и просвѣщеніе, часто совершаются гнусности и звѣрства людьми „образованными“, а иногда подъ предлогомъ опьяненія пускается въ дѣло ножъ и совершаются насилия, то они по сираведливости могли воскликнуть: „мы, дикие, лучшіе люди!“

Происходить ли эти нравственные поступки „отъ инстинкта или чувства справедливости“, какъ полагаетъ Кастренъ, судьямъ нашимъ было бы это безразлично, такъ какъ они смотрятъ лишь на факты. Если же основываться на послѣднихъ, то окажется грустная истинна, что нравственные качества этихъ дикарей бываютъ

^{)} Шренкъ сообщаетъ фактъ, что Самоѣдъ, обманувшій Русскаго, укравшій у него чутъ во все стадо олѣпей, содержалъ русскихъ сиротъ. Высшая мораль Христіанскаго учения „люби своего ближнаго своего, какъ самого себя“. замѣчается съдѣльственно и у язычниковъ.

тѣмъ ниже, чѣмъ эти дикари ближе соприкасаются съ европейцами. Такъ Кастренъ сообщасть, что обдорскіе Остяки около Обдорска, „живущіе въ полной дикости“, — самые нравственные; тоже подтверждаетъ Миддендорфъ относительно Самоѣдовъ. Если въ этомъ процессѣ ухудшепія нравовъ и испорченности виновны главнымъ образомъ порочныя элементы, идущіе какъ-бы въ авангардѣ цивилизациі, то не стыдно ли, что христіанство не въ состояніи было исправить это вредное вліяніе, несмотря на то, что христіанство принято уже вѣсколькими поколѣніями. Православная миссія удовольствовалась, какъ мнѣ кажется, однимъ крещеніемъ и постройкой церкви; о школахъ же вовсе не позаботилась. Въ этомъ можно убѣдиться изъ исторического описания Шренка (стр. 242—245) миссіи въ большевемельскихъ тундрахъ. Она была основана подъ руководствомъ архимандрита Венiamина въ 1822 году и обратила въ христіанство почти всѣхъ западныхъ Самоѣдовъ къ 1830 году; только отъ 500 до 600 человѣкъ уклонились отъ крещенія и частію скрылись за Уралъ. Это произошло не вслѣдствіе насильственныхъ мѣръ со стороны миссіи, но потому что разрушеніе жертвенныхъ мѣстъ привело въ ужасъ туземцевъ. Такъ, въ 1826 году была уничтожена священная роща на Мезени, а два года спустя знаменитое жертвепное мѣсто на идолъскомъ мысу на Вайгачѣ, причемъ были сожжены сотни идолонъ, находившихся тутъ съ 1666 года. На средней Оби стали обращать Остяковъ и Вогуловъ въ 1712 году; у Обдорска въ 1727. Въ послѣдній въ настоящее время находится мѣсто пребываніе миссіи, на всю обширную область Тобольской губерніи состоящей изъ одного монаха миссіонера, который посвящаетъ лѣтомъ всѣ рыболовныя мѣста до самого Надымъ, и не разъ проникаетъ даже дор. Тазъ. Этотъ миссіонеръ старается действовать только увѣщающими, — посвящаетъ тумы, рассказываетъ о Богѣ и Христѣ и убѣждаетъ инородцевъ креститься. Нежелающіе этого обыкновенно спѣшатъ покинуть чумъ, такъ какъ вообще все инородцы боятся миссіонеровъ и крещенія. Миддендорфъ приводить нѣсколько примѣровъ притесненій и вымогательствъ со стороны духовныхъ лицъ, что бросаетъ сильную тѣнь на миссію. Въ Обдорскомъ округѣ врядъ ли это случалось. Во время ярмарки, въ Обдорскѣ собирается много туземцевъ и миссія становится тогда особенно дѣятельной. приглашаютъ туземцевъ въ домъ миссіи и стараются уговорить креститься. Такъ какъ ихъ угощаютъ чаемъ, то, по всемуѣроятію, нерѣдко случается, что многие изъ любезности изъявляютъ готовность къ кре-

щенію и что между ними бываетъ много охотниковъ креститься вторично. Свѣдѣнія, сообщенные мнѣ исаломицкомъ Обдорской церкви, яспо показываютъ, что о святости и дѣли крещенія туземцы имѣютъ или самое поверхностное понятіе или вовсе никакого. Кто видѣлъ, впрочемъ, въ высшей степени плохое состояніе миссіонерской школы въ Обдорскѣ, въ которой учится 8 человѣкъ остяцкихъ дѣтей, тотъ не станетъ удивляться, а пайдеть естественнымъ, что для туземцевъ все христіанство заключается въ крестѣ. Кто носить на шее крестъ и умѣеть сотворить крестное знаменіе, тотъ и христіанинъ,—болѣе ему ничего и не нужно!

Незнаніе сущности христіанской религіи, разумѣется, полное, и виноваты въ томъ не туземцы. Постѣ этого неудивительно, что туземцы Томской губерніи, обращенные въ христіанство болѣе ста лѣтъ тому назадъ, и понынѣ тайкомъ совершаютъ идолослуженіе и болѣе вѣрять своимъ шаманамъ, чѣмъ священникамъ (Кастр. стр. 168, 171). Нашъ Александръ Зыковъ, родившійся уже отъ обращенныхъ въ христіанство Остяковъ, знаетъ о Христѣ лишь то, что образъ его виситъ въ Обдорской церкви и что Спаситель жилъ должно быть „гдѣ-то по близости Обдорска“, о Дѣвѣ же Маріи ничего не слыхалъ, а изъ снятыхъ знать лишь одного, высокочтимаго въ православной церкви, Николая Чудотворца, котораго Самоѣды называютъ „Миколай“, что напоминаетъ венгерскаго „Макло“. На сїверѣ дѣло обращенія во многихъ отношеніяхъ встрѣчаетъ болѣе трудностей, чѣмъ гдѣ-либо въ другихъ мѣстахъ, въ особенности по причинѣ кочевой жизни туземцевъ. Къ тому же сами постановленія православной церкви представляютъ непреодолимыя препятствія: напримѣръ, они воспрещаютъ мясную пищу; но возможно ли обитателямъ тундры держать строгій постъ? (до 200 дней въ году!); потомъ пугасть ихъ запрещеніе многоженства....

При такихъ возврѣшіяхъ неудивительно, что лишь немногіе принимаютъ христіанство. Такъ однимъ миссіонеромъ въ 1875 году обращено 52 человѣка, между тѣмъ какъ, по статистическимъ даннымъ, въ Томской губерніи еще 29000 язычниковъ, а въ Тобольской 9000.

Такъ какъ честность тѣсно связана съ любовью къ правдѣ, то туземцамъ незнакомо клятвопреступленіе. Клятва, произведенная надъ медвѣжьей лапой или кускомъ шкуры въ рукахъ, на которой туземецъ дѣлаетъ надѣль, говоря: „пусть меня медвѣдь сѣсть, если я поклялся въ неправдѣ“, имѣетъ полное значеніе, даже на

судѣ. Поляковъ сообщаетъ (стр. 52) прелестную легенду, на основаніи которой Остяки считаютъ медвѣда, сына Туroma (по остицки Очпе, Самоѣд. Хайбидѣ), создателя вселенной, за божественнаго представителя справедливости на землѣ.

Какъ бы то ни было, но любовь туземцевъ къ истинѣ уже значительно пострадала и поколебалась. Причиной того былъ опытъ, приобрѣтенный въ сношеніяхъ съ чужеземцами, вторгшимися въ ихъ страну. Видя, что ихъ постоянно надуваютъ, и они стали прибѣгать ко лжи въ тѣхъ случаяхъ, когда имъ выгодно скрыть выручку отъ охоты или запасть мѣховъ. Но истинности, какъ описывается Альбинъ Копъ, основываясь на одномъ эпизодѣ, когда обманутый Остякъ былъ до того раздраженъ, что покусился на убийство, такой истинности они не знаютъ; иначе убийства не были бы у нихъ рѣдкостью. Вообще я имѣю основаніе полагать, что разсказанный эпизодъ ничто иное какъ выдумка, потому что такой важный случай, произшедший 12 лѣтъ тому назадъ, былъ бы намъ неминуемо сообщенъ. Во всякомъ случаѣ туземцы умѣютъ платить довѣріемъ за довѣріе; въ этомъ мы убѣдились достаточно. Когда подтвердились наши уѣренія, что мы не кути, не миссионеры и не чиновники, отъ которыхъ они не безъ основанія ожидали обмана, крещенія или пониженія податей, когда они увидѣли, что мы не ожидаемъ отъ нихъ никакихъ подарковъ, а за все платимъ, тогда подозрительность ихъ исчезла, и мы не имѣли ни малѣйшаго повода на нихъ жаловаться.— Притѣсненія со стороны европейцевъ замѣнили также характеръ туземцевъ, сообщили имъ скрытность, вадумчивость, вилость и безучастность, которая легко привѣтствуетъ тупоуміе и которая часто объясняютъ ихъ тяжелымъ образомъ жизни. При болѣе же близкихъ сношеніяхъ съ туземцами замѣчашь, что они, напротивъ, веселаго нрава. Даже во время труднаго странствованія по тундрѣ, наши Остяки безпрестанно напѣвали монотонныя пѣсни и наши гребцы часто весело шутили и смеялись между собою. Только раза два выходили между ними скоры, но никогда дѣло не доходило до драки. Впрочемъ, я замѣтилъ, что Остяки говорятъ гораздо тише, чѣмъ Лапландцы. О неистощимой веселости нашего Гайваса я уже упоминалъ. Вообще Самоѣды кажутся живѣе и именно расторопнѣе Остяковъ. Очевидная при первой встрѣчѣ, робость, страхъ и застѣвчивость исчезаютъ при продолжительной совместной жизни и происходятъ вовсе не отъ труесоти. Хотя туземцы не героя въ томъ смыслѣ, какъ мы это понимаемъ, но имъ присуще мужество,

такъ какъ безъ него мудрено было бы вести войну съ царемъ вѣнчанихъ лѣсовъ—медвѣдемъ. Съ такимъ плохимъ оружіемъ, какъ у нихъ, пожалуй отступилъ бы и Нимвродъ.

Что люди, обладающіе такими хорошими качествами, не лишены умственныхъ способностей, это само собою разумѣется. Но сужденіе о нихъ, составленное по одностороннимъ, стариппымъ источникамъ, изъ которыхъ брали то, что казалось почудище и интереснѣе, весьма неопределенно и фальшиво, тѣмъ не менѣе распространено до сего времени. Если первые русскіе, пришедшіе въ соприкосновеніе съ Самоѣдами, гнали ими за то, что они йдуть сырое мясо, то неудивительно, что *Jsbrants Jdes* принялъ ихъ за людоѣдовъ. Замѣчаніе Вирхова объ одномъ черепѣ: „образованіе челюсти напоминаетъ шимпанзе“, безъ сомнѣнія, не заставитъ позднѣйшихъ писателей назвасти Остяковъ и Самоѣдовъ въ умственномъ отношеніи на степень развитія обезьяны. Подобными заключеніями древнихъ авторитетовъ охотно пользуются пѣкоторые популярные писатели, чтобы придать болѣе реальса субъективнымъ возвѣщеніямъ. Подобной-то субъективности, линченной опыта, мы обязаны сужденіемъ, что Остякъ стоитъ на самой низшей степени развитія. Если нельзя отрицать того, что туземцы до сихъ поръ не дѣлали никакихъ попытокъ, чтобы улучшить свое положеніе и достичнуть высшей степени образованія, то при болѣе вѣрномъ обсужденіи всѣхъ обстоятельствъ, этого невозможно и ожидать. Климатическая и физическая особенности страны полагаютъ неопредолимыя границы стяжалію, а при извѣстной бѣдности крупныхъ предприятій недоступны туземцамъ. Такимъ образомъ оказывается, что чисто практическія причины лишаютъ туземцевъ образованности цивилизованныхъ пацій.

Жизнь Остяка не требуетъ высшаго образованія, и его умственнаго развитія достаточно для требованій, предъявляемыхъ ему жизнью. По его мнѣнію, достаточно того, что онъ знаетъ, что главное событие, рожденіе оленей, начинается въ апрѣль, а потому онъ не заботится о другихъ мѣсяцахъ и дняхъ. Шренкъ говоритъ однако, что Самоѣды знаютъ не только мѣсяцы и дни, по время дня, страны сїста и даже важнѣйшія созвѣздія, что при постоянной жизни подъ открытымъ небомъ, вполнѣ естественно. Остяки также хороши наблюдатели природы и при своихъ странствованіяхъ руководятся звѣздами. Главный ихъ путеводитель, какъ рассказывала мнѣ Йорка Мамруль, полярная звѣзда. Созвѣздіе Большой Медвѣдицы называютъ они именемъ наиболѣйшаго животнаго своихъ лѣсовъ: „лося“. Сѣверное сїяніе, для котораго Шренкъ не

приводить самоѣдского названія, Остяки называютъ „соринтуть“, т. е. „божій огонь“. Они знаютъ его, и при появленіи его слышать иногда слабый шумъ, похожій на легкій вѣтерокъ, но этотъ шумъ не имѣть ничего общаго съ тѣмъ трескомъ, который описываетъ Сидоровъ. За этими сѣверными сіяпіями слѣдуетъ обыкновенно перемѣна погоды. Ковалевскій же, проведшій цѣлую зиму въ Обдорскѣ, нечего не упоминаетъ о шумѣ, хотя наблюдалъ многочисленныя сѣверныя сіянія.

Кастренъ чисто изъ практическихъ причинъ возставть противъ навязыванія туземцамъ образованія, которое они лишь въ рѣдкихъ случаяхъ могутъ примиѳнить къ дѣлу. Какъ справедливо замѣтила Кастрену депутація Остяковъ, что ученые люди умрутъ съ голода въ тундрѣ, такъ точно и мнѣ Іорка Мамрунъ заявлялъ, что онъ, по той же самой причинѣ, не учитъ сыновей своихъ не читать, ни писать, несмотря на то, что очень хорошо понималъ для чего я соѣтовалъ ему и то и другое. Но онъ лучше зналъ, что нужно для тундры и для жизни Остяка, и уѣрять, что, не умѣя читать ни писать, онъ будетъ также вѣренъ великому царю, и что дѣтей своихъ воспитаетъ въ томъ же духѣ. Что могъ я возразить на это?

Что у Остяковъ и Самоѣдовъ существуетъ своя поэзія, мы знаемъ отъ Кастрена (стр. 174—184) и Шренка, который въ отрывкѣ „Народныя пѣсни и сказки Самоѣдовъ“ (стр. 332—336) приводить ирелестную пѣсню о цвѣтахъ. Въ этомъ отношениіи Самоѣды изобрѣтательнѣе Остяковъ; отъ послѣднихъ мнѣ вѣдалось упомянуть ни одной сказки, но Поляковъ сообщилъ мнѣ одну (стр. 54), „сочинительницу“ которой даже пользуется известностью. И у Остяковъ стало быть также есть свіе чулки! Не имѣется недостатка и въ инструментахъ для аккомпанемента народныхъ пѣсенъ. Видѣя мы Давидову арфу, которую Остяки называютъ „хотапгъ“, т. е. лебедь, по Палласу „дерновой“. Это плоскій ящикъ съ резонансомъ, передняя часть которого выгнута на подобіе шеи лебедя; на немъ, посредствомъ деревянныхъ колышковъ, навязаны проволоки. Лебедь бываетъ иногда съ разными украшениями, и конецъ арфы въ видѣ птичьеї головы есть продуктъ художественнаго мастерства Остяковъ, который стоилъ бы немалого труда нашимъ деревенскимъ художникамъ. Тувемцы умѣютъ отлично kleить и облицовывать лучшимъ для этой цѣли материаломъ—рыбьимъ kleemъ. Еще болѣе искусства требуетъ длинная цитра, по описанию „нарежухъ“ („домбра“, по Палласу, стр. 66)—плоскій ящикъ, длиною отъ 3—до 4-хъ футовъ, шириной отъ 8 до

10 дюймовъ, резонансъ котораго, какъ у „лебедя“, усиливается посредствомъ вложенной туда стеклянной или металлической пластики. Черезъ перекладину, на колышки, сдѣланыя изъ клиновидныхъ костей утки, натянуто 5 струнъ, приготовленныхъ изъ кишокъ. На обояхъ инструментахъ играютъ пальцами, и они издаютъ очень гармоничные звуки. Третій инструментъ гораздо проще: это пѣчто въ родѣ скрипки; онъ похожъ на русскую балалайку и, по всему вѣроятію, она служила для него образцомъ. На немъ только три струны и играются на нихъ волосатымъ смычкомъ—обыкновенно жепицыны, отчего и произошло его название: „ніз-нарежухъ“, т. е. женская скрипка.

Еще слѣдуетъ упомянуть о пляскахъ туземцевъ. Кроме этихъ инструментовъ, я привезъ еще съ собою дѣль игры, которые показываютъ, что свободное отъ работы время Остяки не всегда проводятъ въ дремотѣ, по занимаются иногда играми, требующими размышленія и извѣстнаго умственнаго напряженія. Сюда принадлежать—извѣтно въ родѣ игры въ городки, по описанию „Хутьюхъ-мудра, т. е. сложенный изъ чурокъ кубъ, какіе встрѣчаются у насъ въ игрушечныхъ лавкахъ,—и игра „въ пять лошадокъ“, (по описанию: Вусть-лаудніба юхъ). Послѣдняя заключается въ томъ, чтобы дѣль четырехъугольныхъ, продырвленныхъ деревянныхъ дощечки, напианныхъ на пихту и разделенныхъ между собою узломъ, сдвинуть на одну сторону, не развязавъ узла. Если правда, что въ эту игру богаты Остяки назначаютъ ставкой до 5 лошадей (?), то я, въ случаѣ пари, проигралъ бы, такъ какъ, къ великому удовольствію туземцевъ, не могъ продѣлать этого фокуса. Обѣ игры кажутся запечены сюда изъ другихъ мѣстъ, также какъ въ игра въ шашки (Шренкъ стр. 410). Хотя богато одаренные индивидуумы составляютъ исключения, но тѣмъ не менѣе мнѣ приходилось встречать Остяковъ, которыхъ и у насъ называли бы „умными людьми“. Въ особенности могу указать па Іорку Мамрупа, который былъ смѣливъ и уменъ, какъ немногіе изъ нашихъ поселянъ. Онъ сейчасъ понялъ цѣль нашего путешествія, и ему обязаны мы лучшими свѣдѣніями о его племени. Я такъ много распрашивалъ Русскихъ и слышала отъ нихъ такъ много басенъ, которые, при болѣе серьезныхъ разслѣдованіяхъ, оказывались основаниемъ на пустыхъ слухахъ, что мнѣ стало ясно, почему путешественники сообщаютъ такъ много ложныхъ свѣдѣній. Даже Зуевъ, очевидно, многое почерпалъ изъ этихъ ненадежныхъ источниковъ. А потому я былъ очень радъ возможності распросить человека, который могъ дать наилучшія свѣ-

дѣнія о своемъ пародѣ и сообщаю ихъ охотно, хотя двойной переводъ представлялъ значительныя затрудненія, требовалъ большого терпѣнія и оставлялъ нѣкоторыя вещи не совсѣмъ ясными.

Какъ внутренняя жизнь этихъ дѣтей природы, вслѣдствіе односторонняго и субъективнаго сужденія, повела къ ошибочнымъ заключеніямъ, также точно это относилось и къ его вѣшнему образу жизни. Каждый вновь прибывающій въ страну, всегда склонный проводить сравненія, которая въ большинствѣ случаевъ будутъ пе въ пользу туземцевъ, долженъ бы поступать по примѣру знаменитаго наблюдателя—Миддендорфа, который настоятельно соѣтуетъ, прежде чѣмъ все порицать и только порицать, хоромъ ознакомиться со всѣми условіями жизни народа.

Какъ западно-европеецъ, увидавъ первый тарантасъ, считаетъ его за самаго неуклюжаго и нискаго представителя экипажнаго мастерства, но при дальнѣйшемъ же знакомствѣ съ нимъ, привыкаетъ его практическимъ и научается цѣнить его.—также точно судить онъ о разной утвари и ручныхъ издѣліяхъ туземцевъ. Оленьи санки, вызывающія спачала сострадательную улыбку, оказываются на опыте въ своемъ родѣ безподобными произведеніемъ. Тоже самое можно сказать о 24 футовомъ челнокѣ, состоящемъ изъ одного выдолбленного ствола, къ которому съ обѣихъ сторонъ, посредствомъ корневыхъ мочекъ, привѣшены борты. Цели заливаются смолой, а для обмазки служить глава, смѣшанная съ рыбнимъ жиромъ. Превосходныя, необычайно легкія весла, лыжи, орудія и т. д. по чистотѣ отѣвки не оставляютъ желать ничего лучшаго и пристыдливи бы многихъ изъ нашихъ ремесленниковъ. Даже чумъ (по ост.—хорнотъ, сам. Мѣ), покрытый то берестой (лупгъ-хорнотъ), то шкурами (талъ-хорнотъ) представляется въ своемъ родѣ совершенное жилище и во многихъ отношеніяхъ превосходитъ грубыя бревенчатыя избутки русскихъ рыбаковъ, которые даже не всегда даютъ себѣ трудъ сдѣлать нецроиающую для дожда крышу, хотя у нихъ нѣтъ недостатка въ матеріалахъ и вспомогательныхъ орудіяхъ. Во всякомъ случаѣ бревенчатые и досчатые дома туземцевъ, часто очень красивыя, превосходятъ русскіе. Что Остяки и Самоѣды не такъ тупоумны и простоваты, какъ кажется, о томъ свидѣтельствуютъ разныя устраиваемыя ими ловушки. О прекрасныхъ рыбныхъ садкахъ я уже упоминалъ, также о прочныхъ канатахъ изъ корней, приготовленію которыхъ, т. е. канитовъ, русскіе научились у Остяковъ. Кромѣ того, они умѣютъ дѣлать изъ травъ прочныя веревки, которыми связываютъ столбы рыболовныхъ забоскъ. Национальныя

рыболовныя сѣти Остяковъ, „холтимопъ“ (Калданъ, Колыданъ), которыя они главнымъ образомъ употребляютъ, врядъ ли могли бы быть замѣнены чѣмъ нибудь лучшимъ, а между тѣмъ устройство ихъ очень просто. Къ двусаженной перекладинѣ, посрединѣ которой привязанъ, въ видѣ грузила, камень, прикрѣпляется мѣшкообразная сѣть, отверстіе которой держится открытымъ при помощи двухъ тонкихъ бичевокъ. Послѣднія тотчасъ-же даютъ знать, когда рыба войдетъ въ сѣть.

Хотя у Остяковъ и Самоѣдовъ огнестрѣльное оружіе все болѣе и болѣе входитъ въ употребленіе, но все-таки оно еще до сихъ поръ не вытѣшило лука и стрѣль. Причиной тому—частію дороживаша цѣнью огнестрѣльнаго оружія, частію то, что, за исключеніемъ крупной дичи (оси, олена, медведя) лукъ и стрѣлы гораздо практичнѣе ружья. Это станетъ ясно всякому, при видѣ охоты ва бѣлками. Тысячи бѣличихъ шкурокъ, занимающихъ первое мѣсто въ сибирской мяквой торговлѣ, большей частью добыты лукомъ и стрѣлами. Этотъ способъ добыванія имѣетъ два преимущества: во 1-хъ, дешевизну оружія собственной фабрикаціи; во 2-хъ, по пугасть выстрѣлами лѣсныхъ жителей, и стрѣла, оканчивающаяся тупымъ наконечникомъ, доставляетъ добычу неизврежденной. Какъ я уже замѣтилъ выше, Остяки не особенные мастера стрѣлять изъ лука, что Шренкъ подтверждаетъ и относительно Самоѣдовъ (стр. 316). Различные ловушки для бѣлокъ, горностая, соболя, лисицы и т. д., и между ними наиболѣе замысловатый самострѣль, предающій хитрую лисицу въ руки еще болѣе хитраго Остяка, показываютъ не только тонкое знаніе правилъ дикихъ звѣрей, но также обнаруживаютъ глубокое соображеніе ихъ изобрѣтателя и мастера. Немало труда стоило намъ установить такія ловушки и немало забавлялись туземцы надъ нашей пеловостью.

Какъ ни искусны Самоѣды и особено Остяки въ деревянныхъ издѣліяхъ (на верхней Оби вся домашняя утварь русскихъ изготавлена Остяками), но никогда не видалъ я ихъ занимающимися кузнечнымъ мастерствомъ. Кастренъ (стр. 193) увѣряетъ, что они сами куютъ наконечники стрѣль и необходимые для ремесленника желѣзныя инструменты. Это относится къ Остякамъ, живущимъ по среднему течению Оби; живущіе же по нижнему течению кузнечнаго дѣла не знаютъ. Поляковъ полагаетъ, что Остяки умѣли обрабатывать желѣзо еще до прибытія Русскихъ. Глиняная посуда встрѣчается у туземцевъ очень рѣдко, и, какъ я убѣдился на опыте, дѣлать ее они не умѣютъ, причиной чему

сама тундра. Только однажды, на обратномъ пути изъ Нодары, возлѣ уединенного тундрианого озера, нашелъ я черепки настоящаго горшка, которые профессоръ Вирховъ написалъ достойными спасія съ нихъ сдѣлковъ. Поляковъ добылъ несомнѣнныи доказательства того, что въ прежнее время Остяки умѣли обрабатывать глину. Но „глиняныхъ идоловъ“, о которыхъ упоминаетъ Конъ, нигдѣ не встрѣчается.

Кто увидалъ бы грубо сдѣланыхъ творомъ идоловъ, тѣль не поверилъ бы, что Остяки и Самоѣды умѣютъ давать истинно художественныи проповѣденія. Костыльки и украшенія для оленьей упряжи, изготавляемые изъ вожныхъ костей, сдѣланы не только чисто и аккуратно, но иногда изящно и съ большемъ вкусомъ. Въ обработкѣ слоновой кости обитатели Оби стоятъ ниже обитателей Енисея, именно Долгановъ и Якутовъ, и мы никогда не приводилось видѣть прекрасныхъ трубокъ изъ мамонтовой kosti, какія изображены у Миддендорфа (стр. 1452). Но другія превосходныи мною вещи свидѣтельствуютъ о прилежаніи и терпѣніи, и заслуживають названія художественныхъ проповѣдей, особенно, если припять во вниманіе, какими несовершенными инструментами были сдѣланы. Сюда принадлежатъ напр. кусокъ оленьего рога, выдѣланный изъ цѣлаго, ваключающій въ себѣ вертиційка колышекъ, въ высшей степени практичный и удобный для привязыванія собакъ и лисицъ; также вырѣзанная изъ куска дерева цѣнь, изъ пяти звеньевъ, на которую вѣшаютъ колыбель (по остыаки Лейди-юхъ). Женскія весла (по остыаки—Ніє-лонъ), съ продѣланымъ вверху отверстиемъ, въ которое вкладывается ишкеречный колышекъ, гремающій при греблѣ, могутъ служить доказательствомъ того, что Остякъ умѣетъ также приносить жертвы своимъ возлюбленнымъ. На этихъ веслахъ никогда начерченъ крестъ, что также встрѣчается въ видѣ украшенія на берестяныхъ буракахъ (ост. Сопъ, для воды—Йингель), и форма его не заимствована отъ русскихъ. Вообще, по тщательномъ сравненіи русскихъ орнаментныхъ украшеній, я убѣдился въ томъ, что прекрасные рисунки туземцевъ принадлежать имъ самимъ. Рисунки эти по преимуществу изображаются на берестяной посудѣ или на вышивкахъ, вообще на женскихъ работахъ. О красотѣ и художественности этихъ работъ, которымъ удивляется и Миддендорфъ (стр. 1423), я уже упоминалъ выше, говорилъ также о бодрости и трудолюбіи остыакихъ и самоѣдскихъ женщинъ, которая во многихъ отношеніяхъ обладаютъ большою ловкостью. Ихъ превосходный способъ выдѣлки кожи, съ помощью мозга и яичного желтка, приво-

денъ въ Политехническомъ журналь Динглера въ качествѣ новаго изобрѣтенія; ихъ цыновки, сплетенные изъ жесткой травы (ост. Пецланъ), иногда представляющія черные рисунки, получаемые посредствомъ кипяченія въ ивой корѣ,—всѣ эти замѣчательныи работы принадлежать Остякамъ.

Что касается положенія остыакихъ и самоѣдскихъ женщинъ, то, конечно, нельзя отрицать, что положеніе это подчиненное и что, какъ у всѣхъ первобытныхъ народовъ, женщина наиболѣе обременена работой. Тѣмъ не менѣе *) описанія, подобныя описаніямъ Кострова, изображаютъ положеніе это въ черезъ-чуръ черномъ цветѣ и вводятъ въ заблужденіе.

„Грязная, заваленная работой женщина, которая ведетъ рабскую жизнь, за что ее презираютъ, блютъ, убиваютъ (по словамъ Кастрепа, Остякъ забиваетъ жену до смерти, Самоѣдъ свою даже съѣдастъ), должна работать какъ лошадь; добродѣтельна ли она или порочна—все равно, съ нею обращаются одинаково. На ея рукахъ весь домъ, и все ся засуга и главная обязанность состоять въ попеченіяхъ о потомства.“

Что касается „побоевъ до смерти и съѣденія“, то статистика убийствъ совершенно опровергаетъ это, и всѣ эти обвиненія ничто иное, какъ клевета на нравственность и характеръ цѣлаго племени, клевета, основанная на случай, разсказанномъ Кастрепомъ (стр. 238), въ которомъ дѣло идетъ о поступкѣ сумасшедшаго. Другой случай, также сообщаемый Кастрепомъ (стр. 56, а не Палласомъ), ниѣль иѣсто у обрусѣвшихъ, что грубыхъ Остяковъ—на Иртышѣ и составляетъ исключение, такъ-же какъ упоминаемый Поляковымъ **) примѣръ изъ жизни обдорскихъ Остяковъ. Совершенно несправедливо обращать исключение въ общее правило, даже если Кастрепъ (стр. 66) и справедливо говорить о дурномъ обращеніи съ Остяками на Иртышѣ. По моимъ наблюденіямъ, подтвержденнымъ Миддендорфомъ (стр. 1460), остыакія и самоѣдскія женщины поестественному течению Оби не подвергаются дурному обращенію, а что они въ домашнихъ и семейныхъ дѣлахъ имѣютъ даже голосъ, это доказали намъ жена Зыкова и мадамъ Занда. Мне гораздѣ видѣть я женщины, обѣдавшихъ имѣеть съ мушкінами и присутствовавшихъ на представленияхъ шамановъ. Жена

*) „Женщина у племенъ Томской губерніи.“ Воскресный листокъ Петербургской газеты 1876 года, № 86.

**) Поляковъ замѣчаетъ однако, что приведенный примѣръ не составляетъ исключения“.

Мамруна сопровождала его въ гости. Миддендорфъ сообщаетъ подобные примѣры между Самоѣдами (стр. 1446). Правда, что въ пѣкоторомъ отношеніи женщина считается нечистой (Шренкъ стр. 474, Мидденд. стр. 1463), и относительно ея имѣется много предразсудковъ. По словамъ Шренка и Миддендорфа, женщины не могутъ участвовать на пѣкоторыхъ религіозныхъ торжествахъ, и считается дурнымъ преднаменованіемъ, если женщина пересѣкла сѣды санѣй, и т. д. Но и у насъ во многихъ вещахъ мужчины составляютъ исключение, и наши охотники при выходѣ на охоту считаютъ встрѣчу старой женщины нехорошою примѣтой. Послѣ этого нечего и сравнивать сувѣріе сибирскаго крестьянина съ сувѣріемъ Остяковъ.

Что женщина не считается вообще нечистымъ существомъ, какъ это говорить Зуевъ (стр. 71), видно уже изъ того, что она является действующимъ лицомъ въ мифологии Остяковъ и Самоѣдовъ, изъ того, что ее коронять съ почетомъ, что она участвуетъ при служении шамана и въ религіозныхъ торжествахъ, противно мнѣнію Кастрена и Бовальского (стр. XXVIII). Что же касается обремененія ее работой, то и это не совсѣмъ справедливо; напротивъ, трудъ у нихъ распределенъ довольно равномерно между обоими полами, и мужчинамъ вовсе не приходится тунеядствовать, подобно нашимъ предкамъ. Кто знаетъ положеніе нашихъ низшихъ сословій и кто видѣлъ, какъ мучатся наши женщины въ бѣдныхъ мѣстностяхъ, того нисколько не удивитъ трудъ жительницъ Оби. И, конечно, въ обоихъ случаяхъ невозможно сравнивать этихъ труженицъ съ свѣтскими дамами, играющими на фортепіано, читающими романы и занимающимися нарядами. Остякъ, такъ-же какъ Самоѣдъ, имѣетъ одну жену, которая служить ему какъ для работы, такъ и для рожденія дѣтей. Въ томъ и другонъ случаѣ она составляетъ для него настоящее сокровище, увеличивающее его благосостояніе. Мы видѣли, какъ мужъ и жена нѣжно целовали другъ друга, правда, будучиinemожно павеселъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ они бы стѣснялись обнаруживать при пась свои чувства. Вообще эти люди чрезвычайно стыдливы, особенно женщины. Мы никогда не видали, чтобы мужчины позволили себѣ что-либо неестественнѣе или какую-нибудь двусмысленную вольность.

Домашняя жизнь и внутренняя обстановка дома или чума, хотя и бѣдна, однако въ общемъ мы нашли ее лучшею, чѣмъ ожидали по описаниямъ путешественниковъ. Зуевъ описываетъ Остяковъ настолько нечестолюбивыми, что они будто никогда не моются;

Конъ (стр. 33) идетъ еще дальше Зуева, а Поляковъ (стр. 49) утверждаетъ, что Остяка слышно издали по певческому зловонію! Такое мнѣніе мнѣ кажется черезъ-чуръ преувеличеннымъ и основаннымъ па исключеніяхъ. Хотя нельзя отрицать, что въ рыболовныхъ мѣстностяхъ, именно передъ окончаніемъ промысловъ, находитъ не особенно аппетитно, но это зловоніе происходитъ отъ извѣстныхъ обстоятельствъ. Что деревянныя избы, такъ-же какъ и чумы Остяковъ, имѣютъ приличный, чистый видъ, я упоминалъ не разъ. Самый образъ жизни предохраняетъ отъ скопленія нечистоты, такъ какъ лѣтомъ рыбный промыселъ приводить въ безпрестанное соприкосновеніе съ водой, что зимою можетъ быть уже весьма рѣдко. Но противъ сибирскаго холода грязь служить самой лучшою защитою и этого нельзя не принять во вниманіе.

Что чувствительное обоняїе испрѣятъ поражается присутствіемъ Остяка, это весьма возможно, но запахъ этотъ впитывается въ одежду, подобно сажѣ въ одѣждѣ трубочиста. Мѣховое платье, къ сожалѣнію, стирать *) нельзя, а потому въ немъ разводится множество паѣкомыхъ, которыми прародители наши были такъ-же богаты, какъ Остяки и Самоѣды, и которые перевелись, или по крайней уменьшились, вслѣдствіе „стирики“. Очень практическіе противъ этихъ мучителей выдѣланные изъ выгнутаго оленѣаго рога скребки для спины (см. рисунокъ у Миддендорфа на стр. 1462). Надо однако сознаться, что въ дѣло пускались иногда и зубы, но это подражаніе обезьянамъ можно извинить недостаткомъ орудій истребленія.

Способъ питания такъ-же простъ, какъ и домашняя обстановка. Кроме рыбы, различные способы приготовленія и сушки которой подробно описываетъ Зуевъ (Пал. стр. 47), главной пищей служить имъ оленье мясо и различная дичь. Нѣкоторые виды животныхъ, въ извѣстныхъ мѣстностяхъ, считаются нечистыми, напр. гагара (Миддендорфъ, стр. 1463). Лакомымъ кусочкомъ, по словамъ Полякова, считается желудокъ бѣлки, наполненный кедровыми орѣхами и, вѣроятно, совершенно основательно. Печень хлѣбъ составляетъ необходимую пищу Остяковъ и Самоѣдовъ; ёдять его, какъ рассказываетъ Поляковъ, съ рыбьей икрой и кровью. Овощи, за исключеніемъ разныхъ ягодъ, которыхъ ёдятъ съ жиромъ, играютъ очень незначительную роль въ ихъ хозяйствѣ. Женщины, какъ лакомство, жуютъ березовую смолу. Если

*) Зуевъ разсказываетъ впрочемъ, что Остяки ёдятъ мыло, но я обѣ этомъ ничего не узналъ и почти не имѣлъ его въ употребленіи.

туземцы не съють хлѣба, то это происходит чисто отъ климатическихъ условий *), а потому Конъ совершенно неосновательно ставить имъ это въ укоръ; онъ долженъ бы знать, что и русские на Печорѣ покупаютъ хлѣбъ въ болѣе южныхъ мѣстностяхъ.

„Питье Остяка—водка“, говорить Поляковъ (стр. 49), по забывашь прибавить: „въ торжественныхъ случаяхъ“; въ обыкновенное же время Остякъ довольствуется водою. Насколько Остяки и Самоѣды любятъ табакъ, и уже упоминаютъ: они такие же страшные курильщики, какъ и нюхальщики. Ими самими растиранные листья пюхательного табаку они смѣшиваютъ съ золой березового трута. Нерѣдко приводилось мнѣ видѣть, какъ они, взявъ здоровую порцію табаку изъ своего табачного рожка, кладутъ его въ ротъ и жевали. По словамъ Полякова, они также примѣшиваютъ пюхательный табакъ въ водку, чтобы придать ей еще болѣе опьяняющія свойства. Высшая степень опьяненія известна у нихъ подъ названіемъ „Корейта-унда“.

Для выскаканія огня употребляютъ они обыкновенно сталь и кремень, а также провосходный трутъ (ост. Занъ), собираемый ими съ березы.

Главные промыслы этихъ народовъ мы уже знаемъ,—они заключаются въ рыболовствѣ. Рыболовствомъ занимаются преимущественно Остяки, живущіе на Оби, между тѣмъ какъ Самоѣды занимаются болѣе оленеводствомъ. Впрочемъ, никто не занимается исключительно однимъ промысломъ: каждый рыболовъ, смотря по времени года, разставляетъ западни, разводитъ оленей, по крайней мѣрѣ насколько позволяетъ тундра, такъ какъ безъ послѣднихъ онъ обойтись не можетъ. Относительно рыболовства, я уже сказалъ все главное. Что касается охоты, то мы, благодаря времени года, видѣли собственными глазами только спарады **), очень разнообразные. Мы слышали, между прочимъ, что Остяки самые предпримчивые и неутомимые охотники въ лѣсныхъ мѣстно-

*) По Шренку (стр. 28—32), полезъ ишеницы въ Европейской Россіи арострается до $62\frac{2}{3}\%$, полевого горюча до 68%, овса до $63\frac{1}{2}\%$. На Маленѣ сѣять рожь и ячмень между $65\frac{1}{2}$ —66%, но они не каждый годъ вспахиваются. Гофманъ (стр. 164—197) при Усть-Устѣ видѣлъ у Самоѣдовъ рожь и ячмень воставленія подъ 66%; въ хорошихъ годахъ они давали урожай отъ сажнъ-7, до сажнъ-10, но верно было малому чисто и неко. На западной сторонѣ Урала, какъ мы видѣли, условия еще неблагоприятнѣе въ Западную ошибочно указываетъ на посѣщеніе рожь и ячменя до синаго Вересова.

**) У Гофмана есть рисунки большої части употребляемыхъ лопушекъ (стр. 90—43).

стяхъ; сюда они отправляются зимою на лыжахъ и, таща за собой сани съ сѣбѣстными припасами, выслѣдываютъ дикихъ звѣрей и остаются въ лѣсу по нѣсколько днѣй. Какъ они могутъ не замерзая проводить по нѣсколько почей подъ открытымъ небомъ, при жестокихъ зимнихъ холодахъ, разсказываетъ Гофманъ (стр. 32). Впрочемъ Остяки ловятъ болѣе западными, въ которыхъ попадаются даже лоси; но во время оттепели, когда сиѣгъ плохо держать тяжелыхъ животныхъ, они преслѣдуютъ ихъ на легкихъ лыжахъ и убиваютъ. Медвѣдя Остяки отыскиваютъ въ берлогахъ и овладѣваютъ имъ посредствомъ самострѣловъ и тому подобныхъ снарядовъ. Объ охотѣ *) въ первобытныхъ лѣсахъ сообщаетъ г. Поляковъ и приводить цифровыя данные. Такъ одинъ Остякъ въ теченіе двадцати пяти лѣтъ убилъ 200 лосей, 300 оленей и 300 соболей; другой, вмѣстѣ съ товарищемъ, въ полтора мѣсяца убилъ 2-хъ лосей, 6 оленей, одного соболя и 225 бѣлокъ. Кастренъ (стр. 224) сообщаетъ, что годовая добыча одного охотника состояла изъ 150 бѣлокъ, 4 соболей, нѣсколькохъ лисицъ, волковъ, оленей; между тѣмъ какъ Миддендорфъ упоминаетъ о другомъ, въ цѣлую зиму убившемъ лишь 20 бѣлокъ и умиравшемъ съ головой. Изъ вышеизложенного слѣдуетъ заключить, что въ иные годы добыча охоты можетъ быть очень скучной, такъ какъ вообще дичи здѣсь далеко по такъ много, какъ обыкновенно полагаютъ. Къ этому могу еще прибавить, что мы встрѣчали многихъ туземцевъ, которые имъ разу въ своей жизни не только не увили ни одного медвѣда, но и не видали его.

Изъ многихъ охотничихъ сувѣрій упомяну лишь объ одномъ, приводимомъ Зуевымъ, а именно: чиханье утромъ передъ охотой предѣвѣшаетъ неудачу, т. е. какъ разъ противуположное примѣтъ въ напахъ мѣстахъ.

Какъ Киргишъ, съ нашей точки зреянія, плохіе скотоводы, такъ Остяки и Самоѣды тундры—плохіе оленеводы. Оленемъ по русски называютъ также и благороднаго оленя, но тѣмъ многочисленнѣе названія, которыя даютъ первому туземцу, смотря по возрасту и полу, что доказываетъ, какое важное значеніе имѣеть для нихъ это животное. „Въ жизни Самоѣда олень составляетъ все“, говорить Шренкъ, которому мы обязаны лучшимъ ихъ они-

*) Болѣе подробнѣе свѣдѣнія доставляетъ Миддендорфъ (т. IV, стр. 1369—1391), относительно же Урала—Гофманъ (стр. 18, 80, 43 и 165). Выранъ на Печорѣ рыболовы охотникъ Гофманъ сдалъ одного изъ нихъ, добывшаго въ одну зиму 10000 Куреватокъ. Возможность доставки въ Петербургъ обеспечиваетъ хорошую прибыль. Объ охотѣ сиѣ. Палласъ, стр. 87—89.

сапіемъ (т. I, стр. 303 и 582, II, стр. 366 и 398), на которое я и ссылаюсь, такъ какъ не могу привести никакихъ подробностей, основанныхъ на личныхъ наблюденіяхъ. Отъ Шренка же мы знаемъ, что Зыряне наилучшіе оленеводы и далеко превзошли въ этомъ туземцевъ.

Зыряне, которые называютъ себя Ками, т. е. житель Ками, какъ известно, народъ финского происхожденія, поселившійся на западной сторонѣ Урала въ Олонецкой и Архангельской губерніяхъ (гдѣ они называютъ себя Ижмо-Мортъ, т. е. человѣкъ съ Ижмы), преимущественно же на Печорѣ. Чустоверскъ, Ижма и Усть-Уса служатъ главнымъ мѣстопребываніемъ Зырянъ, численность которыхъ, по Ленгфельду, достигаетъ до 90000 душъ, что слишкомъ преувеличено. Они, съ давнихъ временъ, хорошие христіане, частью старовѣры, и отъ частыхъ сношений съ Русскимъ языкъ ихъ принялъ много русскихъ словъ. Зырянинъ необычайно предпримчивъ: «въ особенности способны они къ торговлѣ и ремесламъ; они полны энергіи и очень живого характера», говоритъ Бовальскій, прибавляя къ тому, что Зыряне имѣютъ свои собственныя понятія относительно честности и, какъ истые купцы, никогда не отступаютъ въ торговлѣ предъ обманомъ. Въ самомъ дѣлѣ, нигдѣ не говорить о нихъ ничего хорошаго, только Гофманъ защищаетъ ихъ, указывая на некоторые великодушные и благородныя черты ихъ характера (стр. 137). Совершенно противоположное говоритъ Шренкъ (стр. 223), приводящій неопровергнутое тому доказательства (стр. 514 и 552), подтверждаемыя Кастреномъ (стр. 226). Несомнѣнно, что посредствомъ бессовѣстнаго лихонійства они держатъ туземцевъ въ кабалѣ и завладѣваютъ цѣлыми оленевыми стадами кочевниковъ. Хотя промиселъ этотъ былъ начатъ ими въ 1830 году, но уже во времена Шренка (1837 г.), изъ 80 тысячъ олепей Большеземельской тундры 76 тысячъ принадлежали 68 Зырянамъ, изъ которыхъ некоторые имѣли отъ 6 до 8 тысячъ головъ. Для сравненія можно привести то, что 79 тысячъ олепей Норвежской Лапландіи распредѣлялись на 1200 владѣльцевъ. Я пахожу необходимымъ упомянуть о Зырянахъ, потому что съ того времени они все болѣе и болѣе распространяются по Сибири и поселяются въ ней, что, впрочемъ, и необходимо для Обдорской торговли. Чтобы они и здѣсь уже выступали въ качествѣ владѣльцевъ оленевыхъ стадъ — мѣрнѣе неизвѣстно. Сибирская язва, много разъ опустошавшая оленыя стада, должна была вообще сильно поколебать эту отрасль промышленности. Обдорскій округъ, какъ я уже упоминалъ, не-

богатъ оленями, такъ какъ, по доставленнымъ мною официальными свѣдѣніями, ихъ насчитывается только 50 тысячъ головъ.

Что Остяки на Оби также страдаютъ подъ бременемъ большей частию легкомысленно надѣланныхъ долговъ, обѣ этомъ рассказывается Поляковъ (стр. 48).

О томъ, что олень доставляетъ исключительный материалъ для одежды туземцевъ, и уже упоминалось. Остяки и Самоѣды одѣваются почти одинаково. Нельзя однако не замѣтить, что праздничное платье выставляетъ туземца въ болѣе выгодномъ свѣтѣ, чѣмъ въ обыкновенномъ, будничномъ.

Главная одежда мужчинъ — малица, широкая, мѣшковатая шуба, спускающаяся до щиколотокъ, мѣхомъ внутрь, и съ широкой опушкой изъ оленьей или собачьей шкуры. Воротъ у шеи такъ узокъ, что голова пролѣзаетъ въ него съ трудомъ; вокругъ шеи воротникъ, который спадаетъ на спину. Рукава у проймъ такъ широки, что руки легко можно высвободить; внизу же они узки и обыкновенно оканчиваются перчатками (по остяцки — Хандопосъ, по самоѣдски — Овай), сдѣланными изъ грубой шкуры съ оленьими ногами. Узкий поперечный разрѣзъ съ внутренней стороны кисти въ высшей степени практиченъ и позволяетъ свободно действовать руками. Такъ какъ мездра не выдерживаетъ сырости, то малицу покрываютъ матеріей. Эта и для русскихъ, живущихъ въ тѣхъ мѣстахъ, необходимая одежда стоитъ отъ 20 до 30 рублей. Зимою сверхъ малицы, лѣтомъ безъ нея, надѣваютъ такую же шубу, достающую только до колѣнь, — парку, но самоѣдски — Сазока или Соковъ, мѣхомъ наружу и оканчивающуюся шапкой, которая у Остяковъ имѣеть наушники. Парка дѣлается обыкновенно изъ темной оленьей шкуры, съ широкой белой обшивкой и часто украшена настройной вышивкой. Иногда, особенно въ лѣтнее время, парка шьется мѣхомъ внутрь и сверху обшиита матеріей, съ пестрой суконной обшивкой. Парка стоитъ отъ 10 до 18 рублей. Зимой носится еще третья, очень широкая шуба, спускающаяся до щиколотокъ, съ колпакомъ, въ родѣ башлыка, и перчатками, называемая на нижней Оби — гусь или гушь. Надѣвается она въ самые жестокіе морозы, особенно въ доро-гѣ, и дѣлается изъ самого толстаго и длинношерстаго мѣха олена, мѣхомъ наружу. Парка застегивается кожанымъ кунакомъ, съ пряжкой и мѣдными украшениями (по самоѣдски: Низовѣй, или Ни, по остяцки — Похлемъ-антебѣ-кель). Посрединѣ на мѣдной цѣпочкѣ привѣщенъ ножъ, рукоятка которого богато изукрашена мѣдными пасынками (по остяцки: Кеппи-сотовъ).

Русские, живущие на Оби, заимствовали у туземцевъ фасонъ шубы, вродѣ малицы, съ шапкой грубаго сукна, большей частью чернаго, но также краснаго и зеленаго—и стали носить выбойчатые армяки съ пестрыми и крушными цветами; то и другое служить имъ лѣтней одеждой. Остяки приготавливаютъ также изъ кожи нальма иѣчто въ родѣ непромокаемаго плаща. О короткихъ штанахъ (рис. на стр. 1421 сочиненія Миддендорфа), изъ дубленой оленьей кожи, я уже упоминалъ, такъ-жѣ какъ и о чулкахъ, доходящихъ выше колѣна (пимы или пиви), прикрѣпленныхъ кожаными ременями. Они пытаются изъ параллельно нарѣзанныхъ полосокъ оленьей шкуры и сшиты вдвойнѣ, волосомъ внутрь и наружу. Полоски эти украшены узкими пестрыми нашивками изъ сукна. Подошвы этихъ пимовъ делаются изъ шереховатой кожи съ берцовыми суставами олена, а „головки“ пимовъ изъ толстой бѣлой шкуры. Лѣтомъ обыкновенно носятъ простые кожаные пимы, съ подошвой изъ тюленьей шкуры.

Голову накрываютъ зимой шапками (сам.—Сда) изъ двойной мягкой шкурки молодого олена, съ длинными наушниками. Эти шапки, называемыя русскими тарбушокъ, весьма практичны, и вошли во всеобщее употребление у Русскихъ, не только между музыкарами, но и женщинами. Лѣтомъ туземцы ходятъ большей частью съ непокрытой головой, въ нечесанные волосы, какъ у Ятьюмы (рисунокъ на стр. 496), придаютъ имъ дикий видъ. Но Остяки сплетаютъ свои волосы въ две косы, спадающія на плечи и перевитыя красными лентами; Самоѣды же, напротивъ, обрѣзаютъ волосы на затылѣ и спереди, и они закрываютъ у нихъ половину лба, какъ у нашихъ свѣтскихъ дамъ.

Женское платье очень сходно съ мужскимъ; оно состоитъ главнымъ образомъ изъ нижней (по самоѣдски: Яады) и верхней шубы (по самоѣдски и остяцки: Паны, Шашца); только женскія шубы, по весьма естественнымъ причинамъ, открыты спереди и завязываются узкими кожаными ремешками. Богатыя женщины подносятъ шубу сплетенными лентами, которыя крѣпко застегиваются болыпымъ прорѣзнымъ мѣднымъ кольцомъ. Кольца эти изготавливаются Зырянами и стоять очень дорого, именно отъ 2 до 3 лисьихъ шкуръ за штуку. Рисунокъ на стр. 437 изображаетъ остяцкихъ женщинъ, во въ парандыхъ костюмахъ, такъ какъ въ своихъ изношеныхъ, грязныхъ шубахъ они производятъ не особенно пріятное впечатлѣніе. И у этихъ бѣдныхъ племенъ прекрасный полъ заботится о нарядахъ, на что ужъ я указывалъ, говоря о женѣ Мамруна. Въ особенности любить они

напивать па паницы, въ видѣ украшения, пестрия яркія полосы сукна (см. среднюю фигуру). Нижняя же широкая обшивка дѣлается большей частью изъ чернаго и бѣлаго собачьяго мѣха, потому что только богатыя женщины могутъ позволить себѣ лисью или бобровую опушку, для большинства недоступную. Главную роль у Остячекъ играютъ большие узорчатые платки (что остяцки Оксанъ, рис. на стр. 437, фигура въѣво), которые они сами отдѣливаютъ длинной бахромой изъ краивной пряжи; они служить также вуалами, для защиты лица отъ комаровъ и отъ взоровъ мужчинъ. Какъ известно, на это у Остяковъ есть свои правила: такъ напр., певѣстка не должна показываться ни деверю, ни свекру; но, понятно, что правило это не всегда соблюдается. Зимою они носятъ шапки (что самоѣдски: Савокъ или Ніэ-саву, по остяцки: Миль), сходныя по формѣ съ нашими обыкновенными капорами; делаются эти шапки изъ шкуры олена или россомахи съ лисьей опушкой, а назади привѣшена мѣдная цѣпочка, къ которой прикрѣплены металлическія подвески, а именно: у богатыхъ женщинъ мѣдные и бронзовыя медали, стоимостью равняющіяся шкуркѣ писца (отъ 1 до 2 рублей) и болѣе; у бѣдныхъ же — простия мѣдные пуговицы, панерстки и тому подобныя побракушки. На привезенной же мною женской шапкѣ привѣской служилъ настоящій желѣзный шалинь отъ ящика, который вполнѣ удовлетворительно выполнялъ свое назначение, т. е. гремѣлъ и брѣчалъ при ходѣ. Этотъ шумъ, который еще издали даетъ знать о приближеніи туземной женщины, еще болѣе усиливается цѣочками, кольцами и другими металлическими украшениями; прикрѣпленными между двумя косами, какъ это изображено на фигурѣ справа (стр. 137). Косы (по остяцки: Охсаву, самоѣд.: Гушъ) обыкновенно обвиваются красными шерстяными лентами. Такъ какъ косы должны быть возможно длинны, то они часто бываютъ фальшивыя или наставляемыя, какъ и у цивилизованныхъ женщинъ.

Серьги (остяцк. Паленохель-хорамъ), изъ пуговицъ, панерстковъ и т. п., вѣщаются въ уши посредствомъ тоненькаго резинка; кольцами Остячки также не пренебрегаютъ. Послѣднія (ост. Сорпе-луйтъ) доступны даже для самыхъ бѣдныхъ, такъ какъ сдѣланы изъ мѣди и продаются по конѣйкѣ за штуку; поэтому неудивительно, если на каждомъ пальце Остячки бываетъ столько колецъ, сколько ихъ можетъ на немъ помѣститься.

Изъ шейныхъ уборовъ въ большомъ ходу бусы птицами, а также смыщанные съ металлическими побрякушками и старыми

монетами. Цестрыя бумажные платья, въ родѣ рубашки, кото-
рыя носятъ лѣтомъ Остячки въ Березовъ и его окрестностяхъ,
также украшены красивымъ шитьемъ и узорами изъ бусъ исте-
кляруса. Эти лѣтнія платья шьются изъ самодѣльной ткани, вы-
дѣлываемой изъ крапивной прѣжи. Зѣвшая крапива (*Urtica sap-
pabina Pall.*; остиаки Урторнъ или Урподнъ) у Остяковъ слу-
житъ культурнымъ растеніемъ—всюду, гдѣ только растетъ въ дикомъ видѣ,—и отличается отъ нашихъ видовъ большимъ ростомъ.
Изъ нея приготавляются также очень крѣпкія веревки, въ изъ нея же
женщины ткуть матерію. Всего болѣе употребляется крапива
для этой цѣли на Иртышѣ и средней Оби.

Татуировку на лицѣ я видѣлъ только у одной женщины; по
ко разъ замѣчалъ продольные полосы, вытравленныя на рукахъ
и локтяхъ. Во всякомъ случаѣ, татуировка, о которой упомина-
ется Зуевъ, не въ употреблении. По Миддендорфу, она примѣ-
няется Самоѣдами при хѣченіи пѣкоторыхъ болѣзней, замѣняетъ
наши сухія бальмы.

Женскіе пими такіе же, какъ онѣ надѣваютъ у мужчинъ,
дѣлать съ болѣе изящными и красивыми нашивками; такіе же корот-
кіе штаны изъ тонкой дубленой оленьей шкуры, спереди съ
нагрудникомъ, который завязывается на спинѣ. Особенный ку-
шакъ (самоѣд. Таша-пиме, ост. — Воробѣй), сдѣланный изъ од-
ной полосы олѣпѣй кожи, который Остячки и Самоѣдки носятъ
подъ штанами вмѣстѣ съ компрессомъ изъ стружекъ изы, слу-
житъ въ высшей степени практическимъ цѣлямъ и заслужилъ
одобрение врачей, которымъ я показывалъ этотъ спарадъ.

О рабочихъ ящикахъ и мѣшкахъ Остячекъ и Самоѣдокъ я
уже говорилъ выше; прибавлю только, что собственно туалет-
ныхъ вещей, кроме большого гребня, какіе употребляются у насъ
для лошадей, онѣ не имѣютъ, кроме, и то очень рѣдко, оско-
лка зеркала.

Объ одеждахъ дѣтей и юношей, а также о колыбели, я тоже
уже упоминалъ. Люлька обыкновенно наполняется сухими опил-
ками и содержитъ въ себѣ берестянную коробку, выстланную
олѣпѣемъ шерстью и мхомъ.

Куклы (ост. Аганъ) служатъ, какъ и у насъ, любимой дѣт-
ской игрушкой. Эти болѣе или менѣе удачные миниатюрные изо-
браженія женской фигуры, у которой лицо весьма оригинально
замѣчается клювомъ утки-морянки. Мальчики съ раннаго возрас-
та упражняются въ стрѣльбѣ изъ лука и въ этихъ упражнені-

иъ такъ-же поощряются родителями, какъ и наши мальчики,
играющіе въ солдатики.

Какъ трудно при здѣшнихъ климатическихъ условіяхъ воспи-
вать дѣтей въ самомъ нѣжномъ возрастѣ, подробно описы-
ваетъ Миддендорфъ (стр. 1496), по собственнымъ наблюденіямъ.
Само собою разумѣется, что множество дѣтей погибаєтъ. Но уцѣ-
лѣвшіе обладаютъ за то крѣпкимъ тѣлосложеніемъ. Дѣйствитель-
но, я не видѣлъ тамъ ни одного калѣки, и всѣ Остяки и Само-
ѣды, закаленные суперскимъ образомъ жизни (Цалларь говоритъ:
„всестоинной пищѣ“), обладаютъ хорошимъ здоровьемъ и до-
живаютъ до глубокой старости. По крайней мѣрѣ старики встрѣ-
чаются очень часто, хотя никто изъ нихъ не знаетъ въ точно-
сти своихъ лѣтъ. Чаще всего туземцы подвергаются глазнымъ
болѣзнямъ, именуя воспаленію глазъ, чemu причиной дымъ, кома-
ры, блескъ сибирской поверхности и постоянное сидѣніе противъ
огня. Миддендорфъ однако совершило справедливо удивляется
крѣпости ихъ зѣрнія: „Если старикъ жалуется на слабость зѣр-
нія, то это значитъ, что онъ видѣть еще много лучше, чѣмъ на-
ши старики“. У туземцевъ, пѣ видѣ предохранительного средства,
имѣется множество различныхъ очковъ. Одни изъ нихъ, называе-
мые Остяками Семкарти, какіе я привезъ съ собою, состоятъ изъ
куска простого стекла, весьма крѣпко вѣдѣланнаго въ мѣховую
шкурку; эти очки носятъ они противъ рѣзкаго вѣтра. Еще очень
практичную вещь представляетъ повязка, которую носятъ на лбу,
(Семъ-лобось, т. е. глазная защита); дѣлается она изъ лисьей
шкурки, длинные волосы которой свѣшиваются на глаза и весной
защищаютъ глаза отъ ослѣпительного блеска сибири. Впрочемъ, мы
много разъ встрѣчали слѣпыхъ съ бѣльмами. Они пользовались
участиемъ своихъ соотечественниковъ, но также работали, напри-
мѣръ помогали грести. Сифилисъ, ужасные признаки кото-
раго сперва цепрятно поразили насъ, по нижнему теченію рѣки
встрѣчается рѣже; въ тундрѣ же его совсѣмъ нѣтъ. У Шренка,
который подробно описываетъ главныя болѣзни (стр. 547—550)
сифилисъ занимаетъ второстепенное мѣсто, и, по увѣреніямъ ту-
земцевъ, онъ у нихъ не заразителенъ, доказательство чemu при-
водить и Гемелипъ.

Неудивительно, что, за исключеніемъ врачей, всѣ способы лѣчес-
тва у туземцевъ основаны на суевѣріи и разныхъ шаманскихъ
штукахъ. Единственный способъ лѣченія отъ ломоты, коликъ и
т. п. состоитъ въ томъ, что на больномъ мѣстѣ сжигаютъ ма-
ленькие кусочки трута. Разные заговоры у нихъ въ такомъ же

ходу, какъ у насъ симпатія. Пріятель мой Джунши носилъ напр. на поясъ медвѣжій зубъ (ост. Очно-пенгъ), какъ вѣрилъ средство отъ боли въ пояснице, которое онъ не продалъ бы ни за какую цѣну. Я не позволилъ себѣ осмѣять его талисманъ и вѣру въ него, такъ какъ вспомнилъ цѣпочки отъ ревматизма, королевскій напитокъ, чудесный алексиръ и тому подобныя спасительные средства цивилизованныхъ шамановъ. Далярній разсуждѣнія о такихъ предметахъ привели бы насъ къ тому убѣждѣнію, что мы во многихъ отношеніяхъ болѣе достойны сожалѣнія, чѣмъ Остяки и Самоѣды!

Что касается обрядовъ, то намъ лишь одинъ разъ удалось присутствовать на погребеніи, и можно было бы совсѣмъ не упоминать о томъ, еслибы оригиналъ свѣдѣнія, сообщенія Іоркай Мамруномъ, не заслуживали безусловной вѣры. Безъ сомнѣнія, въ некоторыхъ подробностяхъ свѣдѣнія эти уклонялись отъ описаний другихъ путешественниковъ, такъ какъ послѣдніе основывались при этомъ лишь на справкахъ.

Для родильницъ Остяки устраиваютъ обыкновенно маленьку землянку въ сторонѣ отъ прочихъ домовъ; тамъ же женщины проводятъ время ежемѣсячаго неадоровья, такъ какъ въ этотъ періодъ они, какъ и у евреевъ, считаются нечистыми. Послѣ того они подвергаются особенному окуриванію, причемъ вредъ ли употребляется „бобровая струя“, какъ то утверждаютъ Зуевъ (стр. 71) и Поляковъ (стр. 64). Въ тундрѣ, если только это возможно, устраивается особый чумъ (сам. Съямай-мія, т. е. нечистыя палатка, Шренкъ), родильная изба, и рѣды, большей частью легкие, происходятъ при пособіи опытныхъ женщинъ. Какъ только ребенка выкапаютъ въ тепловатой водѣ, его тотчасъ же укладываютъ на мягкую оленью шерсть, и такимъ образомъ немедленно по появлѣніи своемъ на свѣтѣ онъ знакомится съ постояннымъ спутникомъ всей своей жизни. Вскорѣ по рожденіи ребенку дается имя, большей частію, случайно, по названію вещи, имѣющей отношение къ окружающей обстановкѣ, какъ напр.: черный, кривой, хромой, лѣсь, ольха, вѣтъ, волкъ и т. д. (такія имена приводить Лешехинъ, путешествіе II, стр. 255). Дѣвушки также получаютъ имена; но супруги обыкновенно называютъ другъ друга „мой мужъ“, „моя жена“, (ост. Ими, самоѣд. Ніо (женя), ост. Тао, самоѣд. Хазовавъ или Ніенгавъ (мужъ)). Три или четырѣ дня спустя, въ честь новорожденаго гражданина міра устраивается пиръ, т. е. убиваются одинъ или нѣсколько оленей; въ пирѣ этомъ принимаетъ участіе и мать. Изъ этого видно, что

она не считается нечистой впродолженіе двухъ мѣсяцевъ, какъ говорить Шренкъ о Самоѣдкахъ (стр. 480 и 481). Матери корятъ грудью дѣтей до пятилѣтняго возраста, какъ мы разсказывали, и что подтверждаетъ Миддендорфъ. По достижениіи совершеннолѣтія, родителями также дается пиръ, причемъ, смотря по состоянію, убивается отъ одного до пяти оленей.

Важнѣйшее событие въ человѣческой жизни—бракъ, у Остяковъ и Самоѣдовъ справляется также торжественно. Бракъ у всѣхъ азіатскихъ народовъ представляетъничто иное, какъ гражданскій договоръ, и жена покупается у отца за калмыкъ (ост. Тани). По европейскимъ понятіямъ, обычай этотъ можетъ служить доказательствомъ того, на какой низкой ступени стоитъ женщина у этихъ народовъ. Костровъ упоминаетъ о продажѣ дѣвушки въ замужество „тому, кто больше дастъ“, причемъ приводить одно мѣсто изъ Кастрепа, гдѣ этотъ учёный описываетъ низкое положеніе остяцкой женщины. Еслиъ это въ самомъ дѣлѣ было такъ, то все же несправедливо было бы осуждать за это Остяковъ и Самоѣдовъ, этихъ дѣтей природы, въ то время, какъ у русскихъ, живущихъ въ Сибири, практикуется, по описанію Конва, также купля жены—и когда виринскія женщины-христіанки подчиняются самимъ унизительнымъ обычаямъ (Кастрепъ I, стр. 248). На подобного рода дѣла надо смотрѣть не съ европейской точки зрѣнія, а глазами азіатца. При патріархальной жизни помада, соединяющей подъ одной кровлей дѣтей и родителей, кажется естественнымъ и цѣлесообразнымъ, чтобы родители дѣлали выборъ за дѣтей, такъ какъ они имѣютъ въ виду какъ можно лучше устроить новое хозяйство. Что при этомъ не обращается никакого вниманія на любовь, это само собою разумѣется, тѣмъ болѣе, что дѣтей часто обручаютъ въ самомъ юномъ возрастѣ. Впрочемъ, не слѣдуетъ при этомъ забывать, что и у насъ вакаюются тысячи такъ называемыхъ „браковъ по разсчету“. Еслиъ этиnomады могли прочесть въ газетахъ ежедневныя публикаціи о желаніи вступить въ бракъ, они вѣроятно напали бы обычай этотъ отвратительнымъ. У русскихъ бракъ рѣдко обходится безъ свахи (Гансенъ, стр. 22). Какъ праотецъ Авраамъ посыпалъ вѣриаго Веоуила сватать для своего сына Исаака прекрасную Ревекку, такъ-же точно поступаетъ глава остяцкой семьи. При сватованіи состояніе тоже имѣеть у нихъ значеніе, съ тою только разницей, что спрашиваются: „сколько нужно заплатить за дѣвушку“, а не „сколько за неї приданаго“, какъ спрашивается у насъ. Конечно, все это сводится къ одному и

тому же, особенно въ такихъ случаяхъ, когда, какъ пишетъ Шренкъ (стр. 476) и Миддендорфъ, невѣста приносить съ собою хорошее приданое, слѣдовательно производится уже не купля, а обмѣнъ, цѣль котораго обеспечить молодую чету. Особенное богато одаренные дѣвушки, какъ и у насъ, привлекаютъ множество жениховъ, и Миддендорфъ говоритъ (стр. 1452): „далеко разносится слава такой дѣвушки, что ясно показывается, что Самоѣды умѣютъ цѣнить умственное превосходство женщины не менѣе европейцевъ“. Такъ какъ Остяки и Самоѣды имѣютъ случай видѣть дѣвушекъ на нѣкоторыхъ празднествахъ, то и личная склонность не совершенно исключена при заключеніи браковъ. Когда я поздравлялъ Іорку съ превосходнымъ выборомъ такой красивой жены, то она спросила: „а развѣ у васъ это дѣлается иначе?“ Слѣдовательно и красота имѣеть у нихъ немалое значеніе.

По всемуѣроятію, между родителями бываетъ заблаговременно взаимное соглашеніе, потому что въ большинствѣ случаевъ женихъ, при появленіи своемъ, получаетъ подарокъ отъ отца невѣсты и начинаются переговоры о калымѣ. Какъ только его опредѣлятъ, что происходитъ не безъ торгу, то тотчасъ же отецъ невѣсты отправляется къ родителямъ жениха за получениемъ калыма. Послѣдній бываетъ различенъ, смотря по средствамъ. Старикъ Занда заплатилъ за свою невѣстку 20 олесей, между тѣмъ какъ Іорка отдалъ за свою прекрасную Улину 150 олесей, 60 писцовъ-крестоватиковъ, разныхъ лисицъ и пр. вещей, всего на 700 руб. Миддендорфъ также упоминаетъ о калымѣ за самоѣдскую дѣвушку, состоявшемъ изъ 6 голубыхъ и 45 простыхъ писцовыхъ, 6 волчьихъ шкуръ, 90 олесей и 8 аршинъ красного сукна; нѣкоторую часть калыма родители невѣсты удерживаютъ у себя. Невѣста же въ день свадьбы, т. е. уплаты калыма, получаетъ отъ своихъ родителей и родственниковъ подарки, слѣдовательно приходитъ не съ пустыми руками. Что разставаніе съ родительскимъ чумомъ не обходится безъ слезъ, это само собою разумѣется; иногда даже жениху приходится употреблять для этого насилие. Если мать невѣсты жива, то на торжественномъ поѣздѣ она сама везетъ дочь въ чумъ жениха, гдѣ родители послѣдняго поджидаютъ ихъ для начала пира. Мать остается первую ночь въ чумѣ вѣти и на другой день уводитъ дочь домой, откуда вѣти самъ долженъ вѣсти ее навсегда. Какъ на русскихъ свадьбахъ, такъ и на остяцкихъ и самоѣдскихъ, количество выпитой водки служить мериломъ богатства и веселыя. Что

происходить на нихъ, подробно описываетъ Кастрепъ (стр. 215—223), присутствовавшій на свадьбѣ. „Когда мы явились, то ширь былъ ужъ въ полномъ разгарѣ. Нѣкоторые уже угостились до такой степени, что въ безчувствіи лежали на сиѣгу съ испокрытыми головами, и вѣтеръ вѣсилъ ихъ сиѣгомъ. Но вотъ идетъ супругъ, покачиваясь, переходить отъ одного изъ лежащихъ къ другому, наконецъ находить свою жену и ложится подлѣ нея въ сиѣгъ. Одного бѣднаго привязываютъ къ саниамъ и отправляютъ домой. Въ чумѣ еще того хуже! Здесь лежать и сидѣть мущины и женщины, и старики, и молодые дѣвушки. Въ числѣ распостертыхъ на полу находился и женихъ. Невѣста же, напротивъ, была менѣе нынѣ, чѣмъ другія дѣвушки“. Полигамія, несмотря на то, что допускается, встречается очень рѣдко, и то между богатыми людьми. Кастрепъ видѣлъ только одинъ случай, что у Остяка было 3 жены.

Брачными законами Самоѣдовъ, у которыхъ деверь можетъ жениться на своей невѣстѣ, свекоръ на вдовѣ сына, однако строго воспрещаются браки въ кровномъ родствѣ, о чёмъ упоминаетъ Шренкъ (стр. 476—886), а также Кастрепъ (стр. 299). По словамъ Шренка, невѣрность обоихъ супруговъ составляетъ первѣкое явленіе, такъ какъ Самиѣдамъ незнакомо чувство ревности; Попликовъ также говоритъ, „что супружеская вѣриность представляетъ для Остяка чудное понятіе, между тѣмъ какъ самъ онъ требуетъ отъ жены безусловной вѣриности“. Я лично долженъ воздержаться отъ всякаго сужденія по этому поводу, но, по слухамъ, измѣны не особенно часты. Суровая жизнь сама налагаетъ благодѣтельныя границы, а холодный климатъ подавляетъ чувственность.

Гораздо разнорѣчіе, чѣмъ о свадебныхъ обрядахъ, известія о погребальныхъ обычаяхъ, главная причина чему то, что всѣ они основаны на разсказахъ. Даже Кастрепъ, видѣвшій языческіе похороны (I. стр. 271) впадаетъ въ противорѣчія и пишетъ: „многіе самоѣдскіе и финскіе народы привѣшиваютъ своихъ умершихъ, именно дѣтей, къ верхушкамъ деревьевъ“. Подобное замѣченіе, такъ-же какъ ошибочные данные, приводимыя Зуевымъ, (стр. 75) вводятъ компиляторовъ въ заблужденіе. Такъ, напримѣръ, Альбинъ Конъ (стр. 29), совершенно произвольно нерепоси упомянутое свѣдѣніе на Остяковъ, говорить, „что они вѣшаютъ умершихъ на вѣтви деревьевъ и представляютъ ихъ на съѣде умершихъ на вѣтви деревьевъ“, изъ чего тутъ же выводить заключеніе, что Остяки вовсе не сродственны Чуди.

На самомъ же дѣлѣ высокое уваженіе къ умершимъ составляетъ отличительную черту характера Остяковъ и Самоѣдовъ, которые въ отношеніи похоронныхъ торжествъ и погребенія имѣютъ совершенно одинаковые обычай. Кастренъ видѣлъ на средней Оби, около Лумпокольска, остатки кладбища въ прекрасной рощѣ, между тѣмъ какъ руссков было совершено заброшено. Тоже самое замѣчали и мы всюду, гдѣ руссков и туземцы жили по близости другъ отъ друга. Это почитаніе мертвыхъ представляетъ новое доказательство одного изъ хорошихъ качествъ, отличающихъ эти народы въ вослуживающихъ уваженіе образованныхъ людей. Для кладбищъ большей частью выбираются самыя красивыя, почти поэтическія мѣстности въ лѣсу или на узкихъ, долинообразныхъ холмахъ тундры, обросшихъ деревьями, поскольку это позволяетъ сѣверная природа. Съ этихъ позицій мѣстностей можно окинуть взоромъ всю тундру, всѣ рѣки и озера, словомъ всю мѣстность, въ которой покойный провелъ свою жизнь. Такія красавыя мѣстности пользуются у туземцевъ большемъ почетомъ и сюда они издалека привозятъ своихъ покойниковъ.

Если справедливы свѣдѣнія Гофмана (стр. 60), Шренка (523) и Миддендорфа, по которымъ Остяки и Самоѣды зарываютъ своихъ покойниковъ въ землю, то этотъ способъ погребенія составляетъ исключеніе или относится лишь къ некоторымъ окрестамъ, какъ напр. Лопинскому (Ковалевскій, стр. XXVII). Но всѣ путешественники говорятъ только о томъ, чмѣму были очевидцами. Такъ Ковалевскій только два раза находилъ языческія могилы. Вообще же туземцы кладутъ ящики съ трупомъ поверхъ земли, но крайней мѣрѣ такъ дѣлается у обитателей нижней Оби и тундры. Мерзлая почва не позволяетъ рѣтъ могилы, въ чмѣ и убѣдился по смерти Хата; даже въ серединѣ лѣта, когда это было бы возможно, я находилъ новые, сколоченные изъ досокъ, ящики для покойниковъ. Поэтому утвержденіе Кастрена, что земной хоронятъ поверхъ земли, а лѣтомъ въ землѣ,—совершенно ошибочно. Такое языческое кладбище изображено на одномъ изъ моихъ рисунковъ (стр. 428); я срисовалъ его въ рощѣ мертвыхъ у Чернаго Яра, на среднемъ течении Щучьей. Одна, особенно изукрашенная, могила богача состоитъ изъ толстыхъ полуторадюймовыхъ досокъ лавственицы, которую туземцы раскальзываютъ посредствомъ клинья и ватѣмъ обдѣлываютъ при помощи топора и струга. Прежде всего вбиваютъ въ землю 3 пары колышевъ, ватѣмы соединяютъ ихъ сверху перекладинами; въ го-

ловахъ и въ погахъ кладутся поперечные доски, въ видѣ распорокъ, и доски эти поддерживаютъ весь ящикъ, въ которомъ не бываетъ ни одного гвоздя. Длина его отъ 5 до 6 футовъ, ширина въ головахъ отъ 2 до 3 футовъ; въ ногахъ ящикъ значительно уже и ниже, что придаетъ ему видъ саркофага. Ящикъ покрытъ берестяными цыпоками, подъ которыми, въ упомянутомъ случаѣ, лежала красная байка, служившая свѣдовательствомъ признакомъ особенного богатства. Сверху лежали тонкие расколовые вдолъ древесные стволы. Въ такомъ могильномъ ящикѣ покойникъ лежитъ въ своей лучшей шубѣ, на мху и оленевой шерсти, покрытый оленевой шкурой, т. е. онять таки съ тѣми самыми предметами, которые встречаются его при появлении на свѣтѣ. Подъ него лежать его любимыя вещи: топоръ, ножъ, рогъ, табакерка, трубка, чайный котелокъ и т. д., но никогда не находилъ я въ могилахъ съѣстныхъ припасовъ. Что не помѣщается внутри, то ставится или кладется подъ могилы. Такъ на нашемъ рисункѣ—въ головахъ изображена пика, которой управляетъ оленемъ, въ ногахъ срѣзанный носъ челпока, сбоку лежить лыжа и подъ ней топоръ. На верхней перекладинѣ виситъ колокольчикъ, на деревѣ слѣва оленяя упряжь, подъ которой лежать опрокинутыя сани. Всѣ вещи, которые даются покойнику, предварительно дѣлаются негодными къ употребленію. На подпоркахъ надѣты черепа оленей, съѣденныхъ на заупокойной трапезѣ. Кроме того у могилъ находили мы охотничіе и рыболовные спарады: луки, стрѣлы, сѣти, однимъ словомъ вещи, которая употреблялась умершій. Такъ на заднемъ планѣ могилы находился на двое разрѣзанный большой челикъ, показывавшій, что покойникъ главнымъ образомъ занимался рыболовствомъ. Вправо, опрокинутая вверхъ лицомъ колыбель означаетъ могилу ребенка, которому, какъ показываетъ черепъ, укрѣпленный на срубленномъ деревѣ, былъ принесенъ въ жертву олень. Несколько разъ находилъ я дѣтскіе трусы въ ящикахъ особенной формы, похожихъ на гробъ, въ какихъ туземцы сохраняютъ съѣстные припасы,—прекрасное доказательство родительской любви, жертвующей цѣнную вещь своему любимцу. Иногда я находилъ колыбели, повѣшенныя на ближайшее дерево, и это, по всемуѣроятію, послужило поводомъ къ предположенію Шренка (526), что трусы лѣтей вѣшаются на деревья. Женщинамъ же кладутся въ могилу принадлежности ихъ обыденной жизни: рабочіе ящики, швейные принадлежности, берестяная посуда, ножи и скребки для выѣлки кожъ, деревянная

ложка и т. д. Не лишнее будетъ замѣтить, что женщины хоронятъ такъ-же заботливо, какъ и мужчины, изъ чего опять таки можно заключить о равноправности обоихъ половъ. Еслиъ женщины презирали, какъ многие разсказываютъ, то не стали бы такъ заботиться о ихъ погребеніи. Шрепкъ встрѣтилъ Самоѣдовъ, которые везли прахъ матери семьи на морской берегъ, т. е. отправлялись въ далекій путь.—Всѣ языческія могилы устроены такъ, какъ я описывалъ. Ихъ довольно много, такъ какъ около Халинагора я насчиталъ ихъ до 50. Какъ о полѣ умершаго, такъ и о его запятіяхъ и состояніи можно всегда увѣнть бевошибочно. Чѣмъ болѣе наломанныхъ саней, а также олешникъ череповъ, около могилы, тѣмъ богаче и вліятельнѣе былъ покойникъ. Немногія настоящія могилы, т. е. змы, покрыты досками, озлачаютъ, очевидно, могилы бѣдняковъ, которымъ не на что было сдѣлать гробъ; около нихъ обыкновенно не бываетъ ни саней, ни другихъ снарядовъ. Такъ я нашелъ въ одной могилѣ покойника, лежащимъ на своихъ саняхъ, и змиа была выложена досками. Голова умершаго, завернутая въ мыѣкъ и трапье, обращена къ югу, ноги къ сѣверу, такъ что хотя могила и разбросана въ беспорядкѣ, но всѣ они имѣютъ одно и тоже направлѣніе. Климатъ довольно долго предохраняетъ покойника отъ гнилія въ доски ящика, если разрушаются современемъ, то все таки покрываютъ собою кости. Разростающаяся на могилѣ береза-стаканка служить для ся укрѣпленія и обозначаетъ место погребенія по прошествіи многихъ лѣтъ, когда отъ могилъ русскихъ не остается никакого слѣда. По поперечному разрѣзу такихъ березокъ, привезенныхъ мною съ могилъ, профессоръ Нордлингеръ опредѣлилъ возрастъ ихъ въ 40 лѣтъ. Въ совершенно безлюдной тундрѣ Таймыра Миддендорфъ находилъ покойниковъ между кампами, сложенными въ видѣ бугровъ.

Я долженъ упомянуть еще объ одномъ обычай, который до сихъ поръ, кажется, упускался изъ виду. По близости посѣщеныхъ мною могилъ, я всегда находилъ идолъскій домикъ. У Черного Яра, на открытой тундрѣ праваго берега, ихъ было два. Они представляли собою миниатюрныхъ модели остыцкихъ зимнихъ хижинъ, величиною не болѣе собачьей конуры, и были покрыты берестой, сверхъ которой, ради защиты ея отъ вѣтра, лежалъ древесный стволъ. Дверь запиралась деревянной задвижкой. Внутри находилась кукла, одѣтая по остыцки, также разная домашняя утварь: ложки, чашки, вожжи и т. д. Очагъ въ олений черепъ свидѣтельствовалъ, что и здѣсь происходила жертвенная трапеза.

Насколько обычай этотъ связанъ съ погребеніемъ, узнать мнѣ не удалось, но полагаю, что эти идолы и домики, такъ-же какъ домашняя утварь, — дань приносимая умершимъ. Можетъ быть этотъ обычай имѣть отношеніе къ описанію Кастрея (I, стр. 296), въ которомъ сообщается о томъ, что тотчасъ послѣ смерти дѣлается изображеніе умершаго и въ продолженіи трехъ лѣтъ изображенію этому воздаются такія же почести, какъ живому, т. е. его кормить и одѣвать, потому ужъ „кладутъ въ могилу“. Ковалевскій (стр. XXVII) говорить тоже самое, а по словамъ Поляковъ (стр. 52), „жена покойника въ знакъ печали дѣласть себѣ куклу, почю синть съ нею, а днемъ ставить передъ собою и любуется сю“. Я имѣю основаніе предполагать, что упомянутые путешественники разсказываютъ эти исторіи не на основаніи собственныхъ наблюдений, а просто по слухамъ. Я изслѣдовала множество языческихъ могилъ, но ни въ одной не видѣла этихъ куколъ и не замѣтила никакихъ данихъ для подобныхъ предположеній. О погребальныхъ обрядахъ я буду говорить съ словъ Йорка Мамруна.

Если времена и обстоятельства позволяютъ, то какъ только сердце зabolѣваетъ какой нибудь важный членъ семьи, ссыпаютъ всѣхъ ближайшихъ родственниковъ,—если не при жизни, то во всякомъ случаѣ по смерти. Такъ какъ Остяки не особенно любятъ мыться, то они и не обмываютъ покойника, а только расчесываютъ ему волосы и вадѣваютъ на него лучшее платье. Въ старыхъ платьяхъ хоронятъ лишь бѣдняковъ. Въ первую ночь огнь въ чумѣ не гасится. Тотчасъ по смерти дѣлаютъ могильный ящикъ, въ чемъ помогаютъ родственники. На эту работу требуется не менѣе трехъ дней и затѣмъ приступаютъ къ погребенію. Сукно, которымъ закрыто лицо покойника, снимаютъ, всѣ близкіе родственники прощаются съ нимъ, цѣлуютъ его, потому несутъ тѣло къ послѣднему мѣсту уснокенія или же везутъ на оленяхъ или въ лодкѣ — и кладутъ въ гробъ. Здѣсь совершаются первенство, т. е. убиваютъ одного или иѣсколькоихъ оленей, смотря по состоянію умершаго, разводятъ огонь, варятъ и съѣдаютъ мясо. Что на этихъ тризнахъ пьютъ водку, доказывается осколками разбитыхъ бутылокъ, валяющимися около могилъ. Въ годовщину справляютъ поминки, много Ѵдятъ и пьютъ. На этихъ посмертныхъ жертвопривошевіяхъ, енисейскіе Самоѣды убиваютъ такое количество оленей, что пасльдество, какъ сообщаетъ Миддендорфъ (стр. 1457), прилагающій при этомъ правило наслѣдованія, впечатительно сокращается. На могилахъ

лицемъ, положительно достойнымъ кисти Сальватора Розы. Я удовольствовался тѣмъ, что запомнилъ лишь вѣкоторыи, главныи черты представлениія. На Татибей былъ бѣлый грязный армякъ съ золотыми позументами, такъ какъ кожаное платье съ желѣзными побрикушами, по его увѣренію, вышло изъ "моды". Подѣлъ него съ правой стороны сидѣлъ его помощникъ Остякъ, въ обыкновенной одеждѣ, повторявший все, что пѣлъ гнусливыи головсомъ его хозяинъ. Представленіе началось съ того, что Татибей ударилъ въ барабанъ и заявилъ, что духи явились и стоятъ позади его. Разумѣется, они были видны лишь его духовныи очамъ, потому что глаза были у него закрыты. Затѣмъ онъ объявилъ намъ на самойдскомъ языкѣ, что будетъ гадать и скажетъ намъ "чистѣшую правду". Оракулъ говорилъ отрывочными фразами, нараспѣвъ, подъ аккомпанементъ глухихъ взвуковъ барабана и закончилъ нѣсколькими сильными ударами въ троекратномъ припѣвомъ: "эге-ге!". Прорицанія, переданныыи въ точности, были слѣдующія: 1) Путешественники получатъ орденъ отъ великаго царя (русскаго); 2) въ слѣдующемъ году пріѣдутъ снова; 3) тогда съ Усы отправятся къ истоку ІЦучьей; 4) что-то случится во время этого путешествія, но худое или хорошее—не знаю; 5) работы на Подаратѣ (проектъ канала) не будутъ имѣть успѣха: ни лѣса, ни огня; 6) начальники дома потребуютъ отъ хваниша (меня) отчетъ, но все обойдется благополучно, и онъ (шаманъ) останется доволенъ; 7) три начальника дома павначатъ въ будущемъ году экспедицію на Усу; 8) безъ болѣзни вернутся домой и все найдутъ въ порядкѣ. Путешествіе будущаго года будетъ также счастливо и онъ (шаманъ) будетъ проводникомъ; 9) будетъ еще экспедиція на Подаратѣ; когда она возвратится и ся свѣдѣнія будутъ согласоваться съ нашими, то мы получимъ великия награды отъ двоихъ великихъ государей (Александра и Вильгельма); 10) теперь все кончилось и я не виѣю больше ничего сказать.

Какъ видно изъ этихъ словъ, этотъ человѣкъ равувналъ кое-что отъ нашихъ людей, и его прорицанія не доставили ему большого труда. Во всякомъ случаѣ я остался имъ не менѣе доволенъ, чѣмъ знаменитыи профессоромъ магіи въ Санц.-Франциско, которому заплатилъ два доллара. Между тѣмъ, какъ изъ прорицаній профессора, впослѣдствіи оказавшагося "заслуженнымъ", ничто не исполнилось, я, по прошестіїи нѣсколькихъ лѣтъ, когу съ удовольствіемъ воспѣтельствовалъ, что кое-что изъ шаманскихъ предсказаний дѣйствительно сбылось. Что касается ме-

и, то "начальникъ", т. е. бухгалтеръ географическаго общества, Георгъ Альбрехтъ, въ самомъ дѣлѣ потребовалъ отъ меня отчетъ, пашель его вѣрныи и выразилъ мнѣ свое удовольствіе. Товарищи мои получили впослѣдствіи, хотя и не за путешествіе, почетныи отлакіи отъ упомянутыхъ высочайшихъ особъ. Но счастію, параграфы 2 и 3 остались неисполнеными, такъ какъ ни одинъ изъ настъ не чувствовалъ охоты снова отправиться въ это царство комаровъ, хотя мы, къ сожалѣнію, потеряли такимъ образомъ случай воспользоваться обществомъ мудраго мага.

Тогда же, предчувствуя это, мы всячески старались удержать у себя на вечеръ этого рѣдкаго мужа, что намъ и удалось при помощи бутылки такъ называемаго хереса, изготовленаго, по всему вѣроятію, въ Березовѣ. Конечно, за дальнѣйшее изложеніе "божественнаго ученія и шаманскаго искусства" было заплачено особо. Привожу слова его безъ всякихъ комментарій.

Владыка боговъ и духовъ называется по самойдски Ну-Маль, (ост. Оортъ) что означаетъ "конецъ міра". У него быстрый копъ и жевль; где онъ живеть—иславѣстно. Съ этимъ высшимъ богомъ шаманъ сообщается черезъ своего "дьявола или шейтана", при чемъ подразумѣвается не чортъ, а состоящій при немъ добрый духъ. Барабанъ служить для призыва удалившагося духа, имѣющаго общечеловѣческий видъ и видимаго лишь шаманъ. Съ помощью "своего дьявола", который очень добръ, шаманъ побуждаетъ вѣхъ духовъ, что ему лично стоитъ болѣшвхъ трудовъ и усилий, такъ что его прошибаетъ потъ и онъ падаетъ въ обморокъ и иногда заболѣваетъ. Тогда шаманъ молитъ у Бога бѣльшей силы и "Богъ" посыпаетъ ему иногда почью его "дьявола", чтобы возрестить когда придетъ помощъ. Однако "дьяволъ" его оказывается иногда ненадежнымъ и искажаетъ повелѣнія высшаго Бога. Опытный шаманъ тотчасъ это замѣчаетъ, и сколько разъ онъ ударить въ барабанъ, столько ударовъ дьяволъ получить отъ боговъ въ наказаніе. Шаманы находятся въ отличныхъ отношеніяхъ съ духами, но есть и такие, которые состоятъ на службѣ у вѣхъ духовъ. Искусство шамановъ передается знаменитыи учителями, большей же частью не-переходить отъ отца къ сыну, иногда даже къ дочери, такъ какъ есть и шаманки. Вотъ опять знакъ уваженія къ женскому полу! Шаманы всѣ знаютъ другъ друга. Есть дураки, выдающіе себя за шамановъ, но они ничего не смыслятъ. Вообще шаманы дѣлятся на специалистовъ. Одни опытны въ "лѣченіи", во врачебной науки, другие знаютъ толкъ въ оленяхъ, треты умѣютъ оты-

скивать пропажу и т. д. Онь самъ лучше всего умѣть предсказывать погоду и мѣста, гдѣ рыба будетъ хорошо ловиться. Само собою разумѣется, что при лѣчении не можетъ быть и рѣчи о наукѣ. Нашъ пріятель ограничивался лишь моленіемъ у Бога чинить ему помощь противъ злыхъ духовъ, которые сидятъ въ больномъ, иногда въ видѣ червей, грызающихъ сердце. Онъ, т. е. шаманъ, видѣтъ сейчасъ по лицу пациента — выздоравливать ли онъ или нетъ, а о здоровыхъ можетъ сказать долго ли они проживутъ.

Для открытия пропажи (см. Кастрена I. стр. 201) мужчина стакаетъ водки, ножъ и крестъ, такъ какъ бывають шаманы христиане въ христіанство не уничтожаютъ ихъ силы. Силою заклинаний воръ будетъ пораженъ ножемъ въ глазъ. Потерянного находить онъ не умѣть, въ такъ-же какъ его собратья, но знаютъ никакого средства противъ мора оленей. Люди у которыхъ умираютъ олени, — всегда грѣшники и несутъ вселенное наказаніе!

Иногда приглашаютъ шамановъ на свадьбы, чтобы они защищали отъ „дурного глаза“. На погребеніяхъ имъ тоже есть дѣло, а имѣнио они дѣлаютъ заклинанія, чтобы покойникъ не возвращался. Остяки и Самоѣды почти не отличаются въ своихъ вѣрованіяхъ. Они собираются выѣхать осенью на семидневный праздникъ, который Самоѣды называютъ звучнымъ именемъ „Шинъ-Нелэ хѣвида-йелэ“, а Остяки еще болѣе языкоизменны называютъ: „Лабетхателъ Немунгхателъ лабетхателъ“ (отъ Лабеть — 7 и Хатель — солнце). Праздникъ этотъ представляетъ что-то въ родѣ благодарственного торжества, въ немъ можетъ принимать участіе всѣкій, также женщины и дѣти. Всѣ собираются къ наиболѣе почитаемому идолу, приносить ему въ жертву мясо, олени и т. д., вѣдать и пить. Въ годину бѣдствій приносятъ для умилостивленія боговъ особыя жертвы. Шаманы извѣщаютъ о волѣ боговъ и напоминаютъ о неисполненныхъ обѣтахъ, которые тотчасъ же приводятся въ исполненіе. Есть шаманы, которые вѣняютъ легенды и преданія своего народа, путь же знаменецъ не впаль даже никакихъ фокусовъ. Такъ и некоторые знаменитые шаманы проказываютъ свое тѣло сабаками въ копытья. Я самъ нашелъ однажды у покинутаго лагеря въ тундрѣ обломокъ четырехътрапичаго копья въ 1 футъ длиною, привезеннаго за копье шамана. Представление, впрочемъ, всѣхъ удовлетворило, даже насъ, потому что ознакомило съ шаманствомъ въ достаточно убѣдительно въ томъ, что подъ тонкимъ слоемъ христіанства еще глубоко коренится язычество. Когда я спросилъ одного русскаго,

что онъ думаетъ о фокусахъ шамана, онъ отвѣчалъ, что этотъ человѣкъ мастерски предсказываетъ погоду и отлично заговариваетъ рыбу; что вообще эти люди обладаютъ вианіями, которыхъ другимъ и не снятся. Какъ прекрасно уживается здѣсь христіанство съ шаманствомъ — это какъ нельзя лучше доказывалъ самъ Татибей. Онъ былъ не язычникъ, а добрый христіанинъ православной церкви и прежде даже былъ иѣвчимъ. Въ его чумѣ я видѣлъ три образа въ позолоченныхъ ризахъ, а на шее его — крестъ. Малыи, однако, былъ пегазупъ; онъ сосалъ двухъ коровъ: днемъ пѣлъ псалмы, ночью действовалъ волшебнымъ барабаномъ. Какъ продалъ онъ мнѣ одинъ изъ своихъ образовъ, также точно уступилъ и вакодованный инструментъ, спрятанный въ кустахъ, изъ опасенія посещенія миссионеровъ, которые запрещаютъ всяко колдовство.

Впрочемъ, этотъ шаманъ воспринялъ кое-что изъ христіанского учения и смѣшилъ его съ своими вѣрованіями. Онъ рассказывалъ много глупостей. Такъ онъ утверждалъ, что прежде Ии-малу привносили даже человѣческія жертвы, но Іорка, котораго я обѣ этомъ распрашивалъ, отвергалъ это съ негодованіемъ: никогда не было ничего подобнаго! Изъ такихъ-то источниковъ должно быть почерпнуты многія невѣрная сведенія, исказжающія и понижая честность обѣ этихъ народахъ.

Вотъ что говорить Іорка Мамрунъ о религиозныхъ вѣрованіяхъ Остяковъ:

Главное божество называется „Оортъ“, также мастеръ или юнкеръ. Это всевидимое, доброе существо, помогающее людямъ, но не всемогущее, потому что оно не можетъ отвратить смерть, а также и падежъ оленей, который вовсе не представляется собою наказанія грѣшникамъ. Больше, особенно почитаемые идолы (какъ въ Веспулагѣ) въ два аршина вышины, съ мышками на полнѣшими дорогими мячами и съ желѣзными лицами *) (подобно тому какъ въ Кюхатѣ), всѣ представляютъ Оорта; и прочие маленькие идолы составляютъ только его коніи. Такихъ маленькихъ иоловъ берутъ они съ собою изъ чумовъ на семидневный осенний праздникъ, совпадающей съ замерзаніемъ Оби. Передъ

*) Эти сѣятѣя во всякомъ случаѣ справедливы, потому что также описываетъ Собрина, Остякъ во временахъ, изображеніе бога Орика (Оорта), которое начинали въ Шаркотѣ (Шаркали), помощникъ котораго — Мастерко прежде находился въ Троицкой. Описание Зуева слѣдующе: идолъ у Боксарской юрты „съ серебрянымъ вѣнцомъ на головѣ“, основано лишь на разсказахъ.

Оортомъ зажигаютъ большой огонь изъ рыбаго жира и привозятъ ему дорогія жертвы: лисица иѣха, олесей и т. д. и обѣщаютъ еще новыя. Изъ маса жертвенныхъ олесей идолы получаютъ свои не-большія царціи. Въ пѣкоторыхъ мѣстностяхъ праздникъ этотъ справляется въ самомъ большомъ домѣ, по вынчѣ большое изображение Оорта стали прятать въ лѣсную чащу, такъ какъ жертвенные мѣста нерѣдко обкрадывались Русскими и Зырянами.— Еще справляется другой праздникъ, Іохтохотъ, пѣчто вродѣ военнаго торжества, въ память прежнихъ великихъ битвъ (?). На этотъ праздникъ явлюются они вооруженные олесными копьями и исполняютъ военные пляски. Для этихъ праздниковъ собираются определенныи и другія приношенія, которыя составляютъ особый фондъ, находящійся въ завѣщаніи старѣшаго. Также дѣлается и у Самоѣдовъ.

Судя по этому разсказу Іорки, можно заключить, что празднества эти состоятъ въ приношеніи благодарственныхъ или умилостивительныхъ жертвъ— въ Кастренѣ (I, стр. 291) справедливо говорить: „призываніе боговъ и умилостивленіе ихъ посредствомъ жертвоприношеній составляетъ единственное богослуженіе Остяковъ“. Объ этихъ празднествахъ упоминаетъ еще Зуевъ (Цал., стр. 63); описаны же они только Кастреномъ, (стр. 296), который говарядѣлъ ли ихъ видѣть самъ. Въ нихъ принимаютъ участіе и женщины, но крайней мѣрѣ въ пляскахъ. Мы также разсказывали, будто женщины справляютъ свои, особые праздники. Я очень сожалѣю, что мы прибыли не во время, тѣмъ болѣе, что Іорка завѣралъ меня, что они позволили бы намъ на нихъ присутствовать. Какое именно участіе принимаютъ шаманы въ этихъ празднествахъ, на которыхъ, они, кажется, должны бы играть важную роль, мы не удалось узнать. Іорка уѣвралъ, между прочимъ, что они не пользуются уваженіемъ умныхъ людей. Самъ онъ имъ не вѣрилъ. Но иногда совершенно случайно исполняются ихъ предсказанія и это пріобрѣтаетъ имъ новыхъ приверженцевъ.

Изъ всего этого слѣдуетъ заключить, что шаманы вовсе не жрецы, а просто гадатели и колдуны, что говорить и Миддендорфъ (стр. 1464). Какъ люди наиболѣе сѣдущіе, они заправляютъ жертвенныхъ празднествами. Правы шаманы описываетъ Шренкъ (стр. 394), а также Кастренъ (I, стр. 190—198). Что шаманы имѣютъ большое влияніе на толпу, это несомнѣнно и понятно при господствующемъ суевѣріи этихъ дѣлъ природы; скорѣе можно было бы удивляться, еслибы этого не было. А потому и нельзя имъ ставить этого въ укоръ. Если у насъ тысячи

спекулянтовъ находить вѣрующихъ, если спиритические медіумы и вызыватели духовъ— желанные гости въ салонахъ столичныхъ городовъ, если сверхъестественная видѣнія вознуждаютъ сотни умовъ и вызываютъ вмѣшательство полиції, если это и многое другое происходитъ въ центрахъ культуры и цивилизаціи, то мы поневолѣ должны признаться, что во многихъ отрасляхъ погрязли въ шаманство еще глубже, чѣмъ эти дикиеnomadsъ сѣверозападной Сибири.

Поэтому ихъ религіозныи понятія требуютъ болѣе мягкаго служенія, чѣмъ: „сѣйное и грубое идолопоклонничество, вотъ господствующая религія Остяковъ“ (Палльсъ). Или „Остякъ типичный идолопоклонникъ, нерѣдко олицетворяющій высшее существо всезнаній, результатъ строгихъ законовъ природы, въ видѣ идоловъ, сдѣланыхъ его собственной рукой“ (Поляковъ)—и тому подобное. По истинѣ, ни одинъ еще изслѣдователь не про никъ въ сущность религіи туземцевъ, такъ какъ ни одинъ не присутствовалъ на вхѣ религіозныхъ торжествахъ. Это ясно видно изъ того, что почти каждый путешественникъ даетъ противорѣчивыя свѣдѣнія, смотря по тому, что ему рассказывали.

„Самоѣды признаютъ божественное существо, Нумъ (т. е. небо), живущее па небѣ. Нумъ— духъ и не имѣть образа; онъ Гигиеномбъартс, т. е. творецъ жизни, земли, солнца и звѣздъ. Онъ добръ, всемогущъ, всевѣдающъ и всевѣдущъ, по управлѣть міромъ представляеть духамъ, Табебціамъ. (Шренкъ, стр. 403).

Почти тоже говорить Кастренъ (I, стр. 198) о Нумѣ, кото раго Самоѣды видѣть въ различныхъ явленіяхъ природы; такъ напр. радугу считаютъ они каймой его платья. Они почитаютъ его и въ солнцѣ, и инѣ самому не разъ говорили (напр. дѣяко въ Обдорскѣ), что у Самоѣдовъ имѣть идоловъ и что они поклоняются солнцу.

Небесный богъ Остяковъ—Турмъ или Туромъ (т. е. небо), также всевѣдущъ и пр., какъ и Нумъ, только у Остяковъ есть еще и другіе боги. По Кастрену, (стр. 295) есть еще лѣсной богъ, рѣчной богъ, Мэнгъ—Кула, а по Полякову,—Тонка и Уртъ-Иге. Ковалѣскій же говоритъ (стр. XXVIII), что главный богъ Остяковъ называется Мастерко, а Куль есть название злого духа. Свѣдѣнія эти сообщены ему обдорскимъ священникомъ Поповимъ. Енисейскіе Остяки, хотя христіане, почитаютъ однако три могущественные божества: Ера, бога неба, Имля, женское, подземное божество, и медвѣдя, бога земли (Кастренъ II, стр. 226). Собринъ, (Russ. Revue, 1876, стр. 339), который, самъ Остякъ

по рождению, долженъ бы хорошо знать о своихъ соплеменникахъ, сообщаетъ, что Остяки почитали (?) или почитаютъ (!) (и Богулы) слѣдующихъ боговъ: 1) богиню охоты (въ образѣ женщины); 2)—бога рыбы („обского старика“); 3)—бога птицы; 4)—главного бога (не названъ); 5)—Ортика; 6)—Мастерко, помощника и исполнителя воли Ортика; онъ же и богъ здоровья; 7)—Эліале, посланика боговъ и 8)—Мейко, бога злыхъ.

Изъ всего, что мы удались узнать и что я вѣдь сообщаю, при объективномъ отношеніи къ дѣлу, „слѣпое идолопоклонство“ оказывается вовсе не такъмъ дурнымъ, какъ оно кажется. Если остицкій богъ Турмъ или Туromъ почти тождественъ съ самоѣдскимъ Я-Маломъ или Нуомъ, что единогласно утверждаютъ всѣ путешественники, то нѣтъ ничего удивительнаго, что вѣтъ безахитростнымъ дѣламъ пришла фантазія какъ-нибудь изобразить его. Желаніе выполнить у этого высшаго существа защиту и помочь или выразить ему благодарность—повело къ жертвоприношеніямъ. Отсюда уже недалеко отъ олицетворенія божества съ его изображеніемъ.

Главныхъ изображений бога Туroma, по преданию сдѣланыхъ людьми по его собственному повелѣнію (Поляковъ, стр. 61), не видаль никто изъ исследователей, кроме, быть можетъ, Собрина, который ихъ описываетъ. По всей вѣроятности, они находились прежде въ особыхъ домахъ, по теперть скрыты въ лѣсной чащи. Очень можетъ быть, что священные рощи означаютъ таія мѣста, гдѣ прежде стояли эти славные изображенія, или же рощи эти служили лишь мѣстомъ для жертвоприношеній. Въ Веспуль, какъ было ужъ упомянуто, этого изображенія мы не нашли, такъ-же какъ Гофманъ и Кастренъ (стр. 290). Послѣдній видѣлъ такую же рощу, какъ мы у Веспула. Длинные, грубые идолы, по ост. Нильзинъ, сам. Хахе, представляли, по инѣилю Кастрена, боговъ хранителей, и находились вѣдь въ качествѣ покертованій.

Самоѣды, живущіе болѣе въ тундрѣ, согласуясь съ бѣдностью природы, довольствуются меньшимъ и замѣняютъ идолы камнями странный формы и вообще разными „играми прароды“. Такъ около Дудина приносятъ жертвы большому камню, потому что Самоѣды полагаютъ, что „тажелый камень могъ принести сюда лишь самъ создатель“ (Майдендорфъ, стр. 1463). Гайва разсказывалъ намъ, что онъ и его земляки ежегодно отправляются осеню на Арка-Най (Уралъ) и тамъ приносить въ жертву большому камню олени, рыбу и т. п. Гофманъ находилъ таія жер-

твенныя мѣста на Уралѣ, напр. Іоденѣй (въ 1073 ф. вышины) и въ Пай-Хой (стр. 154, 157, 158).

При известной щедрости Остяковъ и Самоѣдовъ, нѣтъ ничего удивительнаго, что щедрость эта выражается и въ жертвоприношеніяхъ богамъ, которые потомъ расхищаются собирателями подаянія. Поляковъ говорить, что они совершаютъ съ этой цѣлью большія путешествія и систематично занимаются собираченіемъ приношеній. *Coutume chez nous!*

Это стремленіе къ жертвоприношеніямъ сохранилось и у обращенныхъ въ христианство. Поляковъ приводитъ тому отличный примѣръ: одинъ Остикъ въ Маломъ-Атлымѣ, при видѣ образа Богоматери, въ простотѣ своей, принесъ ей въ церкви въ жертву молодого оленя.

Туземцы, какъ приверженцы старины, сохранили всѣ старыя жертвенные мѣста и мы видимъ на Вайгачѣ, на мысѣ Идоловъ, съдѣлище высокочтимаго прежде Я-йеру-Хахе (т. е. владыки страны Хахе). Несмотря на то, что всѣ идолы были сожжены и на мѣстѣ ихъ водруженъ крестъ, около послѣдняго лежитъ множество жертвоприношеній. (*Globus* 1877 стр. 119). Впрочемъ подобный обычай замѣтилъ Шренкъ (стр. 221) и у Бирянъ: У подножія креста, вслѣдствіе „религиознаго суетѣрія патаскана была куча камней, изъ которыхъ каждый означалъ жертву“.

Такъ какъ не всякому удавалось видѣть главныя божескія изображенія или часто посѣщать ихъ, то стали дѣлать ихъ копіи и ставить ихъ въ чумѣ, въ видѣ семейныхъ или домашнихъ идоловъ. Эти идолы означаютъ боговъ-хранителей, (ост. Лонгъ или Лопхъ), и какъ я замѣтилъ въ Кюхатѣ, они дѣлаются по образцу большихъ идоловъ, скрытыхъ въ лѣсу, что, изъ описаній Собрина, кажется вполнѣ достовѣрнымъ. Вслѣдствіе этого эти пепаты особенно чтутся и не продаются, такъ-же какъ и изображенія, почитаемыя женщинами, напримѣръ упомянутая выше богиня Зонгеть. Изъ этого можно заключить, что правы тѣ, которые утверждаютъ, что главныя божества женщинъ также скрыты въ лѣсу. Это тѣмъ вѣроятнѣе, что Собринъ и Кастренъ упоминаютъ о богиняхъ.

Такъ какъ у Самоѣдовъ повидимому нѣтъ искусственныхъ изображеній боговъ, а для этой цѣли имъ служатъ камни, то этимъ и объясняется почитаніе ими небольшихъ камней, вродѣ описаннаго выше Сисавейпай, замѣнявшаго остицкаго Лопха. Такіе Лопхи широчень въ большомъ ходу у крещеныхъ Остяковъ на средней Оби, съ тѣмъ только отличіемъ, что они должны

- быть сдѣланы руками невинной девушки! (Кастренъ II стр. 170).
- Какъ главныиъ идоламъ, такъ и главныиъ жертвеннныиъ мѣстамъ дѣлаютъ подражанія въ малыхъ размѣрахъ. Такими считаю я тамъ и сямъ скрытыя въ чащѣ жертвенные места, которыи уже были мною описаны.) Можетъ быть назначеніе ихъ служить жертвеннныиъ мѣстомъ для домашнихъ боговъ. Выставленныи тамъ грубыхъ палки съ человѣческими лицами, по сам. Сіадас (отъ сіа—человѣческое лицо), не служить изображеніемъ какихъ либо боговъ, но представляютъ тоже, что малыя жертвенные места по отношенію къ большамъ, (какъ напр. въ Веснугѣ). Что туземцы не придаютъ имъ большого значенія, видно въ того, что они иногда отказываются отъ нихъ и не даютъ себѣ труда отдавать ихъ по искушѣю. Гофманъ (стр. 29) говоритъ тоже самое, и мое мнѣніе подтверждается еще однимъ духовнымъ лицемъ въ Обдорскѣ, которое въ теченіи многихъ лѣтъ имѣло спошениія съ туземцами. Несмотря на то лицо это никогда не выдало главныхъ идоловъ, но говорило, что въ глазахъ туземцевъ они имѣютъ такую же съятость, какъ чудотворные образы православныхъ. Итакъ оказывается, что у туземцевъ естественный кульпъ священныхъ рощъ, жертвенныхъ мѣстъ и т. п. очень напоминаетъ кульпъ нашихъ предковъ. Такъ какъ этотъ кульпъ не имѣтъ ничего бессправственного и въ теченіи столѣтій сохранилъ въ туземцахъ ихъ хорошия человѣческія качества, то онъ, несмотря на насмѣшки и сожалѣнія, заслуживаетъ уваженія каждого образованнаго человѣка, то уваженіе, которымъ каждый человѣкъ обязанъ своему ближнему.